

Татьяна Краснова

Марина

серия «Знакомые лица»

Издательские решения

По лицензии Ridero

2016

УДК 82-3
ББК 84-4
К78

Краснова Татьяна

К78 Марина : серия «Знакомые лица». — [б. м.] : Издательские решения, 2016. — 340 с. — ISBN 978-5-4474-6910-8

Для Марины, растущей без матери, ее друзья — это часть семьи, часть жизни. Без них и праздник не в радость, а с ними и любые неприятности больше похожи на приключения. Они неразлучны и в школе, и после уроков. И вот появляется новый знакомый — или это первая любовь? Но компания его решительно отвергает. 15, 16, 17, 18 — не просто ступеньки возраста. Это этапы квеста, по которым надо продвигаться, выходя из зоны комфорта и решая задачи повышенной сложности, чтобы попасть на новый уровень.

**УДК 82-3
ББК 84-4**

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4474-6910-8

© Татьяна Краснова, 2016
© Фёдор Краснов, иллюстрации, 2016

ЧАСТЬ I МИРАЖИ
СЧАСТЬЯ В МАЛЕНЬКОМ
ГОРОДЕ

Марш за дверь!

— ЭТО еще что такое! Урок алгебры для нее — пустяки! Можно почитать книжечки!

Рахиль Исаковна возмущенно потрясла отнятым томиком «Властелина колец». Восьмиклассники с удовольствием оторвались от уравнений, хотя глядеть на классную руководительницу и ее жертву — Марину Медведеву — явно не развлекательное зрелище.

Мрачное форменное платье и ворох светлых кудрей по плечам. И что за противная привычка опускать глаза, не опуская дерзко задранной — так кажется Рахили — головы. А Рахиль — это вам не шутка. Рахиль — это опасно. На ее уроках лучше глядеть ей в рот, закрыв свой собственный.

— Встать! Может, ты хочешь неделю мыть в классе полы? Сядь и открой учебник!

У Рахили строгая прическа и закрытое темное платье. Она ходит по классу так прямо, словно внутри у нее штык, и на лице такое выражение, будто она жует что-то кислое.

В этом году всех учеников ну просто обломали — ввели форму, и Рахиль Исаковна выбрала для девочек платья, похожие на ее собственное — глухие, мрачно-коричневые, почти черные. Девчонки долго горевали, не узнавая себя в зеркалах, ссылались на гимназию в центре Белогорска, где форма хотя бы синяя, но все-таки пришлось носить. А потом решили, что некоторым, например Марине Медведевой, этот фасон со стоечкой даже идет.

Урок продолжается. Волшебный, головокружительный Толкиен в плену на учительском столе. Марина машинально открывает учебник. Но перед глазами все еще несутся тени Черных Всадников, шепчется Вековечный Лес, сверкают мечи и кинжалы. Взгляд убегает за окно, где собра-

лись тучи, такие же фантастические, как прерванное повествование. Они ползут из-за темного кудрявого леса, со всех сторон окружающего их маленький город. Там, на просторе, среди зеленых холмов, вполне могла бы разворачиваться Великая Битва за Кольцо Всевластья. Эльфы, гномы и гоблины смотрелись бы там, как дома. Вокруг ручьев и ближе к озеру могли бы жить речные эльфы, а в еловом лесу — таинственно-мрачном, и в сосновом — солнечно-радостном — почти невидимые лесные...

— Теперь она глядит в окно! Науки ее явно не интересуют, — иронично и отчетливо заговорила Рахиль. — Если не хочешь учиться, незачем в школу ходить. Марш за дверь! А за книжкой пусть придет отец. Господину Медведеву будет приятно посетить родную школу и узнать, что любимая дочь из нее скоро вылетит!

Дверь хлопнула. Стриженный ёжиком шалопай привскочил с места. Рудик Фольц.

— И ты раздумал учиться? Давай дневник!

Заодно Рахиль Исаковна уловила еще три протестующих взгляда. Пронзительный, непроницаемый, исподлобья — Жанна Лончинская. Сосредоточенный, серьезный — Артур Грачев, лучший ученик в классе. Полный незащищенности и недоумения — Рафаэль Мдивани.

Опять эта компания строптивцев! Ведь специально рассадила их по разным углам!

Шоколадный еж

ДАЖЕ когда слова Рахили справедливы, ни у кого не возникает желания исправиться, потому что она стремится не помочь человеку стать лучше, а загнать его глубже в грязь. Но если переживать из-за всего, что она говорит, пришлось бы печалиться каждый божий день кроме воскресений. Хотя «вылетишь из школы» — этого в ее

репертуаре раньше не было.

Марина постояла на школьном крыльце. Солнце сбросило капюшон из туч, и освобожденные лучи затопили весь город. На миг все стало белым: небо, дома. Железные крыши — сплошное слепящее зеркало. Молоденькие листья тополя, завернутые ветром — льющаяся ртуть. И каждый листик дразнит свободой.

Ну и хорошо, что вырвалась пораньше! Надо успеть купить торт. Нет, лучше два — у братика сегодня день рождения, и соберется полон дом гостей. И побольше шипучки! Павлик (ему исполняется семь) любит фанту, Рафаэль — тоже, Артур — пепси, Рудик и Жанна — спрайт. Куда бы отправиться за покупками? Можно, конечно, и в магазинчик рядом с домом. Вода там есть, но вот торты — самые лучшие — только в центре, в кафе «Забавушка».

Гроза, которая с утра блуждала вокруг Белогорска, так и не собралась. Видимо, все-таки решила дожидаться своего законного начала мая. Вот и еще один хороший момент — тем более что зонтик Марина забыла дома. Хороших моментов всегда можно наскрести, если постараться.

Итак, в центр!

Если честно, она просто любит здесь бывать, даже без всякой цели, или выдумать повод, чтобы сюда прогуляться. Здесь, в центре — роскошный парк с экзотическими для средней полосы деревьями, большой книжный магазин с веселым типографским запахом новых книжек, фонтаны, которые совсем скоро заплещутся, шумный пестрый рынок. Название кафе «Забавушка» в полной мере оправдывают игровые автоматы для детей, большущий телевизор с сериалами для их мам и тир, где могут развлечься папы. И торты здесь в самом деле отличные: и их любимое «Волшебное кольцо» (как-то там у Рахили скучает бедный Толкиен!), и шоколадного ежа надо взять — то-то Павлик обрадуется.

Но у прилавка толпилась очередь, и торты уже конча-

лись — покупатели постановили давать по одному, чтобы всем досталось. Значит, придется кого-то просить. Марина с сомнением поглядела на хмурую старушку, стоящую впереди, и перевела взгляд на мальчишку, своего ровесника, который выбирал мороженое. Протянула ему деньги:

— Ты торт не покупаешь? Возьми мне, пожалуйста, вон того большого ежа.

Он, не оглянувшись, протянул за деньгами руку. Марина начала показывать ему ежа на витрине, а когда повернулась, перед ней никого не было. Она растерянно смотрела на болтающуюся стеклянную дверь. Очередь приняла самое деятельное участие:

— Сколько ты ему дала? Две сотни? Ого!

— Ну, теперь не догонишь — вон автобус отошел!

Странный Дом

КНИЖКУ отобрали, деньги украли. Ну и денёк.

А может, наплевать на шоколадного ежа — один раз они уже покупали такого, и Павлик ни за что не давал его разрезать, даже собирался рыдать. Они с папой потом незаметно сзади отрезали по кусочку, а мордочка так и осталась, и засохла. Павлик не дал мучить ежика. Правда, тогда он совсем маленький был. Наверное, сейчас не стал бы рыдать.

Все-таки хорошие моменты не всегда наскребаются. Марина прикидывала, как же одного торта хватит на всех. Получалось, что не хватит, как ни прикидывай.

Но тут над нежно-зелеными волнами акаций сверкнул золотой кораблик, весело блеснуло круглое окошко из разноцветных стеклышек, и на душе полегчало: родной дом встречал ее — и надежный, и беспечный, как всегда. Да там и музыку включили! «Позови меня с собой», — заливаются Пугачева — значит, отец уже дома.

Но первыми Марину заметили Петровна и Глебовна — старушки, живущие напротив. Забор, разделяющий их владения — наблюдательный пункт. Нравственность и чужие дела всегда под контролем. А уж Медведевы попали в центр их внимания еще до своего приезда.

Шесть лет назад в один прекрасный день Петровна и Глебовна ахнули: заброшенный дом-развалину сносят! Забор ломают! Поди, какого-нибудь нового русского принесло! Потом они вздохнули с облегчением: да это Павлик Медведев, сын старой хозяйки, ставший Пал Палычем, вернулся домой, на Зеленую улицу.

Но что он построил? Странный дом. На крыше — флюгер в виде парусного корабля, чердачное окошко — из красных, синих, желтых стеклышек, а вокруг вместо старых яблонь посадили совершенно бесполезные акации. Откуда он их только притащил? Соседки дознались, что из питомника какого-то. Нежные яркие нити цветков привлекают взгляды прохожих, а волшебный аромат наполняет розовой дымкой всю улицу. Подумаешь! Тонкие резные листья на закате складываются и засыпают, а с восходом солнца распускаются вновь — ну и что? Какая польза? Не растет же ничего съедобного. Петровна и Глебовна пожимали плечами.

В то же время хозяин не был явным чудаком вроде Грачевых с их магазинчиком старья, которое никто не покупает. И выглядел он солидно, высокий блондин с пушистыми усами, портфелем внушительных размеров и красным блестящим автомобилем — всё это через забор видели соседки, когда Медведев уезжал на работу и возвращался домой. Петровна и Глебовна выяснили, что он — преуспевающий юрист, и взяли на заметку: может, понадобится когда-нибудь.

Но интереснее всего им было, когда же он женится: Медведев приехал один с двумя детьми, восьмилетней девочкой и годовалым малышом. Зоркие взгляды соседок не замечали ничего предосудительного в поведении оди-

ногого мужчины, и его единодушно начали считать примерным отцом и хорошим семьянином.

А затем Петровна и Глебовна углядели, что их соседка зачастила в Странный Дом. Она заливалась краской, выслушивая не очень тонкие намеки, убеждала, что ее всего лишь просят помогать по хозяйству, а ей это очень кстати, потому что у медсестры зарплата маленькая, и соседки уверились в собственных выводах окончательно. «Не нравится мне это, — говорила Петровна. — Зачем такому красавчику наша Дашка? Она не первой молодости и вообще старше его». Глебовна возражала: «Зато такая же одинокая, как он, и характер у нее хороший. Хозяйство вести умеет, чистюля какая».

Одним словом, Странный Дом был неисчерпаемым источником для разговоров. И все-таки, оторвавшись от работы, соседки порой вскидывали головы, взглядывали на пушистые стрелы розовых цветов, и в душу обеим на миг закрадывалось то смущающее, странное, тревожное, что посещало их в дни юности...

Ослы дремучие

— ГЛЯНЬ, Медведева дочка — бредет, глядя в землю. Из школы выгоняют, говорят, — сообщила Петровна.

И не успела ей Глебовна ответить, как с крыльца Странного Дома раздался громкий женский голос:

— Врешь! Больше нее книжек никто не читает!

— Представляешь, а я деньги потеряла, — сообщила Марина, поднимаясь навстречу Доре — так называл Дарью Васильевну Павлик, когда еще учился говорить. Новое имя так и «прилепилось». — Вот, только одно «Кольцо». Чем теперь гостей кормить?

— Да Пал Палыч всего накупил, — радостно заторопилась Дора, низенькая, кругленькая, с бархатистым смуглым

лицом и глазами-вишенками. — А я еще домашний торт испекла на всякий случай.

В дверях они столкнулись с Пал Палычем, который был в Маринином любимом настроении: лучезарный, искрящийся, готовый обнять и угостить весь мир.

— Ты одна, без своей публики? А мои уже все здесь, и все пораньше, представляешь! Голодные, как крокодилы. Ну, мы на базар заехали, похватали всего по чуть-чуть. И сразу за стол, не дожидаясь. Да, еще на всякий пожарный купили колу, фанту и спрайт — правильно?

— Гениально! А я урвала «Волшебное кольцо».

— Оставь своим. Сегодня сметут всё, — авторитетно заявил Пал Палыч.

— А малышам я домашний испекла, — извиняющимся голосом добавила Дора.

Пал Палыч оглянулся, мысли его были уже далеко, и он ответил не сразу и вежливо:

— Да-да... Конечно.

Марина увидела сначала вопросительно-робкий взгляд женщины, затем взгляд мужчины, обращенный словно на пустое место, — и поторопилась пройти в гостиную.

Малыши, гости Павлика, собирали «Лего» — он получил в подарок большущий конструктор из серии «Город». Сам виновник торжества одной рукой держал уже собранного человечка, а другой — мороженое в вафельном стаканчике, которое с удовольствием лизал их огромный пятнистый дог Рольд. Марина с удовольствием приняла бы участие — так аппетитно смотрелись разноцветные детальки, уже высыпанные из пакетиков с круглыми дырочками.

Но из двери, открытой в соседнюю комнату, раздавались сочные мужские голоса. Значит, там обычная компания — бывшие папины одноклассники, отцы Марининых друзей: врач Лончинский, музыкант и районный министр культуры Мдивани и майор милиции Фольц. Марина любила послушать их разговоры — собираясь вместе, мужчины забывали о том, что они взрослые. Вот только она

до сих пор в дурацкой школьной форме. Пойти переодеться? Некогда, тогда совсем всё пропустишь.

За дальним концом стола сидела незнакомая дама — не тетка, не женщина. Именно дама. А громче всех было слышно дядю Алика, музейщика — он теперь появлялся от случая к случаю, потому что уехал работать в Москву, а раньше возглавлял краеведческий музей, тот самый, с пушками у входа и огромным чучелом медведя внутри.

— ...и насыпает мне изюм, понимаете ли, в кулек из этого самого, понимаете ли, листа! — Дядя Алик потряс каким-то листком. — Ослы дремучие! Это же семнадцатый век! Откуда взяли? Понимать ничего не хотят, белиберду лопочут...

— Семнадцатый? И не истлел? — Доктор с любопытством вертел листок.

Марина, заглянув, увидела похожие на узор строки.

— Это по-арабски, — пояснил дядя Алик. — Вырвано явно из конца, это не сам текст, а идущая за ним памятная запись, «ишатакаран». Послесловие, как бы мы сейчас сказали. Там автор или переписчик напрямую обращались к читателю. Вот... — И вдохновенно начинает переводить: — «Возобновление рукописей, восстановление их из ветхости и оживление из тлена — дело более великое, чем построение церквей». Каково? И вот еще: «Берегите написанное мною, во времена бегства и години войн увозите книгу эту в город и скройте ее, в мирное же время верните книгу в монастырь и читайте ее: и не прячьте, не держите закрытой, ибо закрытые книги — всего лишь идолы»...

— Постой, Алик, — перебивает Мдивани, — это уже сказки для твоей диссертации. Так откуда взялся лист, ты узнал?

— Ну и посылают меня в тот захудалый магазинчик! Там всякий хлам, понимаете ли, и заодно уголок букиниста. Макулатура навалена. Узнали мой лист — принес кто-то книгу, говорят, давно уже, а никто не покупает, ну

и раздергали, понимаете ли, для кульков. Ослы. Что я сделаю? И хозяйки нет, и кто приносил книгу, не помнят.

— И кто бы это мог быть?

— Ну, кто — понятно, коллекционер. Такие вещи где попало не валяются.

— Отчаянный народ эти коллекционеры. Приключений ищут на свою голову. — И майор Фольц с удовольствием, в сотый раз рассказал о собирателе старинных монет и оружия, которого нашли у него дома с головой, отрубленной его же саблей, и про поимку похитителей сокровищ. После участия в ней он и получил новое звание.

— А они были головорезы или головотяпы? — спросил Павлик Медведев-младший, незаметно очутившийся в комнате.

Фольц принялся острить, указывая на доктора, что «тяпы» — это господа хирурги, а Медведев-старший поясnil малышу:

— Они были бандиты.

— А их всех поймали?

— Да разве их всех переловишь, — отфутболил Лончинский, с показным сочувствием глядя на майора.

— Погодите, Холмс и Ватсон, — сказал Пал Палыч. — Марин, а твой Артур — это же похоже на их магазинчик? Ну, точно, это грачевский магазин!

— Да, — подхватил музейщик, — может, разузнаешь у них, кто приносил старинную книгу? Где этого человека найти? Есть у него еще что-то? Может, он продал бы что-нибудь нам? Настоящий собиратель, конечно, вряд ли продаст, но случаи всякие бывают — очень деньги нужны, например. Или он не коллекционер, а получил в наследство, и сам как раз ищет покупателя. С нами ему вернее иметь дело, понимаешь? Ведь эта бумажка представляет историческую ценность и стоит больше, чем могут дать в дрянном провинциальном магазине. Узнаешь? А то мне уезжать сегодня вечером.

— Артур сейчас на день рождения придет, — отозвалась

Марина. — Может, уже здесь. Пойду посмотрю.

Павлик побежал за ней:

— Давай зажигать свечки на торте!

Наших бьют!

УЖЕ зажгли и задули свечки, и спели с малышами «каравай», и принялись за куски торта, когда явился Рафаэль. Он вручил имениннику значок «Павлик» и наклейки со смешными рожами и надписями «Всеобщий любимец», «Налейте шипучки» и «Без телека помру», а потом развалился в кресле. Тонкий, высокий, грациозный, он был похож на цветок, выращенный в оранжерее. И хотя в больших зрачках скользило постоянное беспокойство, а на нервном лице сменялись десятки выражений, казалось, что жизнь в нем едва теплится и вот-вот угаснет.

— А мне что-то осталось вкусненькое? А где Жанка с Артуром?

— Вы сегодня не торопитесь. Я уж подумала, Рахиль вас где-то заточила. И Рудик пропал.

Тут без стука, но с грохотом в комнату ввалилась Жанна. Смуглое лицо стало пунцовым, черная, заплетенная в косу грива растрепалась. Ни на кого не глядя, она подошла к столу, залпом выпила бутылку воды прямо из горлышка и только тогда обвела компанию пронзительным взглядом.

— Ничего не знаете?

Все молча уставились на нее.

— Наших бьют, — выдохнула она. — На пустыре трое «чужих» дерутся с Артуром.

Молчание длилось несколько секунд, а потом Марина, Рафаэль и Жанна бросились к выходу. Малыши, вереща, побежали за ними, но Дора их перехватила. Тогда следом понесся Рольд.

По неписаным законам Соснового Бора, с тех времен, когда поселок еще не разросся и не слился с городом, «чужими» считались все из белогорского центра. Завести дружбу с кем-нибудь из них значило подвергнуться осуждению, завести драку — проявить свой патриотизм. Правда, последнее побоище было при царе Горохе. Тем не менее, все мчались, полные праведного гнева, готовые дать отпор и защитить Артура.

— Наверно, опять футбол, — высказала Марина догадку на бегу, прыгающим голосом.

Пустырь был пограничной территорией, мальчишки из обоих районов любили погонять там мяч, и когда такое желание возникало одновременно, не обходилось без стычек.

Но защитницы опоздали. Артур уже шагал с пустыря, взлохмаченный, растерзанный и возбужденный.

— Как это тебя угораздило? Где они? — задохнулась Марина, подбегая. — Жанна, у него кровь на лице! Скажи отцу, пусть он его осмотрит!

— Ни к чему, — махнул рукой Артур, — подумаешь, нос расшибли. Вот, вытер, и всё.

— Так ты врезал всем троим? — удивилась Жанна, начиная видеть в Артуре не книжного червяка, а настоящего мужчину.

Что стоило ему согласиться! Но он, как всегда серьезно, возразил:

— Да они сами начали. Я мимо пустыря иду, они мяч гоняют. Мяч на меня полетел, я поймал, а они, может, подумали, что я не отдам, и набросились. Ну и — *vae victis*, горе побежденным.

Артур щеголял латынью, которую сам, по доброй воле, недавно начал изучать.

Жанна вспыхнула от стыда и гнева. Как! Этот «червяк», увидев чужих на нашем — нашем! — пустыре, не только не кинулся их изгонять, а еще и поймал для них мячик! Позорище! Молчал бы уж! Она обрушилась на Артура пото-

ком восклицаний и ругательств.

— Да ладно тебе, — сказала Марина. — Какие они чужие, кто сейчас на это глядит. Что мы, ослы дремучие?

— И, кстати, честные ребята, — добавил Артур. — Могли бы все вместе навалиться, но я дрался один на один. Ты бы в него, Жанка, влюбилась.

— Да уж не сомневайся, — вспыхнула Жанна.

Они двинулись к Странному Дому. По пути к ним присоединился Рудик, размахивающий «Властелином колец», которого похитил у Рахили после уроков. Особого значения он этому подвигу не придавал и тут же со знанием дела начал расспрашивать о ходе поединка. Пятнистый Рольд метался от одного к другому и подпрыгивал от избытка чувств. Артур спокойно продолжал быть героем дня и центром вселенной. Рафаэль, искоса поглядывая, плелся сбоку.

А дома ждал приятный сюрприз: малыши уже разошлись, взрослые гости тоже уходили, и можно поспрашивать на свободе в свое удовольствие.

— Мариночка, не забудь про книгу, — напомнил у порога дядя Алик. — И приезжай в гости, хоть на первое мая, на выходные. Раскопки увидишь. Мы в метро, где новую ветку тянут, такое, понимаете ли, откопали! Отец в Москву, а ты давай с ним.

На продукты уже не хватило

КАКОЙ доход приносил этот магазинчик, трудно было понять. Наверное, спасало то, что располагался он на бойком месте, у входа на базар. Рядом с крылечком Марина увидела несколько зевак. Они столпились вокруг старичка, который держал ковровую иглу и ловко набивал цветной шерстью коврики, целой грудой лежащие рядом. Выпуклый рисунок рос на глазах. И коврики, и иголки

предлагались на продажу. Желающие могли тут же обучиться ремеслу, которое казалось нехитрым — знай себе тыкай иглой.

Виртуозно скачущая игла была зажата в грубых, почерневших от времени и краски, узловатых пальцах мастера. Марина представила, какими они были раньше, давно-давно: мальчишеские пальцы, цепкие и гибкие, а еще перед тем — нежно-розовые ладошки ребенка. Потом потихоньку посмотрела на свои руки и попыталась увидеть процесс в обратном порядке, но тут же затрясла ладонями, словно они запачкались, и заторопилась внутрь, в магазинчик.

Плетеные шляпы и корзинки, побывавшие в употреблении аудио- и видеокассеты, кипы старых журналов и безделушки из ракушек и камешков, пляжные шлепанцы и китайское тряпье, читанные любовные романы и потерянный глобус — и ни одного покупателя. За прилавком Артур с отсутствующим видом читает книгу, на прилавке — мохнатые разноцветные коврики, сделанные стариком.

— Тогда этот тип навязал вам дурацкие чулочные иголки, спущенные петли поднимать, — сказала Марина без приветствия. — Так у него-то всё здорово выходит, а я только изодрала вконец свои колготки и в итоге выкинула вместе с иглой. Если у всех получилось то же самое...

— Да, нам те иголки возвращали и еще скандалили, — невозмутимо подтвердил Артур, отложив чтение. — А мама предполагала, что это будет выгодный товар.

— Зачем тогда опять с этим игольщиком связываться?

— Маме снова мерещится, что мы сделаем крупный бизнес. Ну, может, хоть коврики продадим.

Он тут же бесцеремонно отодвинул коврики, расчищая Марине место, чтобы сесть.

— А ты ее не спрашивал насчет той книги?

— Да не помнит она. Парень какой-то приносил, я его и не заметил. Две книжки. Вторая вон лежит, специально откопал, погляди. Тоже никто не берет.

Марина открыла наугад. Между большими плотными страницами с округлившимися пушистыми уголками зашуршала папиросная бумага. Она закрывала раскрашенные изображения цветов и растений.

— Ой, а я думала, они настоящие, заложены в книжку и сейчас посыплутся!

— Вот и мама решила, что кто-нибудь купит из-за картинок, — довольный произведенным эффектом, пояснил Артур. — Но опять промахнулась. Главное, деньги наперед отдала, тот чужак теперь точно не вернется. Не найдем мы его дяде Алику. Разве что еще что-нибудь притащит. Да вряд ли — какой он коллекционер, он не старше нас с тобой. Может, вообще спер эти книжки где-нибудь. И даже если так, ему бы лучше их в Москву отвезти, к букинистам, там наверняка найдется, кто понимает, а здесь они не нужны никому.

— Это какая-то старинная ботаника, да? — Марина не могла оторваться и всё листала. — Здесь, похоже, описания с иллюстрациями. Гляди, и классификация наподобие нашей... А это по-латински? Ну-ка, блесни познаниями.

Марина показывала на рисунок — кисть нежно-голубых цветов, у основания вытянутых в трубочку.

— Адамово дерево, — пересказал Артур своими словами, — символ совершенства. Птица Феникс достаивает своим посещением только адамово дерево. Видимо, легенда какая-то. Это всё, что я понял.

— Ну ладно, пойду. Еще уроки учить. Спасибо за книжку.

— Жанна бы сказала: а учить-то нечего, завтра история.

Мясные ряды с деревянными плахами, потемневшими от крови, рыбные с липкой чешуей под ногами — Марина так до них и не дошла, хотя договаривалась с Дорой закупить продукты по длинному списку. Рядом с магазинчиком Грачевых начинался дачный ряд с самым весенним товаром — саженцы фруктовых кустов и деревьев, рассада, семена, отводки, луковицы. Продавцы не давали проходу.

Некоторые выставили рядом картинки или фотографии: крупные краснощекие яблоки в корзинке, сливы величиной с яблоки, вишни величиной со сливы, помидоры-бегемоты, невиданные перцы цвета баклажанов. Покупатели должны были убедиться, что приобретают не kota в мешке, а именно такой вот богатый будущий урожай.

Марина, пробираясь сквозь толпу, медленно дошла до цветочного ряда, где на картинках и фотографиях были уже роскошные тюльпаны, нарциссы, гиацинты, крокусы, ирисы, маленькие белые лилии — целый букет на одном стебле — и большие оранжевые с черными веснушками. А вот цветы, которым она даже не знает имени: сиреневые с прозрачными лепестками, стрельчатые оранжевые шары, толстые лиловые шишки, полосатые гребешки, мелкие звездочки, кудрявые красные головки. Это клумбовые цветы, такие растут в парке. А рядом с их домом они должны бы здорово смотреться, особенно эти шары! Ну-ка, очень дорого или не очень? Марина остановилась.

Декоративной экзотикой торговала молодая черноволосая и синеглазая женщина, такая же заметная и яркая, как и ее товар. Ну да, это же известный «Берестовский» питомник — вот надпись на стенде с фотографиями. Папа еще привозил оттуда их розовые акации... Рядом со стендом — кипарисы и туи в горшочках, и просто саженцы для высадки в грунт.

А это что? Неужели? Не может быть! Марина начисто забыла о цветах. Она даже заглянула потихоньку в Артурову книжку. Ну да, точно такое же. Значит, оно, такое нежное, может расти здесь, в их климате?!

— Еще как может, — подтвердила хозяйка. — Это трехлетние саженцы, они даже цвести будут в начале лета, если заморозки не прихватят.

Жареная рыба шипела на сковородке в домашнем соусе, пожелтевшие занавески отмокали перед стиркой в соленой воде: Петровна терпеть не могла новомодных кетчупов, а Глебовна принципиально не пользовалась

отбеливателями. А сами Королева Кастрюль и Сквородок и Властительница Мыльных Пузырей, заняв свои места у забора, обсуждали новости дня.

— Вон Медведева дочка идет. Видать, с рынка. А чего это несет?

— Эй, чего это у тебя?

— Адамово дерево, — с гордостью ответила Марина и объяснила уже Доре и Павлику, выглянувшем из окошка кухни: — На продукты уже не хватило — оно дорогое и очень редко бывает. Мне так повезло! Давайте его посадим вот здесь, у крыльца, на утреннем солнышке!

Петровна и Глебовна обменялись глубокомысленными взглядами, а брат с сестрой уже выбирали место, и Павлик спрашивал:

— А она чего делает, эта птица Феникс? Счастье приносит? А откуда?

Голос нашей истории

В КАБИНЕТЕ истории стояла добротная, внушительно-го вида кафедра. Когда Макакус на нее влезал, начиналось всеобщее веселье. Он был маленького роста, и над кафедрой торчала одна голова, да еще рука, машущая указкой, — ну, прямо кукольный театр.

Еще у Макакуса была такая особенность: он вытягивал из воротника шею, будто ему не хватало воздуха, причем периодически: втянет — вытянет, втянет — вытянет. Кожа на скулах натягивалась, обозначался острый кадык, всё горло было в каких-то выступах и углублениях, а Жанна утверждала, что учитель — мутант, и под ушами у него миниатюрные жабры.

Макакус знал, что служит для учеников посмешищем, и старался как можно реже влезать на кафедру, но с другим недостатком бороться не мог и расхаживал по рядам, втя-

гилая и вытягивая шею. Голос его соответственно то повышался, то понижался. Предмет свой он любил и знал досконально, и те, кто изредка давал себе труд прислушаться к его словам, узнавали много интересного.

Но это тут же забывалось, доставались рогатки, из конца в конец класса летали бумажные шарики, трещали стулья, порой даже раздавались взрывы смеха — Макакус был беспомощен. Он не только не мог «держатъ этих чертей в узде», но даже выгонять за дверь не умел. Он был незлопамятен, не писал в дневники замечаний, никому не жаловался, но доброты его никто не замечал, и она оборачивалась против него. Из поколения в поколение никто не раскрывал учебник истории, а вызовы к доске превращались в клоунаду. Его уроков ждали с нетерпением, и на Макакусе отыгрывались за трепет перед Рахилью и строгость остальных учителей.

И сегодня в классе царило веселье. За последними партами рассказывали анекдоты и громко смеялись. Часть учеников развлекалась с мобильниками: одни занимались играми, время от времени выражая вслух свои эмоции, то есть попросту вопя, другие разговаривали, тоже практически вслух. Стайка девчонок, слетевшись к журналу мод, обсуждала фасоны.

Приличнее всех вели себя Рудик, который сосредоточенно списывал домашнюю работу по физике, и Артур, тихо читавший какой-то ученый труд, правда, явно не исторический.

Рафаэль слушал радиоприемник, тоже, в общем, не привлекая к себе внимания, но потом он захотел, чтобы и Марина послушала, и протянул ей один наушник. Музыка, которую он поймал, ей понравилась, но при одном только взгляде на Макакуса, что-то бубнящего в углу, делалось и совестно, и жалко — словом, пропадало всякое настроение. А тут еще и Жанна решила присоединиться, и Рафаэлю пришлось убрать наушники и прибавить громкость. Макакуса стало совсем не слышно.

Взглянув на него, Марина дернула Рафаэля за рукав:
— Хватит! Потом дослушаем.

Но Жанна досадливо махнула на нее рукой.

В это время Рудик, уже успевший списать домашку, достал из рюкзака коробку, дождался всеобщего внимания и жестом фокусника выпустил на парту огромного рогатого жука. Девчонки шарахнулись, завизжали, ребята засмеялись, жук пополз. Визг, вопли, паника, упал стул, кто-то метнулся со своего места. Макакус, тихо объяснявший что-то у карты, замолчал, хотел продолжить, но не услышал собственного голоса.

— А голос нашей истории опять несется через все эпохи и века, — проговорила Рахиль на другом этаже. Директор кивнул. — Старик совсем не способен держать этих чертей в узде. Надо что-то предпринимать.

Тут зазвенел спасительный звонок. В опустевшем за секунду классе остались жук, Макакус и перевернутые стулья.

Наверное, комплекс неполноценности

ОНИ впятером медленно шли из школы.

Почему мы так безжалостны к Макакусу, думала Марина. Почему у всех одновременно пробуждается какая-то животная жестокость? Оттого, что его никто не боится? И издеваются не над ним самим — нет, его даже не замечают, — а над его беспомощностью. Все ругают Рахиль, но признают-то только ее — палку, кнут. Значит, мы — стадо. Обидный вывод. Но можно ли тут что-то изменить, если даже Жанка ничего не хочет слушать?

Жанна — прямая, честная, но и она не может найти в себе сострадание, потому что презирает слабость. Вот она идет рядом: подбородок вздернут, во взгляде — ум, независимость, насмешка — и больше ничего нельзя прочесть.

Глаза ее не выдают.

У Жанны твердый характер и крепкие кулаки. Она из тех людей, кто открывает дверь без стука и, набрав полные горсти, не забывает набить карман. Одета она всегда в какое-нибудь броское платье и носит его, не снимая, целый сезон. В конце сезона семья Лончинских производит «большую чистку»: безжалостно удаляются все износившиеся и надоевшие вещи. «Всё, что не нужно — выбрасывать». Старье не хранится. Шить и перешивать здесь не любят. В доме всегда пустота и порядок.

Еще девиз: «всё нужно попробовать». Иногда можно увидеть, как Жанна с отвращением жует какой-нибудь кусок, например, сыра с перцем. «Неужели вкусно?» — ужасается Марина и слышит в ответ: «Я еще никогда этого не пробовала». Если Жанне кто-нибудь или что-нибудь понравится, она не постесняется громогласно заявить об этом, если не понравится — она и тут не промолчит. Она видит каждого человека насквозь и без оглядки клеймит всех своими убийственными меткими суждениями, а на пересуды о собственной персоне откровенно плюет.

— Ну, хватит мировую скорбь изображать, — заявляет она. — Жалельщица выискалась.

— В жизни должны быть и Рахили, и Макакусы, — примирительно добавил Артур, — для равновесия.

Марина отметила, что вслух ничего не сказала, а ответы получила. И что, оказывается, можно мысли уметь читать, а друг друга не понимать.

— Да не должно быть так.

— И охота тебе забивать голову!

— Но мы же люди почти взрослые. А ведем себя, как детский сад.

— А ты не видишь, что взрослые живут, зажмурив глаза и заткнув уши? Обо всех не наплачешься!

«Может, правда? — расстроилась Марина. — Почему мне непременно надо за всех переживать? То Дору было жалко, теперь Макакуса. Живут же люди без этого, свобод-

ные от всяких лишних мыслей... Откуда я это знаю? Знаю. Вот Рафаэль — он только собой занят, Артур — книжками. Почему я так не могу? Наверное, правда, комплекс неполноценности. Или без комплекса это получусь уже не я, а Жанна?»

Действительно, с Жанной заодно она злословит и смеется надо всеми, вместе с Рафаэлем — бродит в потусторонних сферах, отыскивая незатертые сочетания слов и неожиданные образы, с Артуром — копается в книжках и размышлениях, от которых первые двое шарахаются, а с Рудиком они плавают, кто дальше, и залезают на деревья, кто выше. Когда же она бывает собой? И бывает ли? Это что же — она всего лишь зеркало своих друзей? Которое само по себе — прозрачное пустое место?

— Оставьте общественные проблемы и послушайте меня, — потребовал Рафаэль.

И прочитал стихи, которые оканчивались так:

*А в душу заглянешь — там счастья нет и следа,
И думать о нем, и мечтать невозможно.*

— Слушай, а это не Лермонтов? — усомнилась Марина. — Да, точно: «и скучно, и грустно, и некому лапу подать».

— Правда, что ли? — чистосердечно удивился Рафаэль. Жанна хохотала:

— Как незнайка был Лермонтовым!

А Артур, как обычно, без следа улыбки, продекламировал:

*Я помню чудное мгновенье,
Невы державное течение...
Кто написал стихотворенье?
Я написал стихотворенье!*

Рафаэль и ухом не повел, пусть упражняются в остро-

умии.

— Тогда еще вот это послушайте!

Он был несокрушимо уверен в своем «я» и в своем праве быть и Лермонтовым, и кем угодно, если ему так понадобилось.

Она шла в середине

НАД Белогорском опять висела туча. Солнце застряло в ее раскрытой пасти, и единственный луч упал на крышу странного дома с разноцветным круглым окном. Флюгер в виде парусного корабля вспыхнул так ослепительно, что потерял свои очертания и превратился в сверкающее пятно...

Он стоял возле дерева и, подняв загорелое лицо, с интересом глядел на флюгер. Туча ползла, луч перемещался, и парусник поворачивался вслед за лучом. То ли ветер дул в ту сторону, то ли кораблик был устроен особым образом, но он неизменно указывал туда, где было солнце.

Наблюдатель явно пришел издалека, потому что никто из живущих здесь не стал бы обращать внимание на какой-то примелькавшийся флюгер. К тому же, когда вдали слышались шаги, он одним прыжком оказался на дереве. Но это было сделано чисто символично. Он стоял на нижней ветке, выпрямившись во весь рост и небрежно облокотившись о ствол, совсем не прятался и продолжал разглядывать занимающий его предмет. Но вдруг его взгляд передвинулся.

Туча выплюнула солнце, и свет залил всю улицу. По тротуару медленно шагали пятеро, его ровесники. Она шла в середине. Ее смех переплетался с голосами остальных, а выражение лица трудно было уловить. Неожиданная улыбка сменилась ироничной гримасой, через секунду — недоумением; в глазах появилась задумчивость. Потом она

о чем-то быстро заговорила, и волнение румянцем вспыхнуло на щеках. Потом заговорили остальные, и каждая черточка ее лица мгновенно отзывалась на каждое их слово.

Наблюдатель пристально всматривался в этих пятерых. По крайней мере, одного он узнал: сначала он видел его в магазинчике у базара, когда сдавал туда две старые книжки, а потом почти случайно дал ему по шее на соседнем пустыре.

Компания поравнялась с деревом, и, хотя незнакомец уже не только не прятался, а весь подался вперед, прошла мимо, ничего не заметив — один из них что-то говорил, может быть, даже читал стихи, а остальные слушали. Та, что шла в середине, опять засмеялась, а ее светлые кудри на солнце стали золотистыми, и наблюдатель не мог разобраться, что должен делать: оставаться на месте или идти за ними, и если идти, то почему и зачем.

Они у нас поживут

МАРИНА вошла в гостиную и остановилась: на нее смотрело вытянутое личико Павлика, физиономия дога тоже была какой-то недоуменной. На диване неподвижно сидела миниатюрная дама с пышными черными волосами, бледным лицом и отсутствующим взглядом — она уже была у них недавно, на дне рождения. Рядом с ней — девочка лет четырнадцати, рыженькая, с острой лисьей мордочкой.

— Пап, у нас гости?

Отец доставал что-то из шкафа и обернулся:

— Да, это Ева и ее дочь Клара, познакомьтесь.

Странно: если в доме гости, почему отец такой серьезный? Не сияет, как обычно, не лучезарится. И гости сидят аршин проглотив, совсем ничего не сказали, даже не поздоровались, даже не кивнули. А Пал Палыч добавил:

— Они у нас пока поживут. Одолжи, пожалуйста, Кларе какое-нибудь свое платье понарядней, а я попрошу Рахиль Исаковну, чтобы ее взяли в ваш класс. Мы с тобой потом еще поговорим, а пока устрой им комнату наверху, пусть Дора поможет.

Но Доры нигде не было.

...Новость облетела всю Зеленую улицу. Соседи были потрясены. Петровна и Глебовна сообщали всем: Медведев из Странного Дома женился. И на ком! На сумасшедшей Еве!

Об этой женщине ходили по Белогорску разные толки, насколько неясные, настолько противоречивые. Чокнутая она, это все подтвердят, ее так и называют — сумасшедшая Ева, утверждала Петровна. Да просто водит к себе чужих мужей — вот и всё ее сумасшествие, возражала Глебовна, а чокнутой прикинулась. Как же прикинулась, возмущалась Петровна, да стоит только на нее взглянуть, и каждый скажет, что она ненормальная. Говорят, муж ее был моряком и утонул, с тех пор она и свихнулась, и теперь сюда приехала, как будто у них только свихнутых и не хватает. И не муж, тут же отвечала Глебовна, а приятель, и не утонул, а сбежал, и правильно сделал...

Исчерпав запас самых невероятных сведений, соседки сошлись на том, что таких под замком держать нужно и что сосед поступил возмутительно. А они-то считали его порядочным человеком! Сам, небось, ненормальный, раз связался с чокнутой. И они с удвоенным вниманием стали следить за Странным Домом.

Это твоя сестра

РАФАЭЛЬ тихо наигрывал что-то на пианино. Артуру Марина протянула свежий номер «Вокруг света»:

— Вчера пришел. Я отцу пока не отдаю, читай.

А Жанна, заглушив Рафаэля, включила магнитофон со своей любимой Земфирой.

Друзья, как всегда, расположились в Марининой комнате. Они любили Странный Дом. У Рафаэля тоже было просторно, но стоило к нему прийти, как сразу лезла мама, у Жанны докучала сестренка, у Артура просто не было своей комнаты. А здесь никто никогда не мешал. Иногда Павлик пытался проникнуть — его привлекало общество старших, но Дора его перехватывала.

— И чего твой отец подобрал ее на базаре? — пожимала плечами Жанна. — Она же просто дохлая овца. Неужели правда женился?

— Ни на ком он не женился! — рассердилась Марина. — Я уже замучилась всем объяснять. Это соседки болтают.

— А чего же?

— Он сказал, что они с друзьями встретили ее в тот день в плачевном состоянии, когда к нам на день рождения собрались. Дяде Алику еще изюм в кулек из старинной книги насыпали. Ну и решили, что нельзя ее так оставлять, пусть пока у нас поживет, места много. Они же все одноклассники, как мы с вами. Представь, ты бедствуешь — а остальные что, не помогут?

— Я не сумасшедшая, — дернула плечом Жанна.

— Кто сумасшедший? — поднял голову Артур, углубившийся в журнал.

— Опять всё проворонил! — расхохоталась Жанна. — Кто, кто. Папа сказал, это у нее депрессия.

— Прелестной дочери прелестнейшая мать, — процитировал Рафаэль, поясняя.

— Ну, и дали бы ей денег, что ли, — продолжала Жанна. — А в дом чего тащить? Не понимаю я...

— Я сама, если честно, не всё понимаю. Она какая-то... несчастная. Сидит, молчит, тоску нагоняет. Не ходит никуда. И Дора ушла, сплетням поверила.

— Какие же сплетни? Вот ты сегодня в школе не была, а Клара эта самая в наш класс заявилась. Твоей сестрой

назвалась. Как это понимать?

— Глупости.

— Никакие не глупости! А к Рахили приклеилась — никто и моргнуть не успел. Из кожи вон вылезет, лишь бы быть на лучшем счету, за пятерку удавится. А это откуда? — она сложила в букет рассыпанные по подоконнику белые первоцветы.

— Погоди. — Марина быстро распахнула дверь, кто-то проворно отскочил в сторону. — Подслушиваешь?!

Клара без стеснения подошла и остановилась на пороге, явно рисуясь — высокая, в красивом синем Маринином платье, распущенные рыжие волосы ниже пояса. В уголке пухлых губ — усмешка.

— А, вот кто ведет тут крамольные речи. Буду знать.

Артур, Рафаэль и Марина, возмущенные до предела, хотели что-то сказать. Но Жанна стремительно прошла по комнате и без всяких слов захлопнула дверь, чуть не ударив Клару по лицу.

Как в кино

КЛАРА расположилась в Странном Доме, как в своем собственном. После тесной съемной комнатки, где они раньше ютились с матерью, ей всё здесь казалось красивым и роскошным, главное — роскошным. О, она всегда знала, что ей место не в конуре возле базара, а вот в таком шикарном доме, которому соответствовало и новое платье.

Даже собственное имя казалось теперь Кларе недостойным новой жизни, которую она начинала. Его тоже надо было сменить. Правда, ну что интересного может произойти с девушкой, у которой старомодное имя Клара? И что с таким имечком можно сотворить, чтобы хоть как-то окультурить? В уме носились варианты, она помногу раз повторяла каждый, радуясь, как ребенок, и наконец при-

думала называть себя Кларисса. Как в фильме! Взяла фломастер и как можно красивее написала на странице журнала, на полях: Кларисса, Кларисса. Главное — самой привыкнуть, а уж остальных она приучит. Есть же у них в классе Инесса, которая требует, чтобы именно так ее и называли, а не Инкой какой-нибудь. Потом уверенно и размашисто написала новое имя на обоях — и загородила надпись журнальным столиком. Почему бы и не переставить мебель, как ей нравится?

«Мне нравится наша мебель». «У нас неплохие обои». «А где у нас уют?» «Почему наша собака гуляет без намордника?» Ее хозяйский тон и местоимения «наша», «наше», повторяемые с видимым наслаждением, коробили Марину и резали слух. Как можно так свободно вести себя в незнакомом доме, едва перешагнув его порог?

А Клариссе скоро стало мало дворца: хотелось, чтобы и люди, населяющие ее владения, признали ее. Но присутствие Марины неприятно напоминало, кто тут настоящая хозяйка. Всё в ней раздражало Клариссу. Почему, завидев ее, все улыбаются, даже эти противные старухи напротив? Почему за ней вечно тянется хвост поклонников, но незаметно, чтобы она флиртowała хотя бы с кем-то из них? Почему к ней любят приходиться гости и всегда бывает так весело?

Конечно, это счастливая жизнь наложила на нее отпечаток привлекательности. Она не знала унижений, ей не показывали вслед пальцем и не говорили «дочь сумасшедшей Евы»...

Начать другую жизнь! Сравняться с этими беззаботными, умными и сытыми! Стать среди них своей, обойти их всех и сделаться счастливой! Мираж счастья развернулся дразнящим веером, манил к себе и казался таким близким.

Подружиться захотела?

БЕЕР глянцевых журналов лежал на столике. Они так удачно дополняли начавшуюся красивую и успешную жизнь, служа к тому же и ориентирами.

— Почему не здороваешься? — Кларисса, удобно развалившись в кресле, глядела поверх страниц.

Марина увидела на полу свой магнитофон. Земфира распевала:

*До свиданья, мой любимый город,
Я уже попала в хроники твои!*

— Здравствуй, — сказала Марина, не останавливаясь.

— Подожди! Ты что, не хочешь разговаривать? — Кларисса бросила журнал. — Только потому, что твой отец пригласил нас погостить, а я понравилась вашей Рахили Исаковне, ты... — Она говорила быстро и с обидой, хотя ей хотелось, чтобы в голосе звучало высокомерие.

Взгляд Марины невольно смягчился, она присела на ручку соседнего кресла, но заговорила против воли не доброжелательно, а насмешливо:

— Подружиться захотела? Так никто из моих друзей не путается под ногами у Рахили и не виляет перед ней хвостом.

— Вот ты всегда так о ней. Это неосторожно, — заметила Кларисса. — От этой карги зависят наши аттестаты, а значит, наше будущее. А что касается твоих друзей... Не думай, ради бога, что я вам навязываюсь. Мне плевать на книжки и стихи. К тому же черненькая Жанка так меня ненавидит. А те двое ребят — они ведь влюблены в тебя оба? И ты обоим пудришь мозги? И балбесу Фольцу заодно? А кто кладет тебе белые цветы на подоконник?

— Ну, хватит! — Марина резко встала. — Отлично мы поладили. Много общего нашли. Давай хотя бы жить,

не мешая друг другу.

— Не выйдет, — зевнула Кларисса.

Да зачем ты ей нужен!

РАФАЭЛЬ, загородившись учебником и склонив черные локоны до самой парты, отчаянно зевает. Кажется, со вчерашнего дня все сговорились портить ему настроение и весьма преуспели в этом.

Даже мама своей заботливостью умудрилась вывести его из себя.

— Золотце мое, что ты опять такой вялый? Может быть, ты заболел? Дай я потрогаю лобик... А может быть, ты влюбился? Почему ты не поделишься со мной?.. А что ты всё пишешь, пишешь? Стихи, да? Отчего ты не хочешь показать их маме? Ты не доверяешь мне, да?

От подобных разговоров Рафаэль действительно делался больным и ощущал, как поднимается температура. С тоскливым раздражением терпел он эту пытку и под конец убежал, зажав уши, в другую комнату. Но занудливый зудящий голосок находил его и там.

Отец редко бывал дома и редко вмешивался в процесс воспитания, но уж если вмешивался, то всё вокруг дрожало и звенело. Энергичный, подтянутый, он считался лучшим музыкантом в городе, и действительно был блестящим музыкантом. Быстрый взлет и постоянный успех в здешнем маленьком мире искусства давали ему основание презирать неудачников и слабохарактерных людей, а княжеская фамилия была еще одним поводом для превосходства. На сына он тоже смотрел сверху вниз, оценивая его и признавая его никчемность. Редкие моменты общения не имели ничего общего с задушевной беседой. Это были гневные монологи с одной стороны и молчание — с другой.

— Вяленая вобла! Ну что ты спишь на ходу! Ты думаешь

о своей судьбе? Чем ты занят?

Красивые глаза Рафаэля наполнялись тоской. Он ждал конца, понимая бесполезность любых своих слов и объяснений.

— О какой еще любви толкует мать? Это что, последний анекдот, что ли? Чего скривился? — Жене: — Ты о дочке Медведева? — Сыну: — Да зачем ты ей нужен такой! Проснись же, черт тебя возьми! Ты мой сын или пресноводная рыба?

Он говорил резко, но не с целью принизить Рафаэля, а наоборот, чтобы расшевелить его. И добивался обратных результатов.

— Что ты за лентяй! Уже неделю не подходишь к инструменту, скоро разучишься играть. Разве мы с матерью не приучали тебя работать? Не говорили, что работа в жизни — это всё? Мало иметь талант — надо оттачивать его по десять часов в сутки! Дальше прописные истины читать?

Рафаэль осознал свою никчемность.

— Чем ты занят? Слоняешься по комнатам с кислой миной и кропаешь какие-то стишки. Их нигде не печатают, а ты всё кропаешь и кропаешь! Ну-ка, покажи их мне, я определю им ценность в копейках. Слышишь, немедленно показывай! Показывай, кому говорят!

Тут начинался скандал с погоней, с криками, с истерическими просьбами матери оставить мальчика в покое. После таких сцен Рафаэль хандрил еще больше. Если шуточки друзей от него отскакивали, то гневные речи князя Мдивани действовали уничтожающе. И правда, к музыке у него прежнего влечения нет, стихи, которые он тайком послал в журнал, с обидной репликой вернули, у Марины какие-то семейные непонятности, ей не до него...

Тут Рафаэль остановился: ему стало неприятно собственное брюзжание. По правде сказать, разве кто-нибудь выслушивает его больше Марины? А когда ему вернули стихи с обидной рецензией, она прибежала с журналом

«Cool» — там начинался литературный конкурс — и заявила, что он должен попробовать себя в прозе. Надо было придумать продолжение к готовому началу: парень из туристического лагеря заплутал в горах, наткнулся на пещеру, а там...

А что там — они вдвоем сочиняли, расположившись прямо на ковре в Мариной комнате, исписали целую тетрадку в клеточку, пришлось заказным письмом посылать. И получалось весело, и шло всё как по маслу: один начинает фразу, второй заканчивает с приколом или вывертом, а проверяли на Павлике — правда, предварительно поделившись с ним фантой. Короче, здорово было, уж не знай как этим, из «Cool'a», покажется...

Но тут мысли потекли в прежнем направлении. Урок литературы называется! Челюсть можно вывихнуть, зевая. Практикантка наконец-то закончила скучный разбор и выразительно, с подъемом читает саму поэму. Но ее вдохновение смешит Рафаэля, он не слушает, а скептически прислушивается краем уха. Непонятно, почему Марина так увлечена. И почему он не может воспринимать всё так живо, как она? А может, потому их компания так удачно и сложилась: его вялость разбавляется кипучей энергией Жанки, резкость Жанны смягчается спокойствием Артура, Рудик подбавляет огонька, а Марина объединяет их всех.

Окно открыто, и видно, как Физрыч на спортплощадке застыл, вытянув шею на их Практикантку. А она читает всё громче и тоже поглядывает за окно. Рафаэль фыркает и, наконец-то проснувшись, вдруг начинает писать. Всё-таки и урок литературы может навеять вдохновение:

*Однажды в студеную зимнюю пору
Визжал и бежал поросенок под гору,
За ним пуще ветра хозяйка летела —
Она поросенка зарезать хотела.*

*И он убит, и взят могилой —
Наш поросенок, розовый и милый.
Недолго он гулял по белу свету,
Но превратился с честью он в котлету...*

Предвкушая, как Марина, а потом и все остальные будут это читать, Рафаэль повернулся к сидящей сзади Клариссе и сунул ей бумажку:

— Марине передай.

Всех пускай выгоняют

ЖАННА, заложив руки за спину, как арестант, вышагивала по крыльцу. Артур, Рафаэль и Рудик сидели на ступеньках.

— За что ее вызвали? — нервно спрашивал Рафаэль, будучи уже не в силах молча ждать. — И почему одну? Без нас? И почему так долго?

Никто ему не отвечал.

— Если Рахиль опять снизит ей отметку за поведение, то пусть и мне снижает, — угрюмо проговорила Жанна. — Если опять начнет грозиться выгнать из школы — пусть выгоняет и меня.

— Да какое она имеет право выгонять? — удивился Артур.

— Было бы желание, — буркнула Жанна.

Дверь школы отворилась, и все, замолчав, одновременно повернулись в ту сторону. Но это была не Марина.

— Я этой Рахили окна перебую, — пообещал Рудик.

— Ну и тебя выгонят — за хулиганство.

— Вот! Правильно! Всех пусть выгоняют!

Дверь отворилась еще раз; Марина, очень бледная, стояла на крыльце.

— Что?

— Что?

— Что?!

— Рахиль всё знает... Она говорит, что всё знает. Будто бы у меня дома собираются хулиганы... подонки... И мы ведем неподозволенные разговоры... ужасно антиобщественные. Ругаем школу, учителей. Над ней смеемся, ее ругаем. Что у нас хохот и музыка до полуночи. Мы запираемся от взрослых, видимо, курим и пьем. И можно догадаться, чем мы еще занимаемся. Тебя, Артур, надо спасать. Мы дурно на тебя влияем и мешаем учиться. Ты, Рафаэль, должен прекратить писать на уроках свои дурацкие... глупые стихи, и вообще бросить это бесполезное занятие. Надо вызвать твоих родителей, пусть побольше следят за тобой. А мне она сказала, что я вскружила вам всем головы... что я... что мое поведение...

Жанна скрипнула зубами, шагнула к двери.

— Не вздумай еще реветь! Я пойду скажу ей, кто она такая!

Невольно навернувшиеся слезы исчезли из глаз Марины.

— Постой, не ходи. Мне ты не поможешь, а себе навредишь. Рахиль и так грозила вызвать тебя на педсовет. Твоя дерзость, мол, переходит всякие границы, и если ты хочешь продолжать учиться, то должна прикусить свой язык.

— Но откуда она знает столько подробностей? — недоуменно спросил Рафаэль.

— Да, откуда? — подхватила Марина. — У нее целая коллекция твоих записок ко мне, и стихов. И разговоры наши она знает до мелочей. Ведь не могла же она шпионить под окнами!

— Конечно, нет. — Пронзительный, твердый взгляд Жанны устремился ей прямо в лицо. — Шпионила твоя «сестрица».

— Кларисса?

— Больше никому. Только она бывала дома, когда мы

собирались. Только она могла видеть, кто приходил. Вспомни, как она торчала под дверью.

— Может, просто из любопытства торчала. Зачем ей доносить?

— О! — рассмеялась Жанна. — Да она же видит, что Рахиль тебя терпеть не может. А ты у нее всегда на глазах. Самый выгодный товар. Не захочешь, а продашь!

Марина всё еще качала головой.

— Чего уж проще! Слушай и запоминай, гляди и рассказывай...

— Пойдем по морде дадим, — предложил Рудик.

— Да, надо, — согласилась Жанна.

— Ну уж нет! — Марина вскинула голову. — Я сама! Это мое дело!

Птица Феникс пока не работает

ВЗЛЕТЕВ на крыльцо и распахнув двери, Марина начала говорить, кричать, но от быстрого бега голос прерывался.

— Переведи дух, попей водички, — предложила Кларисса. Она сидела, как всегда, развалившись в кресле и вытянув ноги на журнальный столик, но, приглядевшись к Марине, вскочила. — О! Э! Ты драться, что ли, собираешься!

— Ах ты тварь! Живешь в моем доме и доносишь на меня! — Марина гневно наступала, Кларисса отодвигалась к стене. — Да еще врешь! Я тебе покажу, как врать на моих друзей!

Кларисса ловко вывернулась и побежала.

— Куда? Теперь боишься!

Тут Марина наткнулась на хнычущего Павлика.

— Что с тобой?

Притихший было Павлик заплакал еще громче:

— Мы с Рольдом тут играли... а она... она сказала, чтоб мы убирались, что нечего тут галдеть. Мы не убрались... тогда она начала нас выпихивать...

Марина опустила на диван, провела рукой по волосам, коротко усмехнулась, словно удивляясь чему-то. И правда, кто бы мог подумать, что собственный дом может заполниться вражьей силой и стать местом побоища. Но спокойствие постепенно возвращалось.

— Наплевать на нее, — сказала она, успокаивая брата. — Наплевать, пускай бесится. А мы пойдем... Бери Рольда, пойдем гулять.

Спускаясь с крыльца, Павлик взглянул на хилый саженец адамова дерева.

— Ты не замечаешь, — спросил он озабоченно и серьезно, — что эта птица Феникс вместо счастья приносит одни неприятности? Если она вообще летает на наше дерево.

— Да нет, она еще не прилетала, потому что оно еще не цвело.

— А может, тебе подсунули не то дерево, не адамово? — не унимался Павлик.

— То самое, — уверила его Марина. — Скоро оно приживется, зацветет, тогда и прилетит птица Феникс.

— Да ты еще в сказочки веришь! — Кларисса хихикала в окне.

Почему он в тебя не влюбился?

ОНИ уже полчаса бродили по бесконечному парку, где кроме обычных липовых, березовых и кленовых аллей было полно диковин — где причудливо-кудрявый кустарник гинкго, прародитель пальм и кипарисов, помнит, как выглядели динозавры, и сам выглядит так же, как в те времена; где в мае зацветают каштаны, а в июле, когда всё вокруг уже отцвело, — индийская сирень, пышная и изящ-

ная.

Четверть века назад этот парк, посаженный вокруг Белогорского НИИ, стал украшением и гордостью города. Впрочем, весь город вышел из научного института, как всё живое — из воды. Сложилась традиция: когда приезжали научные делегации из разных стран, в честь гостей сажали что-нибудь из флоры их родины. Отсюда — американские, японские и прочие азиатские диковины. Основатель парка, знаменитый биолог Берестов, поддерживал его в великолепном состоянии, а теперь, говорят, этим занимается его дочь...

Ну конечно! Та синеглазая брюнетка. Не она ли это там, сажает тюльпаны на центральной клумбе? Марина хотела спросить у нее, что делать с адамовым деревом — уж очень оно чахлое, никак не приживается. Может, надо его отлить — или наоборот оно воды не любит?

Но куда делись Павлик и Рольд? Только что были здесь, на аллее. Наверное, побежали вперед. И Марина поспешила за ними, решив сначала найти братика, а уж потом расспросить обо всем хозяйку питомника.

Она шла всё дальше, но на аллее было пусто. И куда теперь?

Парк не просто огромен — это особый мир со своеобразным населением, и у каждого существа — свой характер. Красивая иглица с колючками, которые можно принять за листья, и броскими красными плодами — вылитая Жанна. Светлая плакучая ива, плачущая так поэтично — Рафаэль. Огромная секвойя с непрошибаемым стволом в три обхвата — Рудик. А роща живучей дзельквы, деревья которой срастаются корнями и ветками, образуя единый организм — вся их неразлучная компания. Марина начала высматривать и своего двойника, как вдруг увидела Павлика.

Вдоль боковой дорожки тянулась живая стена каменного дуба — листва его к зиме не опадает, а древесина вдвое тяжелее воды. Если отломить веточку потолще и пустить

в лужу, она не поплывет, а потонет. Они любили так экспериментировать в детстве. В тени каменного дуба и сидел Павлик, прямо на траве, рядом с каким-то незнакомцем, и слушал его, раскрыв рот. Красавец дог лежал рядом, и рот его тоже был раскрыт, а язык высунут. Марина тихо подошла. Незнакомец был примерно ее лет, и физиономия малыша выражала удовольствие и гордость: взрослый парень удостоил его беседы. Изредка он почтительно задавал вопросы, и тот серьезно на них отвечал. Марина прислушалась...

Речь шла о курганах на юге России, где до сих пор находят греческие вазы, монеты с изображением храма, ожерелья, медальоны и оружие. Подробности, брошенные мимоходом, наводили на мысль, что он видел всё это своими глазами. Стало завидно. А небрежные ссылки на глиняное озеро в пещере, купание в водопаде и остров с русскими неграми доконали окончательно. Марина поняла, что морские курорты, куда их с Павликом обычно вывозит папа, — до невозможности банальный вариант с тупым лежанием на пляже, и что кроме пляжа, она ничего никогда и не видела. «Как это он умудрился везде побывать? Ведь он если и старше меня, то чуть-чуть».

Марина слушала, и ей начинал нравиться голос незнакомца. Она мысленно сказала: «Да повернись же! Мне надоело разглядывать тебя со спины». Действительно, сколько можно стоять в стороне и прислушиваться. Но как подойти? Этот вопрос оказался неожиданно сложным. И всё же, сделав несколько шагов, она предстала перед собеседниками. Павлик не заметил сестру. Рольд, даже не взглянув на нее, махнул хвостом. Незнакомец едва повернулся — на Марину взглянули ярко-синие глаза из-под шапки черных волос — и продолжал говорить, ни лицо его, ни голос не изменились.

Марину словно окатило ледяной волной. Расположение мгновенно обернулось враждебностью.

— Павлик, пойдём.

Пусть сам себе рассказывает свои истории! Но незнакомец не захотел остаться в дураках, он оборвал себя на полуслове, быстро встал и быстро ушел. Павлик проводил его огорченным воплем.

— Что ты болтаешь со всякими! Ты хоть знаешь, кто это такой? Он тебе зубы заговаривает, а ты и раскис!

— А ты всё испортила, — не слушая сестру, простонал Павлик. — Мне теперь всю ночь будут сниться приключения, дворцы, разбойники... — А потом, задумавшись, поднял серьезные глаза и спросил: — А почему он в тебя не влюбился?

Большая клумба на центральной аллее была пуста: там красовались только что высаженные тюльпаны — невиданные полосатики с кокетливо отогнутыми язычками лепестков, а женщины, у которой можно было спросить про адамово дерево, не было.

Перстень катился по лестнице

...ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ дворец возник под незнакомым небом. Его зубчатые стены и башенки повторяли в миниатюре контуры синевато-бурых гор. Щелевидные окна прятали от света внутренность шершавой серой башни. К дворцу вела широкая лестница с тремя парами львов, изваянных из белого каррарского мрамора. У нижних ступеней плескалось море, пустынное и дикое.

Подскакивая и сверкая на солнце, по лестнице катился перстень. На голубом прозрачном халцедоне была вырезана летящая цапля. С какого пальца, почему скатился этот перстень? В конце лестницы он подскочил еще раз... и голубая цапля взвилась в небо.

От его бездонности закружилась голова. Лучи солнца просвечивали насквозь прозрачное оперение. Скоро цапля стала неразличима, и снизу лишь угадывались совершен-

ные очертания ее крыльев. А там, в вышине, она смеялась и пела, прозрачная птица, вся превратившись в струящийся полет.

Всё это продолжалось мгновение.

Пустой перстень докатился до ступеньки. Волна плеснула на нее...

Возвратившаяся цапля летала над морем, и ее прозрачные крылья были заломлены отчаянно и обреченно.

Долго повторялся в воздухе печальный плеск.

Величественный дворец возвышался над морем, и в чужом небе угадывались контуры незнакомых гор...

Мы тебя любим!

ВОТ это сон, подумала Марина, еще не придя в себя. Таких она никогда не видела. Его непременно надо разгадать. Надо сбегать к Доре, она умеет.

Но Дора не показывается уже почти неделю. Марина попробовала сказать об этом отцу, но тот пожал плечами:

— Значит, не может, занята в больнице. Опять, наверно, в две смены нагрузили. Постарайся пока как-нибудь обойтись сама, без Доротеи. Побудь хозяйкой.

Марина пыталась растолковать, что не в хозяйстве дело, а в Еве, что Дора из-за нее не приходит, и, может, никогда больше не придет! Наверняка, наслушавшись сплетен, решила, что теперь домом заправляет новая хозяйка, и она больше не нужна. Надо же что-то с этим делать, надо с ней поговорить, все объяснить! Но Пал Палыч начал раздражаться:

— Я уже всё объяснил! Ева с дочкой у нас в гостях. Поживут здесь, пока у Евы всё не устроится. Что я еще могу добавить? А если кто-то, вроде Петровны и Глебовны, лучше меня знает, что это значит, тогда тем более говорить не о чем!

Надо было самой что-то предпринимать. И Марина решительно отправилась к Доре.

— Добрый денек! — окликнула ее Петровна, сторовшая от любопытства.

Глебовна подхватила:

— Как родители? Здорова ли сестрица?

— Какая она мне сестрица! — дрогнувшим от возмущения голосом ответила Марина.

Дворик был пуст. Она толкнула дверь, звякнув задвижкой. Глаза, привыкшие к солнцу, на миг перестали видеть: комната была наглухо занавешена. Телевизор, что ли, смотрит? Сейчас как раз должен быть ее любимый сериал. Но телевизор не был включен.

Свеча, воткнутая в миску с фасолью, слабо освещала угол стола. На стене висели рисунки Павлика. В глубине комнаты, согнувшись пополам, мыла полы старуха. Марина потерянно стояла на пороге. Старуха обернулась, бросила тряпку и поспешила к ней. Марина отступила на шаг, зрачки ее расширились от ужаса. Темное старушечье лицо было знакомым добрым лицом Доры, улыбка — ласковой, извиняющейся улыбкой Доры, провалившиеся глаза — ее круглыми вишневыми глазками. Марина не ожидала увидеть такое. Тут хотелось только сесть на стул и разрыдаться.

— Дора, — вместо этого твердым голосом сказала Марина, отдергивая занавеску и впуская солнце, — так ты не на работе! А я хотела спросить: к чему снятся птица и дворец? Я такой сон сегодня необычный видела.

— Это к радости, — глаза Доры посветлели.

— А если конец плохой? Птица так кричит, как будто плачет?

Мягкий взгляд Доры потух, потом опять встрепенулся.

— Давай лучше на картах раскинем.

— Давай, только пойдём к нам.

— Не пойду я, — тихо ответила Дора. — Лучше ты сама с малышом приходи.

— Вот еще глупости! — громко возмутилась Марина, открыв дверь и повернувшись во двор. — Ты у нас не домработница! Мы тебя любим! Это все знают! Отец сейчас в командировке, он собирался сам зайти, просто не успел. А с гостями столько мороки, сама знаешь. Голова уже кругом идет!

— Долго прогостят-то они? — тихонько спросила Дора.

— Отца не поймешь, — сказала Марина, понижая голос и возвращаясь в комнату. — Будто бы пока у Евы всё не устроится, а что это значит — я не поняла. На работу, что ли, она должна устроиться? Так она ее не ищет, сидит целыми днями и ничего не делает, больная какая-то. Папа говорит — устала от жизни... Я ее даже сначала боялась. А потом ничего, перестала, она же тихо сидит. А вот Кларисса эта, идиотка! Я папе рассказываю, как она хозяйку из себя корчит, как имя себе дурацкое выдумала, как в школе врет, что она моя сестра, — а он смеется, говорит: детский сад — штаны на лямках. Я про то, что она к Рахили подлизывается и нас всех заложила — он опять смеется, говорит, что пусть я не переживаю, Рахили и в его времена везде крамола мерещилась, ему на это плевать. А Клара, мол, просто с нами дружить хочет, только всё наоборот делает. Конечно, ему смешно!

— Пал Палыч всегда веселый, — с простодушной улыбкой проговорила Дора, представлявшая себе всю эту сцену в лицах — таких родных и таких любимых.

— Веселый, — иронично подтвердила Марина. — Я ему: а о тебе знаешь, что болтает вся Зеленая улица? Он хохочет-заливается: ему наплевать. Я разозлилась: как это некоторые так устают от жизни, что поселяются в гостях, как у себя дома? А он: я не всё могу сказать. Это чужая тайна. Потерпи. — И, уходя, громко напомнила Доре уже у калитки: — Так мы ждем тебя вечером!

Отсюда надо перебираться

ЖАННА расхаживала по комнате, и взгляды друзей невольно устремлялись к ней, привлеченные ядовито-малиновым цветом ее платья. В каждом ее шаге, в каждом движении было столько скрытой энергии, что восприимчивому Рафаэлю она представилась бы сейчас красивым, хищным черно-малиновым зверем. Однако как раз Рафаэля и не было. Исключая его, компания собралась в Странном Доме в полном составе.

— Так что хотел сказать наш стихоплет? — обратилась Жанна к друзьям. — И куда он провалился? Давайте пока музыку послушаем, я новый диск принесла.

— Ваш стихоплет хотел сообщить, что его стихи печатают в «Белогорских вестях», — ответил Рафаэль. Он был настроен воинственно, по лестнице взбежал вприпрыжку, дверь за собой не закрыл и вместо того, чтобы плюхнуться в кресло, остановился посередине комнаты. — Так ведь нет — не печатают.

Жанна фыркнула, Рафаэль подскочил к ней, словно петушок, решительно отбросив свои черные локоны.

— Да знал я, что у них паршивая газетка, — продолжил он уже от первого лица. — Да я ходил к ним только ради смеха!

— Потому же тебя и впустили туда, — ввернула Жанна. Рафаэль притопнул.

— Они печатают такую ерунду, что я решил — пусть поглядят на настоящие стихи!

— Sancta simplicitas! Святая простота! — Артур давился от смеха. — Как это ты отважился дверь-то отворить? Да если ты и там стоял в такой же позе...

— Я — стоял в позе?! Это они стояли в позе! — Рафаэль потряс кулаком.

— А что ты им носил? — спросила Жанна. — Какую-нибудь дрянь, вроде той, что мы слышали раньше?

Рафаэль, едва отбившись от Артура, повернулся к новому противнику и запальчиво заявил:

— Для тебя-то, может быть, и дрянь — ты разбираешься в стихах не лучше, чем кретины из газеты!

Энергии, кипевшей в Жанне, вполне хватило бы на то, чтобы уничтожить Рафаэля без остатка. Но она лишь усмехнулась и вернулась на свой подоконник. В последние дни, бывая в Странном Доме, она почти каждый раз замечала здесь эти первоцветы. В отличие от обычных фиолетовых подснежников, мохнатеньких, с желтой серединкой, которые встречаются повсюду, эти, белые и шелковистые, растут на том берегу озера.

«Это очень далеко, — отметила Жанна. — Кто это делает такие концы ради цветочков?» Она взглянула на Рафаэля; один уголок ее рта сохранял спокойствие, но другой пополз в неудержимую улыбку. Следующим на глаза попался Артур. «Книжный червяк. Помешался на книжках. Цветочки? Ерунда». Жанна присмотрелась к Рудику, сидящему на полу. «Такой пойдет за тридевять земель. Но ведь до этого, черт возьми, еще додуматься надо». Обведя еще раз взглядом всех троих, Жанна от души расхохоталась: кто-то из них?! Надо спросить у Марины... Та ей шепнула:

— Хватит насмехаться. Видишь, совсем увял.

— Да больно он мне нужен.

А Рафаэль уже сидел в любимом кресле, разглядывал узоры на обоях и лениво разворачивал конфету. Все его силы были исчерпаны, их не хватило даже на самоуничтожение, и он не думал о неудаче. Он старался не думать вообще, но мысли текли сами по себе ничем не направляемым потоком.

Такой мечтательной, тонкой натуре, как Марина, очень подошел бы такой одинокий скромный домик, вот как у нее на картине — дорога никуда и ниоткуда, безлюдные заросли, туманный горизонт. Он дома по памяти пытался скопировать эту картину, акварелью — вроде получилось... И она — незаметная, невзрачная девушка, вдали от суеты

предающаяся тихой грусти своих фантазий. Девушка, живущая в такой картине, непременно должна быть невзрачной и уметь разговаривать с листиками, росинками, птичками на их языке...

Он перевел взгляд на настоящую Марину — нет, она никак не вписывается в унылое произведение искусства. Рафаэль и раньше знал, что она считается одной из самых красивых девчонок в классе, но знал как-то беспечно и привычно — а тут вдруг начал рассматривать подружку внимательно, как картину. Да уж, незаметной ее не назовешь. И прохожие на улице всегда на нее пялятся. Один дурак недавно чуть с дерева не свалился, так тарашился...

Тут он вернулся к картине и к первоначальной мысли. Подключив всю фантазию, представил Марину незаметной и невзрачной — и ему вдруг стало скучно, он даже удивился: почему? Задумался ненадолго и честно признался себе: если бы она действительно была такой, он вряд ли обратил бы на нее внимание. Эта откровенность унизила возвышенную душу Рафаэля, но тут раздался голос Жанны:

— Чего уставился? Маринка, он тебя гипнотизирует, что ли? А может, это ты у нас из лесу вышел?

Она помахала белыми цветами. Рафаэль что-то смущенно залопотал, Артур продолжал читать, ничего не замечая, а Рудик обрадовался:

— Во! Точно, они на озере растут! Марин, мы туда уже сто лет собираемся!

— Давай на первомайские выходные.

«Прикидываются? Непохоже», — подумала Жанна, но тут ее насторожил шорох.

— Опять подслушивает, что ли?

Она распахнула дверь. Мелькнул краешек синего платья.

— Нет, она здесь покоя не даст, надо куда-то перебраться!

В колодце

КАЗАЛОСЬ, жизнь навсегда ушла из этой женщины. Она ничем и никем не интересовалась, времени для нее словно не существовало. Ева просыпалась поздно, долго лежала в постели, потом, как замороженная, бродила по комнатам и снова ложилась — с книгой на диван. С захлопнутой книгой в руках, она могла лежать часами, не двигаясь, не шевелясь, даже не моргая. Какие мысли наполняли ее голову в эти часы? И думала ли она вообще?

Поначалу это пугало Марину, ей казалось, что Ева видит в это время сны, подобно тому, как из колодца днем можно видеть звезды. Когда Ева, оцепенев, вперивала неподвижный взгляд в пространство, Марина говорила себе, что она уже «в колодце».

Но постепенно неприязнь и страх прошли, сменившись безотчетной жалостью. Не раз, когда лицо Евы становилось осмысленным, Марина видела в ее глазах неизбывное глубокое страдание. Ева казалась очень одинокой. Кларисса не обращала на нее никакого внимания, не разговаривала, даже не подходила к ней и, должно быть, стыдилась своей матери.

В один из дней в Странном Доме опять появилась Дора и, как всегда, принялась хлопотать по хозяйству. Соседок ее поступок ошеломил. «Никакой гордости нет!» — кричала Петровна. Два дня ожидали скандала — все были уверены, что Ева выставит непрошеную гостью. Но Ева даже не заметила ее. «А чем ей плохо с домработницей? Чего самой-то возиться, если Дашка есть, и берет недорого», — высказала предположение Глебовна — и оно показалось настолько здравым, что внимание соседок ненадолго ослабло.

Лучше вернись!

С ПТИЧЬЕГО полета город выглядит, как белый талисман, обещающий счастье: центр застроен многоэтажными белыми домами, которые особенно нарядно оттеняет молодая зелень.

Четверо друзей шагали по центру. Улыбки, музыка и солнце переполняли город, готовящийся к первомайским праздникам. На тротуарах уже стояли летние лотки со сладостями, фруктами, квасом и воздушными шарами — и казалось, что именно здесь можно закупить самого лучшего счастья по самой дешевой цене.

— Наконец-то тепло, и можно гулять на свободе, и никаких шпионов, — радовалась Жанна. Ей хотелось чего-то необычного: — Куда бы нам махнуть?

Вдруг она осеклась. Остальные тоже приостановились и переглянулись.

Впереди шагала знакомая, прямая, как стержень, фигура в темном платье. Взгляды друзей приковались к кружеву, которым был украшен воротник, и к маленькой вертлявой собачке, которая бежала, позванивая мелкой цепочкой. Постояв, они двинулись следом, подталкивая друг друга и перебрасываясь выразительными взглядами. По улице шла самая настоящая Рахиль. Да неужели это перед ней все так трепещут в классе?! Для всех прохожих она просто чопорная смешная старуха в старообразном платье со старомодными кружевами. Да еще с потешной собачонкой.

Наслаждаясь этим зрелищем, друзья шагали за ней след в след, изображая ее походку и корча рожи. Рахиль шествовала, ничего не замечая, и это прибавляло веселья. Рафаэль, упиваясь безнаказанностью, схватил камешек...

Визг, крик, вытянувшиеся лица. Рахиль испуганно и нежно целует собачонку. Солнечная улица мгновенно превращается в душный тесный класс. Нет смешной ста-

рухи — есть страшная, всеильная Рахиль. Мучительно тянутся секунды, все словно парализованы... и вдруг бросятся наутек.

— Стой! Стой! — несутся вопли. — Медведева, я тебя узнала! Лучше вернись! Вернись, дрянная девчонка! Всё равно разыщу!

Девушки всегда чего-нибудь хотят

ПОГОНИ не было. Друзья убавили шаг и отдышались. Все предполагали, что их теперь ждет, но никто не хотел об этом думать.

А город по-прежнему переливался радостью. «Три пескаря» и «Забавушка» уже выставили свои столики на улицу, под матерчатые зонтики и полосатые тенты. И первые посетители начинали летний сезон, смеялись, ели мороженое и тянули через соломинки фанту. Марине показалось, что весь воздух наполнен запахом апельсина. Артур с Рафаэлем порылись в карманах, виновато покосились на подружек и пошагали дальше.

Гуляли долго и дошли до самого озера. В «Белогорских вестях» последнее время велись бурные споры насчет благоустройства его берегов. Одни горожане считали, что здесь давно пора создать приличную зону отдыха, другие — что вся прелесть именно в дикой природе, и нечего в нее вторгаться, надо только поддерживать чистоту. Пока неизвестно было, кто победит, но цивилизация сюда уже вползает потихоньку: старую заброшенную лодочную станцию починили, и музыка играет, и лодки покачиваются на воде — можно уже кататься, надо же!

— Что желаете, молодые люди? — тут же осведомился старый лодочник в белой фуражке. — Простую лодочку или, может быть, с мотором?

Марина и Жанна убежали далеко вперед по причалу.

Артур с Рафаэлем облокотились о перила и, нахмурившись, глядели вдаль.

— Так как же? — не без иронии спрашивал Лодочник.

Артур продолжал молчать, Рафаэль с легким раздражением ответил:

— Нет-нет, спасибо.

«Ухмыляется, — подумал Артур. — Конечно, смешно: пойти с девчонками на набережную и не взять денег (а откуда их, собственно, взять?). А этот старый хрыч наверняка привык, что и на чай дают. Ведь видит, что не денег — и издевается».

Лодочник прищурился и, не отрываясь, глядел на них. Скорее всего, прищурился он от солнца, но Рафаэлю его взгляд показался презрительным. И чем унизительнее чувствовал себя Рафаэль, тем выше он поднимал подбородок.

— А ведь девушки хотят покататься, — добродушно сказал Лодочник, и голос его показался Артуру и Рафаэлю отвратительным. — Девушки всегда чего-нибудь хотят.

— У нас не такие девушки, — строго ответил Рафаэль.

— Ну, что с вами делать, — пробормотал Лодочник. — Берите вон ту «скорлупку», пока никого нет.

Солнце кувыркнулось через голову, музыка заиграла еще веселее, а замечательнее музыки был голос старика.

— Только все не поместитесь. Так катайтесь того... по очереди.

— Спасибо!

В ту же минуту мимо них весело пронеслись двое мальчишек и с разбега прыгнули в самую лучшую лодку, по-свойски кивнув Лодочнику. Лодочник ответил невозмутимым кивком. Рафаэля нечаянно толкнули, он, уязвленный, вскинулся, но Артур потянул его за локоть — отвязывать «скорлупку». Марина и Жанна поспешили к ним. Вдруг с другой стороны причала показалась темноволосая кудрявая голова.

— Как вы там поместитесь вчетвером? — вопрос прозвучал очень вежливо и доброжелательно.

Рафаэль свирепо покосился, а Жанна спокойно ответила:

— Мы будем кататься по очереди.

Кудрявый красавец не унимался:

— Так скучно будет ждать. Давайте мы вас прокатим!

Жанна перехватила взгляд, полный вежливого презрения, брошенный на их жалкую «скорлупку». Друг в лодке, видимо, дернул красавца за рукав, советуя не нарываться на неприятности, но он от него отмахнулся и проговорил с предельной вежливостью:

— А у нас как раз два свободных места.

Марина шагнула к «скорлупке» и потянула за руку Жанну, но та упрямо вывернулась.

— Ты чего? — удивилась Марина.

— Не торчать же здесь, в самом деле, — прошипела подруга.

Не повернув головы в сторону друзей, малиновая Жанна вызывающе глянула на кудрявого красавца и неожиданно прыгнула в его лодку, увлекая за собой и Марину. Артур с Рафаэлем, еще ничего не поняв, смотрели вслед, а рядом раздалось громкое хихиканье. Они оглянулись и увидели Клариссу.

— Оплошали, орлы! Оплошали!

Лодочник сожалеюще качал головой.

А что подумают ребята?

— ЖАНКА! — воскликнула Марина, глядя, как увеличивается расстояние между причалом и лодкой. — Надо сейчас же вернуться!

— Теперь это было бы только хуже.

— А что подумают ребята?!

— О тебе — ничего плохого. А обо мне пусть думают, что хотят. Я от этого хуже не стану.

— Вот это по-моему! — захохотал кудрявый красавец. — Вас как зовут? Это мой друг, Николай, по-человечески — Ник. — Тут он замолчал, потому что перевел взгляд на Марину. — А я Максим. Макс, — наконец, закончил он.

Марина машинально назвала свое имя. Где-то она уже видела это улыбочливое светлое лицо. Она всматривалась в нового знакомого, стараясь что-то припомнить. Он тоже глядел на нее, не отрываясь, но, видимо, совсем по другой причине. Обиженная Жанна отвернулась.

— Перестань грести, — сказала Марина приятелю Максима, сидящему на веслах. Он сразу же перестал.

Уж его-то она узнала сразу. Парк, стена вечнозеленого каменного дуба, Павлик, разинувший рот... А теперь оказалось, что у незнакомца есть имя, и с ним можно разговаривать, как с каким-нибудь Рафаэлем. И сам он заговорил, как ни в чем не бывало, а в голосе звучало удивление, подобное ее собственному.

— Ты, может, замерзла? Это на берегу припекает, а на воде холодно. Никто еще и не катается.

— У меня есть куртка, — ввернул Максим, но его не услышали.

— Совсем не холодно, — отвечала Марина. — А говорят, уже купаться можно, мой друг Рудик пробовал.

— И я пробовал, не смертельно.

— А где пляжи лучше, у нас или на море?

Марина внимательно на него смотрела, но Ник, и глазом не моргнув, начал излагать преимущества песчаных и галечных пляжей и оценивать степень ядовитости многослойных и простых медуз.

— А дворец со львами — он где?

Макс и Жанна недоуменно переглянулись, но их продолжали не замечать, а Ник с самым естественным видом завел речь об этих львах, на которых все стремятся посидеть и с которых всех сгоняет специальный сторож.

— А раскопки интересные не только в южных курганах, — сообщила Марина. — Папин друг ведет работы

в московском метро, звал посмотреть. Мы, может, поедем на праздники.

— На все праздники? Жаль. Ну, то есть, это здорово.

— Я еще не решила.

Каждая фраза, каждый вопрос и ответ были словно шаги на ощупь, когда в любой момент можно с размаху провалиться, сказав что-то не то. И шаг за шагом оба удивлялись — всё было то! Когда уж тут заниматься друзьями. Жанна покусывала губы, Максим, не глядя на нее, дергал молнию своей ненужной куртки.

— К утру погода испортится, надо сегодня гулять, пока солнце.

— Откуда ты знаешь? Приметы какие-нибудь?

— Да вон по радио прогноз, слышишь, у Лодочника. Нас к дикому пляжу несет. Отгрести назад?

— Нет. Пускай. Какое у тебя чудное имя.

— Это Макс придумал.

— Я всё отлично придумываю, — снова вклинился Макс, — а еще я придумал, что мы сейчас пойдём в какое-нибудь кафе, погреемся. Давай к причалу, Ник.

Но Жанна начала уже потихоньку злиться.

— А вы откуда? Из центра? Никуда мы не пойдём. Поворачивайте к берегу.

Назад? Марина с удивлением заметила, что вовсе не чувствует угрызений совести и совсем забыла об оставленных на причале друзьях. И даже когда вспомнила, ей только захотелось кататься еще, как можно дольше.

— И почему, в самом деле, надо возвращаться? — сердито шепнула она Жанне.

— Потому что они чужаки, — отвечала Жанна, и голос ее был ледяным.

— Ерунда.

— А что подумают ребята? — последовал язвительный вопрос.

— Пусть думают что хотят.

— Быстрей, — приказала Жанна.

Марина гневно глядела на нее.

— Вы так боитесь своих? — спросил Ник.

Макс добавил:

— Мы их сколько раз били!

— Ну и они вас били, — в один голос ответили Марина и Жанна.

Артура и Рафаэля на причале не было.

— Подожди здесь, я спрошу Лодочника, куда они подевались. — Жанна побежала к деревянному домику кассы.

И тут Марина заметила невдалеке длинную темную фигуру, похожую на предостерегающий перст или на богиню возмездия.

— Рахиль!

— Что случилось? — не понял Ник.

— Мне надо исчезнуть.

Ник показал на незаметную лесенку, отвесно уходящую с причала вниз, на песок.

Вернувшаяся Жанна никого не увидела. Постояла, передернула плечами, пробормотала что-то непонятное — и ушла. Максим наконец вылез из лодки и растерянно глядел по сторонам.

— Ну вот. Пропали! За секунду!

— Меня ищешь? — приблизилась к нему Кларисса.

Он поперхнулся, уставился на нее, впитывая ленивый лисий взгляд. Потом прищелкнул пальцами и кивнул на близлежащее кафе:

— Вперед!

Вы поссорились, да?

РУДИК утром не зашел, и Марина даже почувствовала облегчение — не было никакого настроения идти на тот берег озера. Может, его дома чем-то загрузили? Погода и правда испортилась, дождя, правда, нет, но без солнышка

скучно. Она убрала в шкаф джинсы, заранее заготовленные для похода, но на всякий случай позвонила Рудику — и услышала, что он давно ушел. Вот это да. Без нее! И ничего не сказал! Может, она не слышала звонка?

— Мне никто не звонил? — крикнула Марина, но ответа не было.

Ева не отозвалась, а Кларисса и Павлик спали. Когда еще поспать, как не в выходные. Или хоть поваляться. Но неприятное предчувствие не оставляло, и Марина, даже не позавтракав, поспешила к дому Жанны.

— А Жанна уехала, — сказал доктор Лончинский, куривший на крыльце.

— Куда? — опешила Марина.

— К бабушке.

Жанна уехала? Молча, не попрощавшись? Потрясенная Марина продолжала стоять. Неужели это из-за Ника? Или она всерьез делит людей на своих и чужих?

Следующим был дом Рафаэля. Из окошка выглянула его мама, тетя Нателла.

— Мариночка? А Рафаэля нет дома, — сообщила она немного ненатуральным голосом.

— А на пианино кто играет? — неожиданно даже для себя спросила Марина, вместо того чтобы гордо удалиться.

— Это? Это наш папа.

Знаменитый Мдивани барабанит гаммы и всё время тычет не туда, отметила Марина, но больше ничего не сказала, а вслед ей звучал голосок:

— Вы поссорились, да?

Теперь оставалось только дойти до рынка, но Марина услышала разговор Петровны и Глебовны:

— А у Грачевых закрыто, за товаром подались.

Это означало, что Артура тоже нет в городе, и что он тоже уехал, не предупредив. Она представила еще одну запертую дверь и пошла к своему дому, не глядя по сторонам.

Ветка большого разлапистого дерева закачалась над

самой головой. Марина остановилась. Синие глаза глядели на нее из листвы.

— А я подумал, если ты не уехала, может, пойдём на озеро? — И поспешно и решительно добавил: — Или ещё куда-нибудь погулять. — И ещё решительнее: — Можно вечером на дискотеку, но я не умею танцевать. Макс учил, ничего не вышло, лучше и не пробовать.

— Не бойся, я не заставлю. — Только что полная обиды и отчаяния, Марина улыбнулась: сосредоточенный вид Ника не мог не забавлять. — Если прыгнешь с дерева, обещаю никогда в жизни с тобой не танцевать. Мне как раз на озеро и хотелось.

Вечером отец спросил:

— Ну что, поедём к Алику?

Взять — и тоже уехать! В Москве не заскучаешь, и на раскопках столько интересного... А завтра Ник обещал разузнать, что делать с адамовым деревом. И показать место в центре, где хорошо кататься на роликах. А ещё они собирались покататься на лодках. И Марина покачала головой:

— В другой раз.

— А ты ничего не хочешь ему передать?

— Только саму книгу. Но Грачевы не помнят, кто её приносил.

— Не везет Алику. И у меня для него нет хороших новостей.

Марина пропустила это мимо ушей, она смотрела на свой подоконник. Белые цветы не появлялись ни вчера, ни сегодня. Значит, это все-таки был кто-то из своих мальчишек. А жаль. Тут она запуталась — чего жаль? Что цветов больше нет, или что их приносили старые друзья, а не... Конечно, цветов! Они такие необычные. Марина и мысли, и сожаления изо всех сил старалась вогнать в рамки приличия. Нельзя же, в самом деле, предполагать, что... И фантазировать надо в пределах правдоподобного. Это никак не мог быть Ник, они только вчера познакомились.

Майку сменил!

— У НАС есть адамово дерево? — спросил Ник.

— Да, на нижней аллее, я попробовала посадить, посмотрим, что получится, — ответила его мать, такая же черноволосая и синеглазая, осматривая высаженные прошлой весной молодые деревца земляничника. Этой осенью они должны зацвести, а плоды созреют только через год, к будущей осени и следующему цветению. Подняла глаза на сына. — Ба, ты, что ли, майку сменил?

— Неважно.

Какую-нибудь любимую майку и джинсы Ник носил обычно весь сезон, отдавая только время от времени постирать, и ни за что не соглашался надеть что-то другое. Зимой к этому комплекту прибавлялся избранный свитер, который так же преданно носился до лета. Но сегодня майка была другая! Чистая! Вдохновленная тем, что сын, возможно, взялся за ум, мать предложила:

— Может, и в парикмахерскую сходишь?

— Ну уж нет. Еще чего. Я про адамово дерево. Мне надо узнать для одного человека, как его правильно выращивать.

— А этот человек — девочка? — любопытствовала мать. — У меня на рынке на этот раз только одна покупательница и была — остальных интересуется только съедобное...

— Неважно, — нахмурился Ник.

— Так ты же утверждал, что с девчонками разговаривать не о чем. Кажется, еще в те времена, когда включал утюг в розетку для радио, чтобы он заговорил.

— Не было этого, — категорично заявил Ник.

— А кстати, Николай, где ты вчера пропадал?

— Гулял с Максом.

— А он заходил за тобой с симпатичной подружкой, я не знала, что сказать.

— А ничего. Нужен будет — сам найду. Мы про дерево говорили. Чего с ним делать-то надо? Я и бумажку взял, чтобы записать.

Она своих дружков ни на кого не променяет

НАДО сказать, что в их дружбе получалось как раз наоборот — это Макс находил Ника, когда ему было нужно. Хотя была ли это дружба, тоже вопрос. Они не проводили вместе целые дни, как Марина со своей компанией, не учили вдвоем уроки, не ходили вместе в школу и обратно. Время от времени Макс возникал с деловым предложением, и они начинали его воплощать, а потом так же произвольно расставались до нового замысла.

Идеи взросли вместе с их генератором, но цель не менялась: каждый раз Макс надеялся разбогатеть. Сначала вполне традиционным способом — выкопав клад. И шаги отсчитывались, и лопаты натыкались на что-то твердое, и сердце замирало, и даже сильно стертая монетка выкатывалась Нику под ноги. Три копейки 1967-го года. А совсем рядом с Белогорском в это же время археологи раскапывали древнюю стоянку со множеством украшений и древней посуды, и местный музей пополнялся новыми экспонатами. Так что идея Макса была вполне здоровой, просто копнули не там.

Потом удача стала больше улыбаться: Максим договорился с торговцами на базаре помогать им таскать арбузы, и мальчишки каждый вечер получали арбуз за труды. И елся он, заработанный, по-особенному.

Про пункт приема цветных металлов Макс тоже узнал первым. Правда, за мотками медной проволоки должен был лезть Ник, как более ловкий. Причем это оказалась не свалка, а чье-то частное владение, чуть ли не какой-

то фирмы, но Ник вовремя унес ноги, а Макс сказал: «Ну и ладно, еще что-нибудь присмотрим».

Присмотрел он бензоколонку, где можно было мыть машины всем желающим. Но бизнес пресекли другие пацаны, заявившие, что это их место.

— В некоторых семьях есть нечего. Мальчишки, может, на еду себе зарабатывают, — сказала мама, слушая возмущения Ника. — А вы на что?

Он, честно говоря, озадачился. Макс не мог прожить без мороженого, жвачки, без новых кассет, лазерного фонарика, хороших роликов и многого другого. И трещал без умолку, чего себе накупит, когда они приступали к очередному проекту. Нику же нравились привкус риска и холодок неизвестности, сопровождавшие их вылазки — больше, чем будущая прибыль.

А это можно было, в общем, и иначе ощутить. Дать себе задание доплыть дотуда, откуда берег кажется почти неразличимым — и доплыть. Забраться на крышу девятиэтажки и, бросая кленовые крылышки, падать взглядом вслед за ними — а ласточки схватывают их на лету, принимая за насекомых. Не говоря уже о поездках с матерью, которые он очень любил — Подмоскovie, Золотое кольцо, Кавказ. Ничто не заменит ветер странствий, будь он солнечным и сухим, влетающим в окно автомобиля или автобуса, или морским, с брызгами.

Так что Ник не горевал в разлуках с Максом, но и от затеянных им приключений не отказывался. Действовало то, что Макс искренне считал его крутым и на самом деле не всё из придуманного мог проделать без него.

Сейчас Макс просто должен был появиться — Ник кожей ощущал его приближение, понимая, что тот сгорает от любопытства: куда же подевались тогда он и Марина, и что было дальше. И точно: едва Ник пришел домой пообедать (мама настояла, чтобы он обязательно поел, прежде чем пропасть в неизвестном направлении), раздал-

ся звонок, и Макс улыбался на пороге. Ник неожиданно почувствовал, что ничего ему не хочет рассказывать, и лихорадочно соображал, как отвертеться.

Ведь правда, невозможно объяснить, что Марину он нашел по флюгеру на крыше: золотой парусник указал на солнце, а вместе с солнцем появилась она. Значит, он не случайно забрел тогда на Зеленую улицу. Он всегда любил гулять в Сосновом Бору, но раньше ничего подобного не случалось! Для Ника это было как дважды два, но кто угодно, и Макс в том числе, сочли бы это за бред сивой кобылы. Ну, допустим, он все-таки об этом рассказал. Здравомыслящий приятель сразу спросит, почему он не познакомился с девочкой, если она ему понравилась. И что отвечать? С одной стороны, всё ясно: она живет на враждебной территории. Для Ника это не имеет значения, но для нее-то он прежде всего — чужак. Прийти, чтобы принести неприятности? Но он к тому же чувствовал, что надо просто подождать, пока флюгер опять не повернется в нужную сторону.

Но просто ждать Ник не мог, и на подоконнике Марины стали появляться белые цветы. У нее должны быть цветы, которых ни у кого нет, которые не купишь ни за какие деньги ни в каком магазине. Может, Ник опять по-своему наслаждался романтикой и риском. Может, хотел освежить избитый ритуал дарения букетов, раз уж нельзя совсем его избежать или заменить чем-нибудь новым — девочкам-то нравится. И об этом, что ли, рассказывать? О трехчасовых загородных прогулках и альпинизме на чужих заборах? Да Ник не то что Макс, никому на свете не признался бы. А если бы Марина каким-то чудом догадалась и начала спрашивать — отрекался бы и отпирался, как партизан на допросе.

Скоро Ник знал в лицо ее отца, тетушку с кошелками, сестру и собаку. Раз даже удалось поговорить с братиком. И тут появилась она — холодная и чужая, поглядела на него, как на вещь, и увела малыша. Ник потом долго

удивлял друзей колючим настроением. А Макс, узнав об этом, наверняка скажет: ну вот, опять сдрейфил к ней подойти. И будет не так уж и не прав.

Но Ник не ошибся — всё совершилось само собой, тогда, на причале. Наполовину сочиненная им, Марина оказалась похожей и совсем другой. Для нее также не имел значения закон «все, кто не наши, — чужие». Весь тот день они провели вместе и за разговорами не заметили, как он прошел.

Но Макс у Ник рассказал об этом в двух словах и самым безразличным тоном. А тот огорошил его сообщением:

— Ну, про твою-то я и сам всё знаю. — И пояснил: — Я с ее сестрой познакомился. Кларисса. Там же, в доме с корабликом живет. Ну денек был — это что-то с чем-то. Тебе одна досталась, а мне сразу две — аж глаза разбежались. Эта, Жанна, тоже делась куда-то, ну и наплевать, Кларисса тоже ничего. Классно гуляем! К тебе как ни зайдем — все нет, прямо пропал человек... А это что? — Макс взял с дивана книжку. — «Властелин колец. Хранители». Тол-ки-ен. Чего-то больно мудреное. А, кино такое было.

Ник забрал у него из рук обернутый в бумагу томик, бережно поставил на полку и принялся объяснять, что Марина дала ему почитать свою любимую книгу.

— Тебе? А она знает, что ты кроме «Муму» ничего не читал? — поддел его Макс.

— Как ничего? А «Секретные материалы»? — тревожно спросил Ник, не реагируя на колкость.

Макс уже торопился поправиться: мол, шутка — у Ника были крепкие кулаки, это узнавали на опыте все любители приколоться. Еще в младших классах ему пытались приклеить кличку «ботаник» из-за дедушки и мамы, работавших в питомнике — но тут же единодушно решили, что Николая Берестова лучше называть Ник. Больше подходит. А тут он и ухом не моргнул, подивился Макс. Совсем не въехал. Выходит, когда человек втюрится, то становится болваном. Интересно! А та девчонка и правда может заце-

пить, такая она какая-то. И чего она в «ботанике» нашла? Ведь сразу спелись... А он, Макс, с ней первым тогда познакомился! Кто придумал девчонок покатать?

И Макс решил проверить, действительно ли это у друга слабое место:

— Вспомнил — я ее на интеллектуальных играх видел. Помнишь, городские игры в нашей школе проходили. Ее дружок был в команде. А она ему всё, что он не знал, подсказывала. Она и дружит с такими же. Охота тебе связываться с заумными?

— А на кой черт мне дуры? — отрезал Ник без всякой паузы, и Макс возликовал в душе, какой же он пронизательный.

И как это, оказывается, здорово: нашел уязвимое место — и человек в твоих руках! Даже такой крутой и во всем его всегда опережавший. И решил уязвить еще разок:

— Конечно, она не дура, и хорошенькая. Я ничего не говорю. Вот только ты мне друг, а даже ее сестра говорит, что она мальчишница. Все пацаны в классе в нее повлюблялись, а ей и нравится, что они таскаются хвостом. Развлечение, в общем, вроде коллекции, соображаешь? И еще, они там все, с Зеленой улицы, настырные, все друг за дружку, а мы для них — чужие. Вот ты всё серьезно, а она, Кларисса говорит, своих дружков ни на что не променяет...

Максим бубнил в том же духе, но отпора типа «А твоя Кларисса что, не с Зеленой улицы?» — не получал. Ник, знающий толк в драках, первый раз в жизни не понял, что это тоже поединок, вызов, борьба за первенство. Он все-ррез задумался над смыслом сказанного — и настроение у него упало, хотя ничего и не произошло.

Расшифровка

МАРИНА сидела за партой и смотрела на друзей. Мальчишки после праздников подстриглись. Артур зачесал волосы назад и выглядел совсем по-взрослому, у Рафаэля не осталось милых кудряшек, и он сделался похож на лопухого олененка с большими черными глазами, а «ежик» Рудика стал еще колючее. Но постриглись не только мальчишки. Жанна отрезала свою толстую смоляную косу, и ее новая прическа напоминала Маринину. С непривычной копной на голове, она сидела неестественно прямо и неподвижно, и не оборачивалась.

А вот большой, красный от загара Фольц поминутно ерзал, вертел шеей, прятал глаза, краснел еще больше, злился на себя за это, и наконец зашептал почти вслух, сложив ладони рупором:

— Да Жанка придумала, а мы, как дураки! А я говорю — заехать чужакам в морду, и дело с концом!

Рафаэль часто и беспомощно моргал, а встретившись глазами с Мариной, тут же красноречиво указал глазами на Жанну. Марина рассерженно вспыхнула, что явно означало: да хватит сваливать всё на нее! Рафаэль, тыча в себя пальцем, начал выразительно прикладывать к уху воображаемую телефонную трубку, а потом отчаянно развел руками. Да, Марины действительно все эти дни не было дома, и звонить ей было бесполезно.

После долгой паузы Рафаэль несмело поднял ресницы. Марина смотрела выжидающе. Конечно, никаких особых прав у него нет, но вдруг он их сейчас заявит? Болтала же Кларисса, что они все в Марину влюблены. Но Рафаэль робко указал на тетрабочку: «У меня есть новые стихи». Марина, чуть не рассмеявшись, весело и сожалеюще махнула рукой: давай сюда. Рафаэль возликовал, а потом кокетливо и капризно подал тетрабочку. Марина вспомнила куплеты, которые они с Жанной и Артуром сочинили ему

на прошлый день рождения:

*Пусть узнает целый свет:
Княжич Рафаэль — поэт.
Он не спит и не зевает,
А в поэзии витает.
После, замолив готовно
Выдуманные грехи,
Совершенно хладнокровно
Пишет пылкие стихи!*

Тут ее ткнули сзади и подали записку. Это был квадратный листок в клеточку, весь без пробелов заполненный четкими печатными буквами, которые не складывались ни в какие слова. Марина достала из-за обложки дневника такой же бумажный квадрат, но с прорезями, и, накладывая его на записку, начала читать. Этот способ шифровки они с Артуром ввели в обиход, когда выяснилось, что их записки попадают в руки Клариссы и Рахили.

«Марин, не сердись, — писал Артур. — Всё получилось спонтанно. Мы видели, что Жанка сама полезла в ту лодку, только у нас от обиды мозги затуманились. Мы с мамой привезли новые фильмы, и „Властелина колец“ вторую часть, „Две башни“. Давай у тебя посмотрим, как всегда. Если хочешь».

А Артуру ко дню рождения они с Рафаэлем и Жанной сочинили такие вирши:

*Ходячая он добродетель:
В общественном месте не плюнет,
Ходить по газонам не станет,
В автобусе купит билетик.*

Обычно невозмутимый, Артур тогда хохотал громче всех, а потом на спор скакал на каком-то газоне в центре и проехал «зайцем» на автобусе.

Марина оглянулась и с улыбкой кивнула. На душе у всех четверых потеплело, все одинаково чувствовали, как с нее свалилась небывалая тяжесть. Но мир и покой были еще неполными.

Если хочется — значит, можно

НА ПЕРЕМЕНЕ Жанна подошла к Марине и с вызовом сказала:

— Всё устроила я. Я разозлилась на тебя и всех подговорила.

Когда она высказала всё, что должна бы выслушать, Марина растерялась. Жанна рассказывала о своем разговоре с Рафаэлем, Артуром и Рудиком, о том, как дружно они осудили Марину, как негодовали, возмущались и, наконец, решили ее проучить. Слушать это было невыносимо, а демонстративная честность вызывала только чувство неловкости. «Зачем она всё это говорит?!»

— Короче, ты теперь не хочешь меня знать.

Тут Марину осенило: да неважно, что она мелет. Важно, что она подошла. И Марина сказала самым обыкновенным и нисколько не натянутым голосом:

— Да брось ломаться. Косу зачем отрезала? Я тебя и не узнала.

— Я сама себя никак не узнаю! Прямо чудовище какое-то! Я всё думаю: если бы я была на твоём месте, а ты на моем, ты бы со мной так не поступила — и это бесит! А коса — черт с ней, я, наверно, несовременно выгляжу, если никому не нравлюсь.

— Артур фильм притащил, пошли ко мне смотреть после уроков.

— Издеваешься, что ли? Предательство нельзя простить.

— Если хочется — значит, можно, — твердо сказала

Марина.

— Правда, что ли, мир? — развеселилась Жанна. — И правильно, не хватало еще поссориться из-за паршивого чужака!

— Он не паршивый.

— Чего? Так ты не собираешься послать его подальше?

Марина молчала, глядя на нее с изумлением и вопросом.

— Ну ты даешь, — проговорила Жанна, подозрительно всматриваясь в лицо подруги. — А я обрадовалась, что всё будет, как раньше.

— Да чем он вам помешал? Вы же никто его даже не знаете!

— И знать нечего, — отрезала Жанна. — Ты, что ли, вообразила, что приведешь его в нашу компанию? И как это будет? Ну, представь: ты его хоббитов с нами смотреть позвала — и все сидят, как дураки, особенно мальчишки. И ему больно весело будет!

Марина растерялась. Жанна, кажется, права. Ник, такой замечательный, в их компании действительно будет и смотреться, и чувствовать себя, как... чужой. И он, и ее друзья — прямолинейные, открытые, поэтому и они его не примут, и он вряд ли захочет вписываться.

Но почему, почему хорошие люди не могут быть вместе! Ладно, она постарается разорваться на столько кусков, сколько друзей. Ведь о выборе и речи быть не может. И ничего страшного: душа — она большая, ее так много. Хватит на всех. А потом, может, как-нибудь всё образуется. Конечно, они с Ником только что горевали, что опять начинается школа и они не смогут видаться так часто, только после уроков, но...

— На фильм его и правда не стоит звать. Я увижусь с ним завтра, — решила Марина.

Жанна довольно улыбалась.

Следующим уроком была математика, и Марине сполна досталось за камешек, брошенный в собачонку. Рафаэль

самоотверженно пытался доказать, что это был он, но получил ответ: «Круговая порука! Нечего ее выгораживать!»

Но не это подпортило радость примирения. Когда Марина позвонила Нику сказать, что этим вечером занята, он огорчился больше, чем можно было ожидать, и почему-то сразу угадал: «Ты сегодня с ними?» Раньше ей ужасно нравилось, когда один из них понимал другого, едва тот начинал, и даже если еще не начинал говорить. Но эта телепатия озадачила. Ник ревновал ее к друзьям так же, как они — к нему. С равномерным распределением души получалась загвоздка.

Такое бывает?!

— ГЛЯДИ, куриный бог! Надо же, прямо как на море!

Марина взяла с протянутой ладони Ника серый гольш с дырочкой посередине. Они гуляли по безлюдному берегу озера. Шлепать босыми ногами по нагревшемуся за день мелководью было просто блаженством.

— Его можно надеть на шнурок, — сказала Марина, снимая со шнурка кулончик-сердечко и пытаясь попасть размахившимся кончиком в куриного бога. — У Петровны бы лучше получилось. У нас есть две соседки, Петровна и Глебовна. Они свои домики летом дачникам сдают, а сами гордятся, что на пляже сорок лет не были. Вечно во дворе толкуются, стирают, обеды на самодельных печках готовят и сплетничают. А еще плетут всякие шляпы, бусы мастерят. А потом в магазинчике Грачевых продают. Мне Петровна один раз бусы из яблочных семечек подарила, лаком покрытые. До сих пор где-то лежат.

Наконец ювелирная работа была закончена, куриный бог надет на шею, а Ник с удовольствием слушал все эти ужасно важные вещи. Они побрели по нейтральной дороге,

откуда можно свернуть и к центру, и к Сосновому Бору, куда — еще не было решено. Но расходиться по домам не хотелось, хотя уже начали зажигаться фонари. Можно немного посидеть на остановке. Мимо с шумом и музыкой промчался розовый лимузин, тот самый знаменитый розовый лимузин, который в Белогорске снимали для свадеб и праздников. Марине показалось, что в окне машины мелькнуло ее бывшее синее платье и развевающиеся на ветру длинные рыжие волосы. В центре сейчас весело, музыка играет, полно нарядных выпускников — последний звонок празднуют. А здесь тихо, и на причале темно, лодочная станция закрыта.

— Давно не видно Лодочника, — заметила она.

— Он болеет, — отозвался Ник.

— А ты откуда знаешь?

— А мы с ним дружим, — как ни в чем не бывало прозвучал ответ, немного озадачивающий, как и ответы на последующие расспросы. — Я с ним как-то раз заговорил. Он так обрадовался. Он тогда еще в парке на аттракционах работал. Представляешь, стоит человек, десятки людей кругом, а он много лет молчит — просто потому, что никому до него нет дела и не с кем разговаривать. Он совсем один.

— Совсем один? А действительно, когда на него взглядишь, его почему-то жалко, хотя у него и вся эта великолепная флотилия, и белая фуражка на голове.

— Его братья во время войны попали в плен, и их потом расстреляли, а двое других погибли. Мать с горя умерла, отца сослали на север. А он, самый младший, в это время был у каких-то родственников. Вернулся в пустой дом. Потом всю жизнь ездил с места на место: Алтай, Кавказ, Средняя Азия — пока не остановился здесь. У него столько интересностей в доме есть. Если бы ты увидела...

— Ты и домой к нему попал?

— Навещал, когда он болел первый раз. Смотрю — всё нет и нет. И узнал, где живет.

— Так он твой родственник?

— Да нет же, просто познакомились. И так получилось, что у него, кроме меня, и нет никого. А вообще он чем-то на деда моего похож, тот умер, когда я еще в третьем классе был. И поговорить с ним так же интересно. А давай?

— А давай. Сейчас?

— Ну.

— А удобно?

— Он будет только рад. Далековато, правда, и не доедешь ни на чем, пешком придется.

— А я почему-то думала, что он живет здесь, рядом со своими лодками.

— Да лодки не его, он по найму работает. Боюсь — уволят, если долго проболует. Сезон же как раз начинается...

В этой части города Марина никогда не была. Через весь центр — на окраину. Улица Пушечная Гора. Она и не знала, что такая есть. Какие-то совсем древние плохонькие домишки. Они долго стучались в один из них. Марина несмело оглядывалась.

Среди дня, солнечного и безопасного, эта узкая улочка, может быть, и не страшнее их Зеленой, но сейчас тут жутковато. Здесь наверняка гуляет сам Разбой под ручку с Авантюрой. Небо между черными косматыми деревьями было седым и тревожным. Взгляд снова падал вниз, словно в колодец.

Марина представила, что потерялась, что не помнит дороги назад и с ужасом бежит по этому лабиринту, где изгибаются уродливые тени, и везде натывается на глухие заборы и скрипучие двери, за которыми копошатся какие-то менялы, гадалыщицы, темные страшные люди...

Ник постучал еще раз и обернулся к ней. Брови его поползли вверх.

— Ты что? — он готов был рассмеяться, но взгляделся в ее лицо и озабоченно сказал: — Я зря тебя сюда привел. Давай вернемся.

Марина замотала головой, а дверь тем временем при-

открылась.

— Гости, — сказал Ник.

Дверь открылась шире, и Марина пожалела, что не захотела вернуться. Теперь улица казалась ей более безопасной, чем неизвестная темнота за низкой шершавой дверью.

Яркий свет разогнал страх, созданный воображением. Обычная, немного спартанская обстановка комнаты совершенно успокоила Марину. Лодочник узнал Ника и уважительно пожал ему руку. Он и в самом деле был рад. На фоне озера, причала с радостными разноцветными флажками, среди прогулочных катеров и лодок, в белой фуражке, Лодочник выглядел внушительно, а дома превратился в совсем другого старика — немного загадочного, с непроницаемым взглядом. На вопросы о здоровье он только отмахнулся и усадил их есть отличную жареную рыбу, и даже тарелки мыть не разрешил.

— Что это? — Марина глядела на раскрытое старинное Евангелие, лежащее на приступочке деревянного шкафа с глухими дверцами.

Ник повис над плечом, и они листали страницу за страницей, рассматривая миниатюры, пышные заставки заглавных листов и тонкий орнамент. Сказочные крылатые грифоны и сфинксы соседствовали здесь с обыкновенными, неволшебными слонами, козами и зайцами.

Они застыли над изображением Богоматери. Необычные — глубокие синие, густо-красные и пепельно-лиловые тона — словно неожиданное дуновение ветра обнажило под сизым пеплом вспышки пламени. Ник удивленно поднял голову:

— А она похожа на тебя!

Двумя ладонями пригладил подружке волосы, отведя их от лица, повернулся к Лодочнику:

— Правда, похожа?

— Все женщины похожи на нее, — ответил тот, глядя на Богоматерь.

— Удивительная книга, — сказала Марина. — У нашей Доры тоже есть Евангелие, только современное, на глянцевой бумаге, с картинками из фильма «Иисус». Прямо как журнал. Кажется, бесплатно присылали по почте. Это совсем не то... Удивительная книга, — повторила она.

Лодочник незаметно улыбнулся, непроницаемый взгляд смягчился и потеплел.

— От отца мне осталось много удивительных книг. Многие я собирал сам. Тебе интересно?

— Конечно!

Старик поднялся, открыл свой глухой шкаф и начал молча доставать оттуда большие старинные книги в переплетах, в чеканных окладах.

— С застежками, — по-детски обрадовалась Марина, даже в ладоши хлопнула.

И Ник глядел во все глаза, как на столе перед его подружкой возникали Коран и Библия, книги церковных песнопений, записанные древней нотописью, лечебник с рецептами средневековых снадобий, Псалтыри и Четьи Минеи, пособия по астрономии, учебники, судебник, географические карты...

Они листали и разглядывали это богатство весь вечер. Лодочник, видя интерес Марины, и сам увлекся, и достал совсем уж редкие книги, апокрифы — Евангелие от Фомы, от Магдалины, Евангелие изречений, где нет привычной событийной канвы и записаны только слова Иисуса.

— Такое бывает?! — шептала Марина Нику — то ли о книгах, то ли о самом старике.

Ты ничего не понимаешь

ОБРАТНО она шла в настоящем гипнозе.

И в короткие счастливые годы, и в тягостные десятилетия войн оплывают свечи в узких темных кельях,

и на доньшке остается чернил, настоянных на железной ржавчине и кожице молодого грецкого ореха. Не прерывается великий труд — создаются научные трактаты и поэмы, переписываются книги древних авторов. «...во времена бедствий и годину войн увозите книгу эту в город и скройте ее...» Со свистом и воем летят узкоглазые орды, горят города, расхищаются церкви, корчатся в пламени драгоценные рукописи. Истлели и окаменели те, что спрятаны в тайниках и пещерах — их гибель следует за гибелью людей, пытавшихся их сохранить. Утрачены тысячи, уцелели единицы. И тут, в никому неизвестном домишке...

В никому неизвестном? Стоп. Не может быть...

Было уже за полночь, они шли через уснувший парк. Взволнованный и сбивчивый рассказ о базарном кульке из листов старой книги, о музейшике дяде Алике, который вот уже второй месяц разыскивает таинственного коллекционера, и озарение, что это и есть Лодочник, нисколько не встревожили Ника.

— Но ты же им ничего не расскажешь, — заключил он утвердительно.

Марина словно споткнулась на бегу.

— Как ничего не расскажу? Я же целый час тебе толкую, как для человека это важно. Он ученый, он работает с книгами, а если Лодочник распродаст их по одной всяким проходимцам...

— Тише ты. Об этом не кричат. Ничего он не распродаст.

— Откуда ты знаешь?

— В них вся его жизнь, ты что, не поняла? Он их собирал не для того, чтобы на этом нажиться. Он знает, что владеет сокровищем, только для него смысл не в том, чтобы владеть, и не в том, что это сокровище...

— Можешь не разжёвывать, я не идиотка, — обиделась Марина. — Понятно, что такой книгочей никогда не расстанется со своими книгами. Но ведь это небезопасно, в конце концов — держать такую библиотеку в этом сарае, в труппо-

бах...

— Ну вот, ты сама всё понимаешь, — успокоился Ник. — Зачем же ему раскрываться? Около него и так уже начали виться проходимцы, как ты говоришь. Когда он просил меня продать те книжки, он тоже болел, и с деньгами совсем было туго. Я сколько на бензоколонке зарабатывал — всё равно не хватало, да он и брать не хотел, гордый. Тогда я еду ему покупал и лекарства — принесу, и всё. Назад не понесу. Но говорю, всё равно не хватало, вот и засветились с книжками. Он же их никогда никому не показывал, а теперь даже музейщики твои — и те уши топориком.

— А еще кто?

— Макса еле отвадил — всё предлагал еще раскрутить старика хоть на пару книжонок. Я, говорит, не туда понёс, а он будто нашел, кому сбыть. Так они, ценители, и без Макса обойдутся, если очень захотят. Вот спроси у своего Артура — у него ничего уже нет, всё забрали.

— Это я забрала для дяди Алика... А ты неужели такой наивный, если знаешь, что началась охота, и думаешь, что они не доведут ее до конца.

— Ну, сейчас дойдет до того, что во благо Лодочника я должен его продать, — с иронией проговорил Ник.

— Ты ничего не понимаешь! — Марина глядела на него с удивлением.

— Это ты ничего не понимаешь. Человек имеет полное право не отдавать никому то, что ему принадлежит. Его добро — ему распоряжаться. Мало ли что другим нужно! Это их проблемы, и они с ними справятся. Без нас. Я в этом не участвую. И ты в этом не участвуешь.

— Но вдруг бы дядя Алик и Лодочник нашли общий язык? Я могу хотя бы сказать папе...

— Не можешь, — категорично заявил Ник. — Ты сама поймешь, что не можешь, когда вспомнишь, как тебя Лодочник принял. А он видел тебя второй раз в жизни. Он тебе доверился! У меня глаза на лбу были, когда он всё

из шкафа начал вытаскивать — он мне всего этого не показывал никогда! И ты рассказывать побежишь, а я тебя привел, и кто я после этого! И чем мы тогда от проходимцев отличаемся!

— Я подумала, ведь можно было бы с самим Лодочником поговорить осторожно, — еще раз попыталась Марина. — Но если ты считаешь, что для него это будет оскорбительно...

— Будет. Получится, что никому верить нельзя, все только ищут, где урвать. И мы такие же. Тебе же его «почему-то жалко» было! — передразнил Ник, и оставшуюся часть пути они шли молча.

Каждый пытался осознать одно и то же: мы первый раз не поняли друг друга.

Я тебя видела в розовом лимузине

ОКАЗАЛОСЬ, что Петровна и Глебовна и ночью не дремлют. Они проводили Марину и Ника до калитки возмущенными речами и взглядами.

— Что, у тебя теперь неприятности будут? — встревожился Ник. — Мы, кажется, совсем припозднились. Старушечки засекли.

— А куриный бог на что? — Марина повертела камешком на шнурке. — Он меня защитит.

Оба с облегчением улыбнулись, и прощание было более радостным, чем встреча. Стараясь сохранить ощущение счастья, Марина взбежала на крыльцо, а вслед неслись старушечьи голоса:

— Ишь пошла! Совсем совесть потеряла! И сестрица с чужаком спуталась, так ей и есть в кого. А наша-то, наша!

— Да обе одним миром мазаны!

В зале горел свет. Кларисса что-то писала, а стол был завален атласами, новенькими яркими энциклопедиями

«Аванта» и старыми советскими томами детской энциклопедии, которые сохранились еще со школьных времен Пал Палыча. Марину озадачило такое трудолюбие.

— А ты и меня перегуляла! — почему-то доброжелательно отметила Кларисса, взглянув на часы.

— Разве задавали доклад? — Марина всмотрелась в книжки. — Или тебе отметка нужна? Так завтра не география, а история, зачем ночью гробиться. Спать ложись, завтра допишешь.

— Да я не себе. Макса помнишь? Друг твоего этого... Ему надо географию исправлять. Нахвтал двоек.

— Постой, а это не тебя я видела в розовом лимузине? Сегодня вечером.

Кларисса довольно засмеялась и начала с обычным самохвальством перечислять марки духов и вин, имена и меню. Первый в жизни роман так увлек ее, что она даже забыла о непосредственных обязанностях — поставлять Рахили Исаковне сведения о Марине и компании. Та целых два раза выказывала свое недовольство, но Кларисса пропускала это мимо ушей. Ей казалось, что она получила то, чего ждала так долго, мираж счастья стал совсем близким, и всё запланированное делалось рядом с ним тусклым и ничтожным. Постоянная зависть уступила место снисходительности и добродушию, ко всем, даже к сопернице.

— ...А на соседок плевать, и ты на всех плюй, болтают, а сами завидуют... Только что это вас нигде не видно? Вместе с нами никогда не бываете.

Растроганная доверительной беседой, Марина начала рассказывать, но на лице Клариссы поочередно появлялись недоумение, недоверие, изумление, скука.

— Вот детский сад, — фыркнула она. — Охота была камешки собирать и на роликах кататься. А это, небось, драгоценный подарок!

Она ткнула пальцем в куриного бога. Марина повернулась и пошла в свою комнату. И второй раз ее проводили ехидной характеристикой:

— Ну и дура! Печь куличи из песка могла бы и с прежними сопляками.

Майский полет

УРОК истории шел своим чередом. В одном углу класса обсуждали фильм, в другом играли в дурака, в третьем списывали геометрию, а в четвертом стоял Макакус и робко объяснял причины русско-турецкой войны. Марина глядела в окно. И урок тянулся бы на редкость спокойно, если бы не Фольц.

Всем развлечениям он предпочитал вульгарные, были они на редкость однообразны, но безотказно действовали на публику. Рудик опять притащил жуков. На сей раз это были майские жуки, привязанные на длинные нитки. Все, бросив свои занятия, следили за тем, как ползет по парте жук, волоча за собой нитку, с замиранием сердца ждали, когда он взлетит, торопили его взглядами, морщились, когда он спотыкался.

Жук дополз до края парты, остановился, задумался. Но столько глаз вдохновляли его на полет — и он полетел с громким жужжанием, взмывая всё выше и делая всё более широкие круги. Класс восторженно взвыл, а вслед первому жуку взлетали второй, третий. Треск крыльев смешивался с голосами болельщиков, а Рудик восседал, как господь бог, держащий в руках нити управления миром.

Беспомощно моргающий Макакус замолчал и начал тихо ждать, когда ученики угомонятся. Он с надеждой поглядел на Марину, но она отвела глаза.

— Медведева, к доске, — попросил Макакус.

Обычно Марина, не зная, как еще выразить своё сочувствие Макакусу, выучивала домашние задания, которые он по старой привычке писал на доске, прекрасно зная, что даром переводит мел. Макакус слушал ее с тихой радостью

и вызывал к доске, когда ученики уж слишком расходились.

Но сегодня Марина не могла отвечать. Она и учебник не раскрывала. Но Макакус глядит с такой светлой верой. Какой он жалкий и измученный! Взять и сказать: «я не готова» — все же так делают.

Медленно поднимаясь, чтобы произнести эти слова, Марина остановилась на полуслове, уверенно вышла к доске и, ободряюще глядя на Макакуса, начала говорить всё, что знала о крестовых походах. Тот благодарно кивал головой. Более просвещенная часть класса улыбалась. Остальные с упоением наблюдали полет жуков.

Рецепты для влюбленных

— ДАЙ мне.

Кларисса показывала на постер с изображением взломаченной Земфиры. В Странном Доме шла предпасхальная уборка. Дора мыла окна, Павлик чистил пылесосом ковер в своей комнате, а Марина вытащила на середину гостиной целую охапку старых журналов, исписанных тетрадок, прочего хлама и просматривала его еще раз, перед тем как выкинуть. В журналах «Cool» оказалось несколько невыдернутых постеров. Для Рудика нашелся Децл, а для Ника — Малдер и Скалли из «Секретных материалов».

— Эта Земфира — Жанне, — отказала Марина. — Возьми вон ту.

— Такая у меня есть.

— Как хочешь.

— Очень уж ты о них заботишься, — фыркнула Кларисса.

Она не осталась в долгу. Полистала следующий «Cool» и вдруг обрадовалась:

— Гляди-ка, пишут про тебя! Слушай: «Кто придумал,

что любовь — это постоянство и изо дня в день встречи с одним и тем же человеком? Влюбленные не всегда говорят друг другу правду. И к тому же частенько общаются не только между собой, но и с другими претендентами. Увы, так бывает сплошь и рядом, как со стороны парней, так и со стороны девчонок. Часто девушки встречаются сразу с двумя-тремя парнями, причем делают это осознанно. Они как бы разграничивают „обязанности“ ребят: с одним ходят по музеям и выставкам, другой катает девушку на машине, а третий — хороший собеседник и приятный человек». Ну копия! Всех твоих перечислили! «И ладно еще, если при таком раскладе девушка поддерживает интимные отношения только с кем-то одним»...

— Ты что, совсем того? — вспыхнула Марина.

— Ага, правда глаза колет!

— А ну, пошла отсюда! — закричала Марина, выхватывая журнал.

Кларисса картинно хохотала, закатывая глаза и не думая никуда уходить.

«На самом деле не обязательно отношения девушки и юноши, мужчины и женщины бывают и должны быть любовными», — мелькнуло на странице. Марина присела на ковер. Что там дальше?

«Более правильным и честным было бы четко определить жанр отношений. Сказать: „Романы не для меня, я о них пока не думаю“. Или так: „Мы с тобой (может быть, пока) только друзья (приятели)“. Или: „У меня есть парень, к которому я испытываю серьезные чувства. А ты для меня просто товарищ, друг, интересный человек“. Больше того, некоторые ребята будут только рады такой определенности, потому что жанр приятельских отношений проще и ни к чему такому не обязывает».

И впрямь похоже на их запутанность. Как в журнале всё просто и ясно. Вот только странно представить себя с декларацией на устах: «Артур (или Рафаэль), мы просто товарищи!» Театр. А если серьезно, сомнения берут, что

они будут рады такой определенности, а не почувствуют себя оскорбленными. Уж она-то их знает.

А «серьезные чувства к другому»? Есть рецепты и на этот случай? Марина открыла еще один «Cool» — и увидела рецепт, только не для себя. *«Овидий, древнеримский поэт, в книге „Наука любви“ советовал растерянным юношам следующее: чтобы нравиться девушкам, надо быть опрятным, спортивным, изобретательным и настойчивым. Во-первых, твоя одежда должна быть безукоризненно чистой, так же, как твое тело, твои волосы и зубы...»*

Сразу же представился всегда безукоризненный Ник в его всегда свеженьких маечках. Совпадает! Значит, он... Надо же, а полгода назад, когда она только покупала эти журналы, то на эти рубрики совсем не обращала внимания.

Но тут за окнами послышался шум подъехавшей машины, и Дора из кухни крикнула:

— Пал Палыч приехал!

Как его зовут?

КЛАРИССА дернула плечом, когда Марина и Павлик понеслись встречать отца, а Рольд их обогнал и уже радостно лаял в прихожей.

— Предлагаю сделать перерыв и поесть, — сказал Пал Палыч, появляясь в комнате.

— Нет, сначала подарки! — завопил Павлик, повисая на его руке, в которой было множество пакетов.

Вместе с Пал Палычем из Москвы всегда приезжали подарки. Он очень любил ощущать себя рогом изобилия и иногда чересчур увлекался.

— Конечно, сейчас будет ваза, — сказала Марина, и они с Дорой засмеялись.

— Ничего подобного. Книжка. Третья часть «Властелина колец» — «Возвращение государя», как заказано...

— Ура! Это мне.

— У нас аукцион: тысяча — кто больше?

— Десять тысяч! — Марина выхватила книгу. — Наконец-то дочитаю, чем кончилось! А сейчас будет ваза.

— Никакая не ваза. Краска для пасхальных яиц, какая-то особенная, все брали, и я взял. Посмотрим, чем она отличается от луковой шелухи. Две тысячи!

— Три тысячи! Это Доре, — заявил Павлик, передавая засмущавшейся Доре пакетики.

— Продано. Большой мешок «Чаппи», он в багажнике. Миллион.

— Рольдик, плати! — заливался Павлик.

Расплачивались с Пал Палычем по-настоящему, честно — бумажными деньгами из «Монополии». Он только успевал рассовывать их по карманам.

А Марина, еще раз напоминая про вазу, взглянула на Клариссу, которая сидела среди этого гвалта с отсутствующим видом.

— Земфира! — провозгласил Пал Палыч, вытаскивая диск и предвкушая дочкин восторг, но Марина безразлично произнесла:

— Снимаем с аукциона. Это Клариссе. — И добавила: — У меня такой есть.

Кларисса не сразу протянула руку. Никогда еще она не чувствовала себя более чужой на празднике жизни, а свою игру в счастье — более фальшивой, и не сразу поверила, что ей на самом деле что-то полагается.

— А Еве? — тихонько спросила Марина.

— Еве — конфиденциальное письмо от Алика, — так же тихо ответил отец.

— Как его работа?

— За книжку с цветочками тебя благодарит. А дальше навести справки взялся Фольц. Пусть милиция поработает, раз у нас ничего не выходит. — Марина тревожно вскинула глаза, но Пал Палыч уже извлек еще что-то и громким цирковым голосом объявлял: — Маска для подводного плава-

ния — десять тысяч!

— Двадцать! — закричал Павлик, оглушая всех, и, деловито примеряя маску, обратился к сестре: — Меня Ник научит, да?

Марина замешкалась с ответом, а Пал Палыч как ни в чем не бывало сообщил, усаживаясь за стол:

— Когда нога моя покинула автомобиль, но еще не ступила на землю, я услышал дуэт, состоящий из обвинений, сплетен и народных причитаний. Таинственный чужак! Ночные похождения! Зеленая улица в шоке!

— Всё врут, — убежденно сказала Дора, тревожно глядя на него.

— Врут, — равнодушно согласился Пал Палыч, включая телевизор. — Я тут же уточнил у Лончинского, он как раз с работы шел. — И уже потеплевшим голосом: — Это сын Леночки Берестовой из нашего класса. Как его зовут?

— Ник. Николай, — ответила Марина немного напряженно, с удивлением улавливая в последних фразах отца нотки необычной нежности — не к ней, Марине, относящейся.

— А почему я тут один налегаю? Отличная курица. Вы что, мороженым объелись? Значит, его в честь легендарного деда назвали. Николай Берестов — основатель нашего парка. Елена и фамилию девичью оставила, и дело продолжает.

— Ник тоже Берестов.

— Резонно. Громкая фамилия пригождается в жизни. И как он, тоже по этой части пойдет?

— Не знаю. Экзамены в июне будет в химбио сдавать. В профильный биологический класс, — расшифровала Марина, совершенно успокоившись.

— А ты куда решила?

— В гуманитарный. Поменьше Рахиль буду видеть.

— Кто кого допёк?

— Взаимно. У вас ведь она тоже была.

— И монологи были всё из той же оперы.

— Не монологи, а арии. А форму девочки какую носили?

— Да примерно как у вас, но с черными фартуками и белыми воротничками. Вы мне напоминаете наших девчонок, только им не разрешалось побрякушки надевать... А что это у тебя на шее? Батюшки, куриный бог!

— Да что вам всем дался мой куриный бог, — возмутилась Марина. — Ты, папа, еще похвалился, как соседки, что сто лет на пляж не ходил и в озере не купался.

— Ну, это было бы слегка преувеличено...

— Не увиливай. — Марина подобрала слова и тщательно выговорила: — Ты говоришь с аристократическим высокомерием аборигена.

— Я раздавлен. Я труп. И зачем было нападать на замечательного куриного бога? У тебя, кажется, еще есть ожерелье из яблочных семечек. Никогда о нем худого слова не скажу...

— Да ну тебя! А какая девчонка в вашем классе была самая красивая?

— Было две самых красивых, мы их так и называли: Ева-королева и Елена Прекрасная. В Леночку Берестову я был влюблен, но ее внимания не заслужил. Подозреваю, что казался ей слишком легкомысленным.

Так интересно и трогательно было представлять взрослых молодыми, да еще в знакомых школьных декорациях. Прямо кино!

— А вот Мариной маме казалось, что я состою из сплошных достоинств, — продолжал Пал Палыч, поворачиваясь к Клариссе. — Это обезоруживало, и приходилось соответствовать.

— Марина на нее похожа? — поинтересовалась она.

— На меня! Ты же видишь, какая она красивая, — скромно отозвался Пал Палыч, подмигивая, и Кларисса не могла уловить, шутит он или нет.

— А когда же ты был влюблен в маму? — спросила Марина.

— Так это она сначала была в меня влюблена, — с видимым простодушием разложил по полочкам Пал Палыч.

— И как ты об этом узнал?

— Случайно услышал. Они с подружкой меня обсуждали. Мне это ужасно польстило, но виду я не подавал, а просто начал обращать на нее внимание и не заметил, как влюбился. А дальше — хуже: в десятом классе Рахиль Исаковна стала всерьез прорабатывать нас на собраниях, пророча скорую покупку коляски. Еще мне, помнится, не место было в комсомоле — по ее словам. На дно общества, что ли, я должен был опуститься с таким поведением. Ну, не любила она никакую любовь. В общем, досталось нам тогда. Из учителей один Иван Платоныч пытался нас защищать...

Марина сделала большие глаза и с опаской покосилась на Клариссу, но отец не понял ее мимики, а Кларисса спросила:

— А дальше как?

— Замечательно, — отрапортовал Пал Палыч. — Мы сразу после школы поженились и сразу уехали. Учиться поступили. И коляска — само собой, дело житейское. Сюда, в Белогорск, я долго не хотел возвращаться, до того нам всё тогда оскомину набило. А вернулся — старые друзья, старые улицы. Всё настоящее. А прошлые дразги — совсем не главное, шелуха. Думаю, и твоя мама что-то подобное должна сейчас ощущать. Дома и стены помогают. Ева ведь тоже домой вернулась после стольких лет, — повернулся он к Марине. — Из Севастополя. Она не рассказывала? Там теперь другое государство, ну, то есть, правители играют в то, что они правители целого государства, а вот народ плоховато живет. И наши бедствовали, к сожалению, — кивнул он на Клариссу, — но теперь это всё в прошлом. Думаю, сейчас всё наладится. — И опять с аппетитом принялся за курицу.

Марина вспомнила соседские сплетни про погибшего моряка. Надо будет спросить у отца потом, без Клариссы

и Павлика...

— А в мою маму кто-нибудь в классе был влюблен? — неожиданно задала вопрос Кларисса.

— Алик. Но был отвергнут, как и я — Еленой. Они нашли солидных, взрослых — лет за двадцать — женихов. Не нам чета... Павлик, сделай бабушку Аллу потише! Она уже надорвалась, зовя меня с собой.

— Там уже дедушка Леонтьев, — сказал Павлик, дотягиваясь до пульта. — А они тоже были, когда ты был маленьким?

— Они были вечно.

— А что они тогда пели?

— А вот это: птич-ка-счасть-я завтрашнего дня! Ты летела, крыльями звеня!

Пал Палыч для пущей наглядности вылез из-за стола и начал скакать, махая крыльями. Павлик с визгом присоединился к нему. Через минуту все, включая Клариссу, подпевали: выбери меня, выбери меня, птичка счастья завтрашнего дня!

— Ну, тебе повезло, — заявила Кларисса, остановившись в дверях кухни, где Марина мыла потом посуду. — Я думала, сейчас начнется. Покажет тебе Пал Палыч, как романы крутить. А он какой... демократичный.

— Он понимающий, — уточнила Марина. — Я один раз слышала, как он кому-то говорил, что родители должны быть для своих детей адвокатами, а не прокурорами. Потому что обвинителей и так навалом. Так он же и по профессии адвокат... А тебя твоя мать тоже вроде не пилит.

— Еще бы она меня пилила! — неожиданно взорвалась Кларисса. — Тут хоть свет перевернись, а она будет сидеть в своем углу и думать о чем угодно, кроме меня! — И, так же неожиданно остановившись, задала непоследовательный вопрос: — А как зовут твою мать?

— Как меня.

— А-а... Марины и Павлики должны жить в веках, — криво усмехнулась Кларисса. — А кстати, куда она делась?

Она что, с вами не живет?

— Она умерла, когда родился Павлик. Врачи запрещали ей иметь второго ребенка, но она очень любила папу и очень хотела родить ему сына.

Кларисса промолчала, Марина оглянулась, тогда она окрысилась:

— Чего уставилась? А у меня нет красивых семейных легенд!

Вошел Павлик, неся из комнаты тарелки. Услышал последнюю фразу.

— А у нас есть легенда про вазу!

Пал Палыч был мастер на уникальные покупки. Однажды он приобрел небольшой бюстик деятеля, которого невозможно было опознать. И домочадцы, и гости высказывали разные предположения. Марина с Артуром даже перерыли в поисках несколько энциклопедических томов. Сдавшись, решили, что это писатель, назвали его НЛЮ — неопознанный литературный объект — и приспособились колоть им орехи.

Но для чудовищно безвкусной вазы, также купленной однажды Пал Палычем, применения никак не находилось. Выставлять ее в комнате было нельзя, хранить в ней на худой конец крупу — невозможно из-за узкого горлышка. Тогда Марина потихоньку отнесла ее в магазинчик Грачевых — а вдруг кому приглянется. Через пару дней Пал Палыч появляется сияющий, с вазой в руках: «Представляете, точно такая же ваза! В магазинчике у базара! Я купил ее для симметрии!»

Конечно, безвыходных ситуаций не бывает, и дважды купленную вазу можно было бы нечаянно разбить, но ее сохранили в качестве экспоната для гостей, так же, как и бюстик-щелкунчик.

Я хотел бы стать рыбой

НИК застал их очень расстроенными. Марина и Павлик сидели на корточках у крыльца своего дома, одинаково свесив кудрявые светлые головы и подняв на него одинаковые серые глаза.

— Ты посмотри, что она наделала!

Перед ними было жалкое адамово деревце с ободранными ветками.

— Оно зацвело, ты представляешь, оно зацвело! Я думала, что только на следующий год, а оно... А она...

Единственный сохранившийся цветок беззащитно и доверчиво показывал свои лепестки, голубые, с фиолетовым оттенком у основания и нежно-сиреневым — в глубине чашечки. Никто не сомневался, что злодеяние было делом рук Клариссы.

— А где она? — задал Ник резонный вопрос.

— Умотала куда-то, — вздохнул Павлик.

Ник мельком взглянул в открытую дверь дома, за которой угадывались очертания мягких кресел и дивана, большого телевизора, круглого стола с краешком вазы — ее мира, в который его никогда не приглашали. Он, правда, вряд ли хотел бы попасть в общество дотошной нянюшки, ироничного отца и их непонятной гостьи. Но, еще будучи чужаком-наблюдателем, Ник не раз видел, как в Странный Дом запросто вразвалочку заходят и этот стриженный ежик, и дерганый чудик с оленьими глазами, и прилизанный тихоня из магазинчика — как к себе домой. Конечно, они — друзья детства, что тут говорить.

— А давайте, — жизнерадостно предложил Ник, — мороженое пойдём есть. Дерево жалко, конечно, но оно же не совсем погублено. Гляди, вот здесь и здесь еще бутоны набираются. Давайте его польем, и вперед.

Они дошли до центра и расположились с мороженым на краю пересохшего фонтана. Ник управился первым

и пересел в середину сооружения, на постамент с большой каменной рыбой, из пасти которой должны бить освежающие водяные струи. Точнее — на рыбий хвост. Он занялся важным делом: надувал разноцветные шарики, вкладывая их один в другой. Павлик лизал эскимо и не сводил глаз — что получится?

— Эта рыба в детстве производила на меня потрясающее впечатление, — рассказывал Ник. — Я мимо нее каждый день в школу ходил. И в сочинении на тему «кем быть» во втором классе... или в третьем... написал: я хотел бы стать рыбой. Нет, серьезно. Там требовалось рассуждать, я и рассуждал: я понимаю, что маленькую рыбу съест большая, большую поймают люди, но меня не страшат эти трудности...

Павлик смеялся:

— А учительница?

— А я же всё по плану, как она сказала. Дальше шло обоснование выбора, примерно так: рыб напрасно считают глупыми, ведь они под водой видят то, что мало кто видит. Я бы опустился на предельную глубину и увидел то, чего не видит никто. И постарался бы понять то, чего никто не понимает. Я пережил бы все бури и штормы, побывал во всех морях, и на собственной чешуе ощутил, что земля — круглая. А когда я приплыву к последнему морю, то поднимусь на самую высокую волну и посмотрю на золотой шар солнца. И пусть меня тогда съедят.

— А мне понравилось, — серьезно заключил Павлик, перебираясь в фонтан к Нику. — Хорошее сочинение. И я с тобой поплыву.

— Да нет, мораль другая: пойдешь в школу — не пиши про рыб. Мария Леонидовна маму вызывала. Наверное, советовала кому-нибудь меня показать.

— И показывали? — осведомилась Марина.

— Да нет, видимо, никто не согласился. Так что лучше придумать заранее безопасную версию, кем быть.

— Начальником, как папа, — без заминки придумал

Павлик. — Мне его «опель» нравится.

Тут каменная рыба заклокотала, забулькала, плюнула — и выпустила пробную струю воды, потом еще одну.

— Фонтан включили! — одновременно закричали все.

Заработали маленькие фонтанчики по окружности, в центре вода уже была роскошно и вольно, в водяной пыли родилась радуга, а каменная чаша начала наполняться, поднимая на поверхность, как лодочки, прошлогодние сухие листья. Ник и Павлик, мокрые, выбрались, встряхиваясь и хохоча.

— Приплыли! — приветствовала их Марина. — Что вы там своей чешуей ощущаете?

— Что Павлик зря не взял свои подводные очки! Они быгодились! У тебя не найдется ниточки?

Несмотря на катаклизм, Ник держал невредимым результат своих вдохновенных усилий — огромный шар с другими, поменьше, заключенными внутри. Марина пожертвовала, чтобы завязать его, свою резинку для волос.

— А у кого-нибудь есть фломастер? Мы бы ему рожу нарисовали!

Перебрасываясь шаром, они вышли на солнце, чтобы обсушить промокших.

— Ба! Вот это встреча! — Перед ними стояли Кларисса и Макс. Ник дернулся в сторону, но спастись было уже невозможно. Навстречу им сияла свободная ленивая Максина улыбка.

— Почему вы ото всех скрываетесь? — спрашивал он Марину, в упор глядя на нее неотразимым, как он сам считал, взглядом. — Все знают, что это дикарь, — Макс указал на Ника, — но с тех пор, как он скоростнолюбиво влюбился, мы забыли, как он выглядит...

Он продолжал говорить, Марина вежливо слушала, Ник и Кларисса нервничали: драгоценные минуты бессовестно убивались идиотской болтовней. Синее платье и рыжие волосы Клариссы были украшены нежно-голубыми цветами. Марина подчеркнуто не глядела на нее, не опускаясь

до склок при посторонних, но бескомпромиссный Павлик выступил вперед и испортил светскую беседу:

— Ты, дура! Ты зачем цветы сорвала! На это дерево должна была прилететь птица Феникс! Она приносит счастье!

— Чёрта с два она прилетит, — успокоила его Кларисса и повернулась к Марине: — Вот видишь, до чего ты его довела своими сказочками. Он же вырастет такой же чокнутый, как ты!

— Сейчас я разберусь, кто тут чокнутый. — Угрожающе шелестя новым платьем с золотыми зигзагами, блестящим, как фольга, надвигалась Жанна.

Кларисса скривилась:

— И откуда тебя принесло?

— Шла тут мимо.

— Да лучше бы другой дорогой.

— Девочки, девочки, — вмешался Максим. — Давайте жить дружно.

— Дружно разойдемся в разные стороны, — уточнил Ник.

— Ну нет, — решительно заявил Макс, — никуда я вас не отпущу. Ник, надо угостить девчонок. Вот кондитерская рядом. Сладкое — лучшее средство от стресса.

— Да мы собирались... Может, не надо... — начала Марина, но Макс с напускной свирепостью топнул:

— Надо! — и, взяв ее под руку, быстро зашагал в сторону «Забавушки», продолжая высказывать: — Что, так и будем ругаться, нелюдимиться? Говорю же — давайте жить дружно!

Жанна, Кларисса, Ник и Павлик, угрюмые, по одиночке двинулись за ними.

Оставайся с нами!

— И ЗАЧЕМ вы с ним потащились? — сказала Жанна Нику, останавливаясь на перекрестке. — Мне дальше в ту сторону. Дела. А вы вряд ли развеселитесь в этой компании. Да, скажи Марине, пусть позвонит Рафаэлю, он какое-то письмо получил из журнала. — И зашагала, не простившись с остальными — Макс утащил Марину уже далеко, они заходили в «Забавушку».

Он с вежливой назойливостью спрашивал, что заказать, а Марина, с тоской думая, что вот испорчен день, вяло отвечала что-то. Она оскорбляла Макса своим равнодушием. Раздраженный, он огрызнулся на подошедшую Клариссу и предложил Нику пойти в тир, который был в соседнем зале. Тот оживился.

— Мне, пожалуйста, торт, — раздался звонкий голос у прилавка.

Марина оглянулась. На мгновение показалось, что всё это уже было — и к этому ощущению примешивалось странное беспокойство. Объяснение находилось где-то рядом, в этих стенах. Она переводила взгляд. Солнечный свет с улицы... витрина... торт... торт... стеклянная дверь. Вдруг прямо перед собой она увидела Макса, по-новому в него взгляделась. Тот готовно улыбнулся, но ее взгляд был жутким и проходил сквозь него. Улыбка поползла на сторону. Он медленно повернулся. Оба смотрели на болтающуюся стеклянную дверь.

Если Марина узнала его, то он обо всём догадался — догадался необъяснимым образом, так как не обернулся тогда к девчонке, попросившей купить торт, чтобы не показать лица — два месяца назад, в этой кондитерской.

— Ну, мы идем или не идем? — Нику не терпелось попасть в тир.

Кларисса их опередила и уже во что-то целилась.

Марина не знала, что делать: заявить во всеуслышание,

что это — вор, укравший ее деньги? Вот у Жанки всегда выскакивают готовые решения.

— А где Жанна? — спросила Марина, подходя.

— Она с нами не пошла, — отозвался Ник, расплачиваясь и цепко глядя на мишени. — Дела какие-то.

— А что же ты про Рафаэля не скажешь? — поддела Кларисса. — Она же просила передать. — И без паузы продолжила: — Ему какое-то письмо пришло из журнала. Поди, опять отлуп. Наверно, вешаться собрался. Просил позвонить — прощаться хочет.

Марина пристально поглядела на нее — врет или не врет — и сунула руку в карман за мобильником. Пусто. Остался дома. Всё из-за этой Клариссы! Ладно, здесь, в кафе, есть таксофон. Вот, как раз жетон заваялся среди мелочи.

— Ты куда? — крикнул вдогонку Ник, уже сделавший первый выстрел, и Кларисса тут же объяснила:

— У Рафаэля проблемы, не понял, что ли? А ты подождешь.

Макс почувствовал, что сгустившиеся было тучи расходятся, причем сами собой. Надо их только легонько направить.

— Ты воображал, что центральная фигура, а на самом деле — последний на скамейке запасных. А я говорил...

— Пришел стрелять — стреляй, — был ответ.

— Да я-то стреляю...

— Она сейчас к нему еще и побегит, вот увидишь, — вставила Кларисса. — Этот размазня всегда был любимчиком.

Ей ответа не было. Ник промолчал. Стрелять ему расхотелось.

— Спорим на сколько хочешь? — не унимался Максим.

Марина подошла расстроенная.

— Не дозвонилась, — тихо сказала она Нику. — Знаешь, пойдём уже отсюда.

— А что? — Ник непонятно глядел на нее.

— Пойдем, по дороге расскажу. Это важно. И к Рафаэлю надо зайти, вдруг что случилось.

— А я на улице подожду? На скамейке? — Ник глядел еще непонятнее.

Кларисса и Макс пересмеивались.

— Не уходи, Мариночка, оставайся с нами! — весело выкрикнул Макс.

Он смеет еще рот разевать, про себя удивилась Марина и еще раз повторила:

— Пойдем.

— К Рафаэлю, — утвердительно спросил Ник.

— Да я на минуту забегу, только узнать, в чем дело. Понимаешь, ему столько раз обидные бумажки приходили из разных журналов. Если опять, он правда повесится. Я только узнаю. А по дороге...

— А ты потом, дома не можешь ему позвонить? — сказал Ник каким-то очень уж сдержанным голосом.

— Ты пострелять, что ли, хочешь? — не понимала Марина. — Тогда оставайся, а я туда и обратно. Подожди меня здесь.

Взгляд у Ника совсем остановился. Кларисса и Макс хохотали всё громче, но Марина не смотрела на них.

— Оставайся. Потом позвонишь.

— Ну, это у нас лыко-мочало. Ладно, будь здесь, а я быстро. Павлик, ты со мной?

— С тобой, — быстро сказал Павлик, прижимая к себе свой фантастический шар. Он испуганно переводил взгляд с лица сестры на лицо Ника, не понимая, что происходит.

Ник подавленно молчал. Макс ликовал. Кларисса смотрела Марине вслед, смутно желая, чтобы Рафаэлю действительно прислали отлуп.

Загадка снежного человека

— НУ, ЧТО они написали?

— А ты погляди! — Рафаэль торжественно подал толстый конверт.

Марина вынула из него книжку — «Загадка снежного человека», повертела в руках, вопросительно поглядела на Рафаэля.

— Это приз... Да ты письмо, письмо почитай!

Марина развернула листок, вложенный в книжку. «Привет, „самый-самый“! Очень здорово, что ты решил поучаствовать в не самом простом конкурсе, потому он и назван „для самых-самых“. С огромным удовольствием мы, сотрудники издательства, читали твою историю. Ты не стал абсолютным победителем, но не отчаивайся. Конкурс продолжается!!! Как и обещали, мы награждаем тебя одной из книг захватывающей, полной тайн, загадок и удивительных превращений серии „Ужасики“... Итак — вперед, к вершинам литературного Олимпа!!!!!»

— Победа! — прыгал Рафаэль, не замечая, что подружка что-то совсем не реагирует на событие, радостное для обоих. — И это еще не всё! До наших жирафов тоже дошло!

Он протянул листок местной газеты. Марина торопливо пробежала глазами строчки, на которые указывал палец.

На бледной шее Млечного Пути

Висит луна янтарным медальоном.

Актриса-ночь со звездным перезвоном

В старинном танце над землей летит.

— Что такое? Тебя напечатали?! В «Вестях»?

— Ага, — подтвердил Рафаэль, улыбаясь от уха до уха.

Тут вошла тетя Нателла и расплылась в медовой улыбке:

— Кто к нам пришё-ёл! А у нас такая радость! Давайте

попьем чаю, я как раз принесла торт из «Забавушки»!

— Спасибо, всё очень здорово, но чай — в другой раз. Мне надо бежать!

Во всём этом было что-то не то. С неприятным предчувствием Марина вернулась в кондитерскую и, никого не увидев, помчалась домой. Там оказалась Кларисса, и, когда Марина подступила к ней с расспросами, та рассмеялась в лицо:

— Да мы же поспорили, что ты побежишь к своему Рафаэлю! Ты и побежала, как дура. Твой парень убедился, что тебе на него наплевать.

— Врешь, — повторяла Марина, всё более убеждаясь, что Кларисса не врет, но не в силах представить своего Ника в кругу глумящихся негодяев. Она даже трясла головой, чтобы избавиться от этих мыслей, которые не умещались в сознании. Ревность ко всем ее друзьям вместе и к Рафаэлю в отдельности — это было еще понятно, но участие в розыгрыше? Ник, дергающий ее, как куклу, за веревочки вместе с остальными? Вместе с ними смеющийся?

Издвательский хохот Клариссы уже не мог пробиться сквозь обиду, затопившую душу, как наводнение. И обида всё увеличивалась, чем дольше Марина сидела в своей комнате, неподвижно, не слыша ни обычного домашнего шума, ни телефонных звонков.

Она так и задремала в кресле с приходом темноты, как вдруг услышала голос с улицы. Ее звали по имени. Приснилось? Она долго ждала. Закрыла глаза. Голос повторился.

Марина включила свет и подошла к окну, но ничего не увидела — только светлое пятно отраженной комнаты и собственное лицо. Напрягая глаза, с трудом различила деревья, темную ограду, но тут же собственное отражение снова заслонило от нее всё. Она могла видеть только себя и думать только о себе.

Не дали фильм посмотреть

ГОРОД был вычищен, выметен, даже воздух казался освеженным. В парке белые листы предупреждали о покрашенных скамейках. Это шла подготовка к Дню города.

Но самым замечательным были, конечно, флаги. Все улицы, начиная с окраин, были ими украшены. Большие, строгие государственные флаги висели в центре по законам симметрии, и их полотнища благородно шевелились под ветром. Но чем ближе к окраинам, тем меньше становилось симметрии и больше флагов. Казалось, пестрый вихрь пронесся по улицам, оставив их после себя на крышах, воротах, окнах, фонарных столбах — везде. Невиданными птицами взлетели они и на деревья. Большие и маленькие, обычной формы и в виде треугольников, широкие и узкие, длинные, с двумя языками и даже с тремя — каких только не было. Одноцветные, двухцветные, пестрые, полосатые, с изображением солнца, с пучками ленточек, с узорчатой каймой.

Петровна, наблюдая, как к фонарному столбу напротив ее дома прикрепляют два веселых флажка: один — с солнцем, другой — со звездочкой — переговаривалась с Дорой, поливающей свои грядки:

— Видала, Грачевы тоже на свой магазин флажок повесили. Украсились. А он дырявый... А Глебовна краску купила калитку покрасить, только она такая, что сразу облезет, я знаю. Вот дождь пойдет... А Медведева и не видать. Совсем замотался мужик.

— Еще бы — чего это его девчонка мрачнее тучи ходит? — подала голос Глебовна. — На себя не похожа совсем, все говорят. А краска моя врешь, что плохая!

— Чего-чего? — Дора без дальнейших слов заспешила к дому Медведевых.

— Глади не споткнись, — сказала Глебовна.
Медведевы собирались ужинать.

— Как хотите, Пал Палыч, а надо что-то делать. — Брови Доры были непривычно сдвинуты, а круглые вишневые глазки моргали растерянно. — Который день сидит, ни с кем не разговаривает, к ребятишкам своим даже не выходит — потопчутся и уйдут. Иногда встанет, пойдет куда-то. Я проследила — у озера на диком пляже сядет и так же сидит. Что такое? Говоришь с ней — не слышит. Глаза-то провалились как — и не достанешь! Не ест ничего! И сегодня, как закрылась у себя после школы — часы уж кругом обошли. Сделайте что-нибудь!

— Примерно этого я и боялся — что любовь восьмого класса не доживет до девятого, — серьезно ответил Пал Палыч. — Павлик, включай, «Звездный путь» начинается. И зови Марину.

— Марин! — на весь дом закричал Павлик. — Пойдем, уже бороздят!

И за руку вытащил сестру к телевизору, в котором торжественно произносили: «Корабль „Энтерпрайз“ бороздит просторы Вселенной. Девиз команды: смело идти туда, где не ступала нога человека!». Это был их любимый сериал, который повторяли по одному из дециметровых каналов, и который просто нельзя было не посмотреть.

Марина автоматически села на диван, глядя мимо экрана. Но сегодня в комнате было нечто непривычное, на что не обратить внимания было невозможно: Ева вылезла из своего угла и смотрела телевизор вместе со всеми. Более того — за происходящим на экране она следила с видимым интересом. Ева уже не в «колодце»! Зато она, Марина, кажется, стала ее подобием. Окончательно вывел ее из оцепенения вопрос отца:

— А ты не носишь своего куриного бога?

— Нет, — коротко ответила Марина.

Дора отлучилась на кухню, и Пал Палыч, наклонившись, негромко сообщил:

— Представляешь, что наша Доротея выбрала себе в подарок? У нее же день рождения в субботу. Попросила

ничего не покупать, а отдать ей вазу, ту самую! Которой мы гостей смешим. Неужели она ей нравится?

Марина покачала головой:

— Это потому что ты ее купил.

— А я думал, она будет ей символизировать наше веселое семейство. — При слове «веселое» Пал Палыч помахал ладонью у виска.

— Не притворяйся. Ты думал то же, что и я. И куриный бог, невыкинутый, лежит в шкатулке. Дора тоже себе вазу на шею не повесит.

— Ну-ну. А твой мальчик вчера приходил. Павлик, реклама — выключи звук.

Павлик выключил, но тут же принялся озвучивать сам:

— В компании с Толстяком время летит незаметно! Почувствуй себя богиней! Храбрость ковбоев Хаггис известна всем! Знак хорошего вкуса и традиций пример — высший сорт чая «Липтон» всегда под руко-ой! «Нескафе» — аромат моего утра!

Марина почувствовала, что сейчас его чем-нибудь треснет.

— Ну, это неинтересно, наверное, — заговорил наконец Пал Палыч. — Когда решаешь с кем-то раззнакомиться, не подходишь к телефону, делаешь вид, что никого не видишь под окнами, то лучше и не слышать ничего, — заключил он. Потом добавил: — Если уже всё равно.

— Зачем приходил?

Фильм продолжался, Марина отняла у Павлика пульт и уменьшила громкость.

Но Пал Палыч пошел на кухню, где свистел чайник. Вернулся:

— Тебе налить? А тебе, Ева? А тебе, Павлик? Дора?

— Когда приходил? — Марина отодвинула и чашку, и чайник.

Пал Палыч был краток.

— Вчера. Тебя не было, я предложил подождать в твоей комнате. Он посидел полчаса и ушел.

Марина зажмурилась и уткнулась лицом в поднятые колени. Представила Ника у себя в гостях, куда она его так и не пригласила. Вот он набрался храбрости и звонит в дом. Вот он лицом к лицу с папой. Вот он в ее комнате, каждую секунду ожидает, что она войдет и скажет что-нибудь злое или сразу выгонит. Смотрит на ее пианино, игрушечного льва, разбросанные на подоконнике журналы и книги, на картину с дорогой никуда...

Он сидит или просто прислонился к чему-нибудь? Жанна любит сидеть на подоконнике, Рафаэль — в кресле, Артур — в том углу, Рудик — просто на ковре. У всех ее друзей здесь есть свои места. А у него нет. Но ведь они так недавно знакомы! А как он здесь мог себя почувствовать? Опять это слово. Скорее всего, чужим. Но ведь это неправда! Просто она не успела... А теперь всё испорчено.

— Мы еще в шахматы сыграли, — добавил Пал Палыч.

Марина встрепелась:

— Что?

— Ну, ты не идешь, где-то у озера тоску разгоняешь, а мне что делать с этим пришельцем? Начал развлекать. Он очень достойно держался. Ну, я потом доскажу, а то мы никому смотреть не даем.

«Развлечения» Пал Палыча всегда были головоломными типа неопознанной скульптуры. Шахматы тоже были больше, чем просто шахматы. Они сохранились еще со времен его детства, и, естественно, некоторые фигурки давным-давно потерялись. Их обычно заменяли пуговицами, пока однажды Павлик не предложил великодушно своего львенка из киндерсюрприза. Вместо слона. Но ведь лев и слон, рассудили Пал Палыч с Мариной, фигуры совершенно разные. Нелепо, чтобы лев ходил, как слон. Логично, что он разгоняется и прыгает через всю доску. А какая динамика в игре!

С легкой руки малыша заменили киндерами и остальные пуговицы, в основном пешки. Так в игре появились дракоша, пингвин, акула, кролик и бегемот. Со своими

правилами, конечно. Традиционные игроки их с трудом воспринимали. Даже дядя Алик, в молодости шахматист-разрядник, запутался и плюнул: «Ну вас, понимаете ли, с вашими шахматами». Хотя по новым правилам рядом с доской стояла коробка с другими киндерами, и он мог выбрать любую фигурку и прибавить что-то свое.

Опять началась реклама, и Пал Палыч продолжал:

— Он очень достойно держался. Знаешь, о человеке за час игры можно узнать больше, чем за год беседы. Какой-то писатель сказал. Наверное, наш НЛО. Так вот, он радовался, когда выигрывал и не переживал, когда проигрывал. Не жульничал. Не выходил из себя, когда жульничал я. Ходы обдумывал, не горячился, но и не тянул. И самое главное — он может играть по нашим правилам! Всё понял сразу, представляешь. Это редкость. Я оценил.

— Да он просто себя контролировал, потому что сидел, как на горячей сковороде, бедняга, — заметила Ева.

— А я как сидел? — возразил Пал Палыч. — У меня одна дочь, а не десять. И потом, твой Алик ничего не понял про наших зайцев и акул. Тут не в этом дело...

— А он похож на Лену? — снова подала голос Ева. — Жаль, я не выглянула посмотреть.

— Одно лицо. И ее глазами смотрит.

— Надо же. У тебя в семье симпатии передаются по наследству.

В другое время Марина бы во все глаза глядела на говорящую Еву. Сейчас она ее не замечала и напряженно ждала, не скажет ли отец еще что-нибудь. Он сказал:

— Еще о лягушке. Я предложил ему Павликову коробку, и он ввел в игру лягушку. Сейчас покажу, как прыгает. Где доска? Вот, «ныряет» по диагонали, пропускает эти фигуры под собой и «выныривает». Сбила пешку. Представляешь, какие возможности? Можно делать такие обходные маневры... Ага, вижу, вижу, что интересно!

Ева и Дора смеялись, глядя на них. Но даже смеющаяся Ева была ничем в сравнении с лягушкой Ника.

— Да, эту игру века надо было снять скрытой камерой. А потом он ушел, — неожиданно завершил Пал Палыч.

Марина с надеждой взглянула на него: а может, еще не всё?

— Не дали фильм посмотреть, разболтались тут, — проворчал Павлик.

— У калитки кто-то стоит, — глядя в окно, сообщила Ева.

Марину словно сдуло с дивана.

А я к тебе

У КАЛИТКИ стоял Макс. Кларисса не своим голосом говорила ему с крыльца:

— Чего надо?

— Не тебя, — зло отвечал он.

— Катись из моего дома.

— А он не твой. Думала, я не узнаю, кто ты? Дочь сумасшедшей Евы! Наболтала о себе!

Кларисса вспыхнула, круто повернулась и чуть не сбила Марину с ног, убегая в дом.

— Это мой дом, — сказала Марина, выходя. — И он — не сцена, найди другое место для трагедий.

Но Макс уже сиял своей обычной улыбкой.

— Какие трагедии! Просто не люблю, когда лапшу на уши...

Марина молча повернулась к двери.

— Погоди! Я хотел сказать... Может, ты удивишься, но я к тебе. Пойдем погуляем? Погода хорошая.

Марина смотрела на него, не находя слов и думая, что выражение «немая сцена» — как раз про это.

— А почему нет? — невозмутимо продолжал Макс. — Не дожидаясь же ты Николу. Вот кто находка: чувство юмора на нуле, рвнует к каждому столбу. Сплошное раз-

влечение. Или он тебе еще не надоел после «Забавушки»?

— Что, всё сказал?

— Ну конечно, — с благодушием, с домашним спокойствием на лице отозвался Макс.

Он искренне уверовал, что все со всеми поссорились, разоблачения не будет никогда, и почему бы не попробовать поковать железо, тем более что эта блондиночка с самого начала больше подходила ему, чем этому лоху Нику. А про деньги можно наплести что-нибудь, заговорить зубы. Уж это у него всегда получалось.

— Тогда вали отсюда.

Макс застыл в замешательстве. А на улице послышались свист, хохот.

— Так его! А ну, спусти его с крыльца!

Это был Рудик Фольц с дружками.

— Навешать ему? — крикнул он.

Марина пожалала плечами.

— Чужак на Зеленой улице, уже в дома залезает, а они трусцой бегают вокруг и плачут: что же делать.

В ответ послышался воинственный рев. Максим повернулся к Марине, но наткнулся на такой взгляд, что сразу понял: это не шутка и не розыгрыш. Раньше в таких случаях его всегда выручал Ник, и Максим пожалел обо всем — от злополучных двух сотен до сегодняшнего дурацкого визита. Но дороги назад не было. И он пошагал навстречу верной гибели.

Подыщи другую школу

КЛАССНЫЙ час проходил буднично и монотонно. Рахиль Исаковна начала диктовать расписание экзаменов — для тех, кто собирался на следующий год в профильные классы, учебный год еще не кончился. В этот момент скрипнула дверь. На пороге стояла Кларисса.

— Можно войти?

Рахиль Исаковна выдержала паузу.

— А я еще подумаю, можно или нельзя.

Класс отложил ручки и поднял головы. Кларисса безмолвно стояла в дверях.

— Если школа для тебя — дело второстепенное, а на первом месте — романы с мальчиками, зачем вообще сюда приходить? — риторический вопрос прозвучал едко и отчетливо.

По классу пронесся удивленный шепот, и теперь уже все без исключения смотрели на опальную любимицу Рахили, причем многие не без злорадства. А Рахиль Исаковна, добившись внимания аудитории, продолжала публичную порку:

— Похоже, ты уже научилась всему, что тебя интересовало. И сфера этих интересов так расширилась, что теперь вместо уроков приходится посещать гинеколога! Что, когда у одноклассников в расписании — экзамены, у тебя — покупка коляски?

Этот торжественный аккорд сопровождался тревожным, неразборчивым гулом голосов. Марина зажала уши, но всё равно слышала продолжение:

— Значит, путь в жизни уже выбран — решила пойти по стопам матери!

— Прекратите! — следующее, что услышала Марина, был этот, ее собственный голос. — Не смейте!

Повисла испуганная тишина. Не глядя на Марину, Рахиль Исаковна сухо проговорила Клариссе, всё стоящей на том же месте, как истукан:

— Подыщи себе, голубушка, другую школу. Здесь тебе больше делать нечего. — И, когда та, медленно отлепив ноги, наконец исчезла, повернулась к Медведевой: — И к тебе это тоже относится. Можешь отправляться вслед за ней. Ты прекрасно знаешь, что материалов на твоё исключение собрано предостаточно. Я терпела тебя только из уважения к отцу. Но всему есть предел. К экзаменам

можешь не готовиться, потому что сдавать их здесь ты не будешь.

Марина выходила под гробовое молчание одноклассников. Вместо того чтобы направиться к выходу, зачем-то поднялась на третий этаж. Присела на подоконник. «Ушла, как овца. Ничего не ответила. Хотя по большому счету стоило сказать всё, что я — и все остальные — о ней думают!»

Марина вскочила. Еще не поздно! Где сейчас может быть Рахиль? Звонок уже был — значит, в учительской. И она быстро зашагала туда. Но, берясь за ручку двери, услышала гневный монолог, в котором то и дело звучало ее имя. Рахиль Исаковна, захлебываясь, говорила, какое чудовище эта Медведева. И это был не набор фраз, а сплошная ликующая враждебность. Наконец монолог окончился, послышалось деликатное покашливание, и старческий голос произнес:

— Простите... но мне кажется, что Медведева не такая уж плохая... я бы сказал, хорошая, добрая и способная девочка...

Гневная грозная отповедь смела последние слова. Но когда всё стихло, тот же голос продолжил:

— И я возражаю против ее исключения.

Ох, Макакус, Макакус! Марина схватилась за голову. Сейчас она никак не могла помочь ему. На этот раз гром не умолкал дольше. Но во время паузы тихий голос встал:

— И все-таки я возражаю...

Господи, молчал бы лучше! Марина была в отчаянии, словно за дверью били человека, а она не могла даже позвать на помощь.

— Как вы можете возражать? Вы уже давно ничего не можете! Как это ни печально, вам придется с этим согласиться! Мы держим вас, потому что не можем пока заменить! Как педагог вы давно нуль, признайте это! Вы не справляетесь с детьми! Вас никто не принимает всерьез, не слушает, не уважает! И ваша учительская деятельность

непременно закончится тем, что какой-нибудь Фольц сядет вам верхом на голову и проедет с воплями по всем этажам!

У Марины тихо кружилась голова и наплывала давняя мысль: можно ли хоть что-то изменить? Но тут в противовес ей встала новая: а можно ли всё так оставить? Она бросилась назад, в свой класс.

Дверь была закрыта изнутри, и когда там вытащили швабру, услышав голос Марины, она увидела не только своих друзей, а весь класс. Никто не уходил на перемену. Но удивляться было некогда. Она торопливо пересказала всё услышанное. Прошел ропот.

— Сколько можно!

— Так она это всерьез? Не просто пугала?

— Так ведь она всех по одному...

— А ты найди на нее управу!

— А Макакус-то какой оказался...

— А что же делать?

— Только не превращайте серьезное дело в детскую войну!

...На уроке истории стояла неслыханная тишина. От этой тишины голос у Макакуса срывался, он, ничего не понимая, озирался по сторонам и чувствовал себя в высшей степени неуютно. Никто не разговаривал, никто не смеялся. Никто не ходил по классу. Никто ничем не грохотал. Никто не списывал, не читал посторонних книг и даже не глядел в окно — все тридцать лиц были повернуты в его сторону. Кто-то назвал его по имени-отчеству — Иван Платоныч. В глазах учеников была признательность за его героический поступок и старательно скрываемое чувство старой вины.

Но Макакус этого не знал. С тревогой он ждал подвоха. Не переставая говорить, поднялся на кафедру, взял в руки указку — уж это-то всегда смешило поголовно всех. Макакус ждал. Никто не смеялся. Он постоял еще. Смеха не было. Все слушали его объяснения. Все, и на последних

партах тоже, и даже Рудик Фольц — все *слушали*. Макакус почувствовал, что не может говорить. Взгляд его привычно устремился к последней парте у окна — и тут же упал. Марины Медведевой не было.

...Рахиль Исаковну окружил в учительской весь восьмой класс.

— Дайте пройти, у меня начинается урок.

Но стадо не двинулось с места.

— Нет уж, поговорим, — угрюмо сказал Фольц, вставая у двери, и Рахиль Исаковна с удивлением осознала, что, кажется, действительно не сможет выйти. Бунт? Впереди, разумеется, стоят Грачев и Лончинская, и она наперед знает, что они скажут. Но услышала неожиданное:

— И мы не будем сдавать экзамены. Весь наш класс. Если Медведевой запрещают, и мы отказываемся.

Скандал? Рахиль Исаковна сориентировалась мгновенно.

— Медведеву никто не выгонял. Ваш класс будет сдавать экзамены в полном составе. Она ввела вас в заблуждение и напрасно заставила продемонстрировать... солидарность.

Последнее слово прозвучало с издевкой, но в этот момент кто-то прокричал из-за двери:

— У Макакуса сердце! За ним «скорая» приехала!

Одни бросились к дверям, другие к окнам.

Мы были беспокоящими гостями

НАД Станным Домом сияло два солнца — одно на флажке, другое настоящее. А из окон несло:

*До свиданья, мой любимый город,
Я уже попала в хроники твои!*

Дома Марина увидела Клариссу, удивительно спокойную. Правда, лисья мордочка была немного заревана. Под громогласное пение Земфиры она ходила по комнатам и кидала в раскрытую сумку подряд, без разбора: расческу, зубную щетку, тетрадки, белье.

— Победа, — весело сообщила Марина. — В школе мы остаемся и экзамены сдаем. Класс нас отстоял. Там такое было. Мы уже сходили в «Забавушку», отметили.

— Это тебя отстояли, — внесла коррективы Кларисса. — А на меня донесли.

Марина озадачилась.

— Не может быть! У нас никто, кроме... — она не закончила. — Знаешь, у Рахили ведь есть и другие источники информации. Про Макса и тебя она могла узнать откуда угодно, хоть на улице вас увидеть. Я же видела вас в розовой машине. А ты думала, если будешь ей пятки лизать, тебе никогда не достанется? Как же... погоди, а то, что она говорила...

— Ерунду она говорила, — отрезала Кларисса, кидая в свою сумку полотенце и тапочки. — Что я, дура? Скорее она коляску покатит, чем я.

— Ты что делаешь?

— Не видишь — барахло собираю. И диск мой, не забыть бы. Подарочек Пал Пальча. — Она вытащила диск, оборвав Земфиру на очередном «до свиданья». — Платье тебе как? Отдавать?

— Какое еще платье! Постой. Если ты из-за... Так я говорю, всё улажено. А Макса ты послала — и правильно сделала.

Марина растерянно смотрела, как в сумку летят солнечные очки, лак для ногтей и пачка фломастеров.

— Плевала я на эти экзамены! Не нужен мне никакой профильный класс, обойдусь. И без школы этой тоже. А Макс, сволочь невозможная, — слышала? — родословной моей недоволен. Не устраивает она его, прямо как Рахиль. Я для всех тут дочь сумасшедшей Евы! Так что хватит всех

этих выдумок.

Она рывком отодвинула журнальный столик, за которым все обои были в надписях с завитушками и росчерками: «Кларисса». Взяла синий маркер и жирно зачеркнула.

— Вот! Еще раз вам обои испорчу. И нет никакой Клариссы, есть просто Клара обыкновенная. Насочиняла... Да ты что думаешь, я из дома сбежать собралась? Мы уезжаем. В Москву. Нельзя же у вас навек поселиться. Дядя Алик маму к себе зовет, она от него письмо получила. Там для нее работа есть. Прямо сегодня и едем, Пал Палыч нас на станцию отвезет.

Не застегивая сумку, она перекинула ее через плечо и зашагала вниз по лестнице, громко распевая:

— До свиданья, мой любимый город!

Остановилась.

— Ну, пока. Ничего эпохального говорить не буду. А парень твой... В общем, это мы с Максом развлекались. Он не участвовал. Он всё всерьез, типа тебя.

И пошла в машину.

— Павлик, включи что-нибудь, — сказала Марина. — Тишина, как в морге.

— Вот эту, — выбрал Павлик. — Папе она приелась, зато Дора теперь ее ставит. И мне тоже нравится. Бабушка Алла.

*Позови меня с собой,
Я приду сквозь злые ночи!
Я отправлюсь за тобой,
Что бы путь мне ни пророчил...*

— Вот мы и уезжаем. — В дверях стояла Ева. — Мы были беспокойными гостями.

Марина не стала рассыпаться в любезных возражениях. Она только с удивлением подняла глаза: Еву было не узнать. Покрасилась, переменила прическу и стала своей полной противоположностью — ярко-рыжая, как Кларисса, броская, оживленно-общительная.

— Дом Павлика... Пал Палыча... очень похож на него самого. И вы все тоже... Его тут называют Странный Дом — так это они все странные. Мне кажется, что там, везде — перевернутый мир, и только здесь — настоящий. Это единственное место, где снова можно стать нормальным человеком... Снова захотеть жить. Наверное, кораблик помогает.

— Не всегда, — проронила Марина.

— Возьми на память. — Ева протянула ладонь.

Это был перстень, дымчатый топаз неправильной природной формы, оправленный в нетемнеющее серебро.

— Мне подарил его муж. — Для Евы это был неоспоримый довод, лучшее объяснение драгоценности подарка. — Он дарится на счастье. Пусть оно к тебе вернется.

— Что вы, не надо, спасибо. И говорят, дареное не дарят...

Марина, бессвязно бормоча, с суеверным ужасом отказывалась от перстня *сумасшедшей Евы*.

— Отдайте Клариссе, ей счастье нужней.

— Дарят, если очень хотят, — повторила Ева. — Возьми. Марина безропотно взяла.

— Павлик, я доеду с ними до станции. Провожу. Мне никто не звонил?

— Нет.

Цветные стеклышки круглого окна загорелись под лучами, блуждающими в ветках акаций.

*Я приду туда, где ты
Нарисуешь в небе солнце, —*

пел Странный Дом, исчезая за поворотом.

Вы все здесь?

ЭЛЕКТРИЧКА ушла. На обратном пути Марина рассказывала отцу про школу и бунт на корабле, а за окном машины пробегали решетка парка, витрина кондитерской, фонтан с рыбиной, открытая дверь магазинчика Грачевых. Потом разговор перешел на тему проводов.

— Сбылась мечта Алика, — сказал Пал Палыч, — к нему едет Ева. И вообще для него начинается полоса везения. Фольц наконец-то нашел этого книжника. — Марина перестала смотреть в окно и с тревогой ждала, что же дальше. — Представляешь, обыкновенный старичок, никто бы не подумал.

— А как милиция на него вышла, если он обыкновенный старичок? — быстро спросила Марина.

— Да на него раньше милиции одна компания вышла, тоже проявляет большой интерес. Вот тут и Фольцу есть чем заняться, потому что если он даст себя опередить, старинные книжечки поплывут прямехонько через границу. Уж больно хороши.

— А старичок?

— Ну, не знаю, в таких случаях по-разному бывает...

Едва автомобиль затормозил, Марина помчалась в дом, к телефону. Заметила, что всё еще сжимает в руке Евин перстень — но карманов нет, сунуть некуда: она до сих пор в школьной форме. Тут не до переодеваний. Набрала номер. В этот момент почему-то не думалось, что сказать, с чего начать и как это будет выглядеть. Ответил женский, наверняка мамин голос. Ника нет. Долго раздумывать было нельзя. Она побежала на озеро.

— Грозу обещали! — крикнул Павлик вдогонку.

Марина сразу увидела белую фуражку Лодочника в конце причала. Несмотря на штормовое предупреждение, всё озеро было усеяно прогулочными лодками и катамаранами, и желающих покататься не убавлялось.

Пытаясь обогнать беспечных пляжников, Марина перепрыгнула через две ступеньки, едва удержалась на ногах, схватилась за перила. Перстень выскочил из ладони и покотился далеко вперед. Она побежала за ним, уже потеряв из виду белую фуражку.

Развеселый дядечка вернул ей драгоценность, похваливаясь, как ловко ее поймал, на самом краю. Еще секунда — и перстень был бы в щупальцах осьминога, который живет в пещерке под причалом и, как полагается, устраивает осьминожий сад из всего блестящего: упавших бутылок, ярких камешков, оброненных перстней.

Марина машинально благодарила балагура, а сама глядела в раскрытую дверь маленькой деревянной кассы. Там стояли — удивительнее, чем если бы это был осьминог — Жанна и Ник. И еще доносились голоса Рудика, Артура и Рафаэля.

— Вы все здесь? — от неожиданности Марина переводила взгляд с одного на другого, не находя, что еще сказать.

— Теперь все. — В синих улыбающихся глазах Ника Марина увидела крошечную себя. — Жанна пришла предупредить. А ты тоже узнала?

— Да, папа только что сказал, когда мы Еву провожали.

— Вот где ты была, — деловито заговорила Жанна. — А мы к Фольцу зашли и там всё услышали. Военная тайна, конечно, но я же знаю, что Лодочник как-то связан с Ником. Тебя нет, пришлось самодеятельностью заниматься.

— Жанка, ты молодец!

— Еще бы. Мальчишек для храбрости взяла.

— А мы с Лодочником давно уже всё сюда перетащили, — понизил голос Ник. — Там, в его доме, ничего не осталось. Он и сам почувал неладное.

— Так теперь и здесь небезопасно, — заволновалась Марина.

— Я говорил. И насчет того, что ты тогда предлагала. Он

надумал. Поможешь связаться с музейщиком?

— Пойдем прямо сейчас, позвоним от меня дяде Алику.

— Никуда мы, кажется, не пойдем, — проворчала Жанна.

Ливень хлынул сразу. Туча вмиг накрыла город и озеро с пляжниками. В темноте стало холодно, на разные голоса завыл ветер. Закрутились педали катамаранов, замахали весла — публика панически возвращалась к берегу.

— Идите внутрь, — прокричал Ник, — а мы с мальчишками поможем Лодочнику.

Марина и Жанна спрятались в домике кассы. Сквозь окошко было видно, как ветер гонит тучи песка. Люди бегут, закрываясь газетами и руками, а вслед за ними катятся и летят по воздуху афиши, обертки от мороженого, бумажные стаканчики.

— Чему тут радоваться, — не понимала Жанна.

А Марина не могла удержать торжествующей улыбки. И гроза казалась продолжением праздника. В даль, где смешались вода и небо, уносились разноцветные шарики, следом летел сорванный с крыши пестрый флаг, весело помахивая уголком полотнища.

ЧАСТЬ II КВЕСТ

Тридцать первое августа

— ТЫ ЧТО — не перешла в гимназию? А почему?

— А что — должна?

Ник хлопал своими пушистыми ресницами — любой девице на зависть — и выглядел растерянным. А Марина перестала улыбаться. Как будто она обязана учиться там же, где и он! Как будто это само собой разумеется!

Звонок приятеля застал ее за покупкой тетрадок и ручек — завтра в школу, а они с папой и братиком час назад вернулись с юга, времени впритык, приходится метаться. Ник сразу нарисовался в магазине: тоже только что с самолета, и тоже с моря. Они, как обычно, приложили руку к руке, сравнивая загар — у кого круче, и Ник уже начал рассказывать про свою поездку. И вдруг всё испортил — сам себя перебил и спросил про эту несчастную гимназию.

Марина была так рада — и тому, что наконец увидела его после каникул, и тому, что он первым делом прибежал к ней, прямо с дорожным рюкзаком. А теперь как будто надо оправдываться! А она не будет. Осталась в старой школе — и осталась.

— Ну как... — растерялся гимназист. — Могла бы от своей Рахили избавиться.

То, что он не начал качать права, а вместо этого ляпнул про ее не слишком душевную классную руководительницу, Марину обезоружило.

— Я же там с первого класса, — напомнила она. — Не захотелось резко всё менять.

— А я думал, теперь каждый день будем видеться, прям с завтрашнего утра, — выдал-таки истину Ник. — Думал, раз ты тест сдала, то в мой класс попадешь. Я б тебе всё показал, нормально бы всё было. Наши с вашими — теперь

только мелкие пацаны дерутся, а старшие перемешались. К нам в десятые классы полгорода пришло.

Ну вот оно все-таки — качание прав: ты должна быть при мне, буду водить за руку, всё покажу, ото всех защи... тю... шу... Но вслух Марина сказала:

— Мы и так видимся. Как будто нам школы мешали!

И правда, весь девятый класс они не разлучались, только на каникулы, когда Ник отправлялся в разные свои путешествия. Он согласно кивнул — выходит, ничего не меняется. И тут же вскинул ресницы:

— А эти твои... тоже остались?

По местам!

ДЕСЯТИКЛАССНИКИ уселись, кто с кем хотел, решив, что им уже можно и что старших не посмеют принудительно рассаживать. Марина оказалась втроем с Рафаэлем и Рудиком, которые подсели к ней одновременно с разных сторон. Вокруг захихикали и заржали, мальчишки тоже смеялись, Марина спросила их, а где же Артур, — и тут вошла классная руководительница.

Иронично оглядев учеников, Рахиль Исаковна поздоровалась с каждым персонально и даже помянула отсутствующих:

— Лончинская и Грачев устремились навстречу лучшей — как им кажется — жизни. Одна — в столицу, другой — в гимназию. Забыв, гм... что не место красит человека. И что *здесь* Грачев мог твердо рассчитывать на золотую медаль, а *там* перестанет быть первым парнем на деревне.

Перевела взгляд на Марину:

— А ты, Медведева, вижу, наоборот — решила осчастливить родную школу. Что же в гимназию не перешла? Неужели даже тесты пройти не рискнула? Чего не хватило — смелости или способностей? Только

не думай, что здесь тебе будет легче учиться и проще получить аттестат!

Рудольфу был адресован тяжкий вздох:

— Ты, надеюсь, понимаешь, что тебя перевели в десятый класс в виде исключения, из уважения к отцу? И что придется приложить максимум усилий не только на физкультуре?

Уделено было внимание и Рафаэлю:

— Я в курсе, господин гений, что тебя дожидается консерватория, а науки — не главное. И что мамочка не в силах с тобой расстаться и отправить в музыкальный интернат. — Последовала специальная пауза, чтобы класс мог посмеяться. — Ну, может, это просто не для тебя. Учти, что наша школа — не для гениев, и учиться тебе предстоит на общих основаниях.

Завершив приветствия, классная возвысила голос:

— А теперь — зачитываю список, кто с кем сидит. И живо по местам! Вас, клоуны, это касается в первую очередь. Ладно хоть, вместо пятерых трое осталось.

Как прошло?

МАГАЗИНЧИК Грачевых был обвешан вывесками: «Нотариус», «Ремонт часов», «Элитное постельное белье». Чтобы поправить дела, родители Артура сдавали часть помещения. Арендаторы менялись — вывески оставались.

Сегодня над входом висел яркий гуашевый плакат: «АВОСЕЧНАЯ». Заглянув внутрь, Марина увидела несколько рядов таких же ярких сетчатых сумок и рассмеялась:

— Вот это да! У вас опять что-то новенькое.

Артур вынырнул из-за этих гирлянд и просиял:

— Привет! Мама решила, что авоськи — оригинально, и покупатели их разметут. Типа пластиковые пакеты рвутся, трутся, а тут — прочно, на века... — И начал оправ-

дываться: — Я к тебе заходил, звонил — ты еще с морей не вернулась. Мы же тесты так сдавали, себя проверить. Потом я столько передумал за лето! Тянул до последнего и наконец решил: иду в гимназию.

— Я тоже до последнего тянула, — созналась Марина. — И... так и не решилась. А потом мы уехали, вернулись только вчера. Что-то менять уже поздно. В общем, пусть будет как будет.

— Ну и как там у вас... первый день?

— Как всегда, — кратко ответила Марина.

Не говорить же, что на самом деле ей без него и Жанны пусто, как таракану в стакане. Что впятером они были реальной силой, командой. А теперь, когда ее, Рафаэля и Рудика в три щелчка раскидали по разным углам, только пустота и осталась. Артуру это неактуально, что толку в подробностях. Может, он и сам в пустоте завис, и тоже жалеет.

— А у тебя как прошло?

— Нормально. Сегодня только расписание записали. В гимназии, мне показалось, делом занимаются, без эмоций. А это главное. Меня в нашей школе как раз эмоции достали. Сейчас к ЕГЭ надо готовиться, а не сражениями заниматься.

Значит, не жалеет.

— Понятно. Ну пока, удачи тебе.

— И тебе. — Артур кинул вдогонку оранжевую авоську: — Возьми, пригодится!

А зачем мечтать?

ОЗЕРО у горизонта замыкала кудрявая полоса: Белая горка, Зеленая горка, обширный холм с Благовещенской усадьбой на макушке. Половина мира была яркой и отчетливой, а вторую половину начинало заволакивать дымкой.

Марина наблюдала, как тает противоположная сторона, как туман освобождает воду от берегов, расширяя пространство.

На старом причале всегда было безлюдно, и она вздрогнула, когда Ник подкрался и схватил ее сзади за плечи с жутким воплем.

— Поймал! Так и знал, что ты здесь.

Еще бы не знать, они тут часто встречались после уроков — на том же месте, где познакомились. Только теперь причал пустует, лодки исчезли, а Лодочник работает на аттракционах в парке. Неподалеку собираются строить настоящую набережную и новый причал, а старый уже закрыли — точнее, забросили. Стало еще лучше — безлюдно и уютно. Ник присел рядом на доски, нагретые сентябрьским солнцем.

— Правда, похоже на море? — спросила Марина. — Небо и вода, абсолютная свобода. Вон те берега опять выскочили, но представь, что ты их не замечаешь.

— Так поехали на море — вместе, — оживился Ник. — Я сколько раз предлагал! Это легко. Надо только правильно обработать родителей...

— Да я же не о том! Я просто сидела, *мечтала* о море. Ты замечал, что как только вернешься с моря, сразу начинаешь о нем мечтать?

— Зачем *мечтать*, когда можно поехать? Давай в осенние каникулы. Или на Новый год.

О школе Ник не спрашивал и не рассказывал — это не имело никакой важности по сравнению с разговорами о путешествии, которые тут же должны превращаться в планы. Только на обратном пути вспомнил:

— Да, а я Артура видел у нас в гимназии. Вы вчетвером, что ли, остались?

— Втроем. Жанна с родителями в Москву переехала.

Они как раз проходили мимо бывшего дома Жанны. Во дворе суетились какие-то люди.

— Наверно, покупатели. Дом давно уже продается, —

пояснила Марина. — Мы редко там собирались, обычно у меня, но я так хорошо помню Жанкину комнату на втором этаже. Пустая, просторная, хоть мяч гоняй. Жанкины родители терпеть не могли беспорядка, и все игрушки, книжки и одежда хранились за волшебной дверцей в стене.

— А чего в ней волшебного?

— А она невидимая — сливается со стеной, потому что оклеена такими же обоями. Интересно, осталось там что-нибудь? Вряд ли они забрали с собой старье из кладовки, они не любят старья. И куклы сидят до сих пор на полочках и вспоминают то же самое, что и я. А я даже их имена помню и одежды...

— Залезем туда, когда народ упрется, — сразу же предложил Ник. — Это легко. Дом крайний, никто не увидит. Дверь я открою — отсюда видно, что запирается на гвоздь. Никаких проблем, увидишь кладовку с куклами.

— Да нет же! — засмеялась Марина. — Зачем залезать? Я *просто* мечтала — как оно там сейчас.

— Зачем мечтать, когда можно *просто* залезть?

Митраша и Настя

ЭТО было чудо — после нескольких часов блуждания по лесу, когда ноги останавливаются, а мысль об обратном пути вызывает ужас, увидеть сквозь заросли станцию. И подходящую к ней электричку.

— Обалдеть! И это не мираж! — Марина, еще не веря, что уже не надо путешествовать, упала на сиденье. Взглянула на уплывающую табличку: — Прощай, сто двадцать первый километр!

— Ничего не прощай, — перехватил ее взгляд Ник, довольный своим фокусом со станцией. — Можем опять сюда метнуться, когда захочешь — хоть на следующие

выхи. — И, тут же поняв, что она не захочет, исправился: — Лучше я тебе еще одно местечко покажу! Бывший полигон, тот самый...

Сегодня он показывал местечко, на которое набрел прошлым летом — заросший мхом и папоротником блиндаж, до которого не добрались ни грибки, ни черные копатели. Видимо, из-за окружающих болот. Потому и папа не рекомендовал Марине туда отправляться — но когда это было, а теперь она сама принимает решения, а Ник так давно рвался поделиться находкой. В общем, в выходной, когда все долго спят, они встали пораньше.

Было похоже на «Кладовую солнца», которую проходят в пятом классе: братец и сестрица прутся через топь, которую обходят стороной все нормальные люди. Только обошлось без клюквы и несчастного случая, и еще — они не были братцем и сестрицей.

Неразорвавшиеся мины и прочие военные железки, видимо, давно ушли в землю, вид у местечка был мирный. Но когда Марина представила, как Ник добирался сюда первый раз — совсем один, и даже без собаки (сейчас за ними следовал Рольд), прокладывая путь среди болот, не зная, куда придет и что найдет, — то невольно поежилась. Для него, однако, в этом и заключалось всё удовольствие.

Когда-то Марина и не подозревала о существовании подобных «местечек». До знакомства с Ником самым большим геройством было залезть на дерево в парке. Так ведь можно было и до пенсии дожить!

— Дайте на еду десять копеек! Дайте на еду десять копеек!

По вагону, весело горланя, шагали два чумазика в грязных куртках. Чем ближе к Белогорску, тем больше набивалась электричка, и в подставленный пакет побирушек щедро сыпалось подавание.

— Супер, — восхитился Ник. — Вон оно как надо! Главное — весело. А то достали уже нытьем.

Марина тоже кинула в пакет мелочь из кармана. Вспомнила: пришвинских героев звали Митраша и Настя. Они были сиротами. А этим на вид лет восемь, как ее братику.

Первые шаги после электрички дались с трудом. Марина упрямо сохраняла бодрый вид, не соглашаясь с тем, что она такая неженка. Вон Ник топают как ни в чем не бывало. Не только не думает, как бы до дома доползти, еще и ее провожает. Но как же долго идти от станции! Через весь город, через весь парк! И в парке пришлось устроить привал.

Разноцветный клен, всеобщий любимец, еще не стал желто-зелено-оранжево-красным, он тоже решил быть стойким и зеленел назло осени. И только когда налетел ветер и взъерошил всех и его тоже, откуда ни возьмись посыпались золотые листья. Где они только прятались! И еще с соседних берез. И все оказались у Марины в прическе, запутавшись в кольцах волос.

— Погоди, не вертись. Ты же не видишь, сколько их! — Ник со смехом вытаскивал листики один за другим и торжественно ей вручал. — Постой, тут еще маленьких полно. Гербарий сделаешь.

Кто-то рядом тоже залился хохотом — на два голоса.

— Гляди, они там обнимаются! Щас будут целоваться!

Обернувшись, Марина узнала «Митрашу и Настю». Только выглядят они как-то иначе. Девчушка — чистенькая, и одета прилично. Мальчик зачем-то стаскивает дражную куртку, а девочка помогает ему переодеться в другую, нормальную, и вытирает рожицу влажной салфеткой.

— А вы чем это занимаетесь? Вы, что ли, не сиротки и не погорельцы?

— Не-а, — беззаботно отозвался «Митраша». — Мы партнеры по бизнесу.

— Много бабок срубаете? — спросил Ник.

И Марина одновременно:

— А родители знают?

— Да они спят еще, мы по выходным, на утренних элек-

тричках, — отвечал простодушный «Митраша», но дальновидная «Настя» дернула его, и они удалились, волоча пакет с нищенской униформой. А потом побежали, потому что Ник завопил им вслед:

— А ну живо гоните бабло!

Из-за скамейки вышел Рольд — и ничего не сказал, но поразил одним своим видом.

— Рэкетом решил заняться? — смеялась Марина, Ник сделал невинное лицо:

— Не, твой пятак хотел вернуть. Ну как, целоваться будем?

— Воскресный пирог будем есть. Дора обещала.

— Пирог так пирог.

Это ваш мир

К ПОЛУДНЮ солнце светило уверенно, по-летнему. Золотой кораблик на крыше сверкал, разноцветное круглое окошко искрилось. А внутри Странный Дом был тихим и сонным. То есть это Павлик спал, а Пал Палыч уже проснулся, судя по умопомрачительному аромату кофе. Причем Маринин отец был как всегда при параде: крутой пиджак, стилизованный под спортивную куртку, безупречная прическа и пышные пшеничные усы. Марина и Ник столкнулись на крыльце с уходящими людьми — в Странный Дом в любое время суток забегали за юридическим советом, но застать хозяина-франта врасплох было невозможно.

Пал Палыч выглянул из-за развернутых «Белогорских вестей» с приветствием:

— О, Николай Берестов прибыл! Вон яблоки на подоконнике — угощайся, пока там Дора с пирогом...

— Спасибо, меня от них тошнит, — честно отвечал Ник, располагаясь на полу рядом с Рольдом. — У нас тоже везде

эти яблоки. А вы меня так пафосно называете, как будто я пароход.

— А ты хоть знаешь, что правда был корабль «Академик Николай Берестов»? В честь твоего деда.

— Да, мама говорила. Прикольно, если и сейчас плавают. Надо загуглить.

Марина налила кофе в свою чашку с волной и парусом, и ему — в кружку с Наполеоном верхом на коне. Давно ли этот «пароход» только плавал снаружи, а теперь у него здесь есть личная кружка. С Наполеоном. Она честно наполнила и собачью миску, но Рольд даже не приподнялся, только хвостом покачал.

— Что это ты, старина? Помирать, что ли, собрался? — удивился Пал Палыч. — Вроде никогда не жаловался на аппетит.

Ну, не сообщать же, что старина часов пять таскался по лесу, оттаптывал лапы.

Тут выглянула Дора:

— Уже готово! Уже несусь! Доброе утро, Николай, опять ты на полу по-собачьи. Садись к столу. Ты какие яблоки любишь?

— Никакие. У нас их завались. Я ничего яблочного уже не выношу. — Ник оставался на месте, он разложил какие-то бумажки и, кажется, собирался угощаться, не отрываясь от них.

— Ну так вот вам яблочный пирог, — возвестила Дора под общий хохот. — Не пропадать же добру, раз оно уродилось.

— Пирог должен быть мясным, — назидательно сказал Ник, но кусок взял.

— Золотые слова, — одобрил Пал Палыч и тоже потянулся за куском.

— Без меня! Вы начали без меня! — послышался вопль. Растрепанный Павлик, босой и в пижаме, скатился по перилам и схватил самый большой ломоть.

— А вот еще хотите хохму? С утра наслаждаюсь. —

И Пал Палыч прочитал: — «Повесился на перилах. Примите меры». И еще: «Не любит Пушкина. Примите меры».

Но реакция оказалась неодинаковой. Смеялись только Ник и Марина, передавая друг другу школьный дневник с пламенеющими надписями. Дора ахнула и пригорюнилась.

— А ты как повесился? — заинтересовался Ник.

Павлик, быстро запихав остатки куска за щеку, взбежал по лестнице, перелез через перила и картинно повис на руках, выделявая ногами то велосипед, то ножницы.

Дора зажмурилась. Пал Палыч стремительно переместился в другой конец комнаты, чтобы подхватить падающее тело. Но тело не падало.

— А обратно? — спросил Ник.

Павлик без видимых усилий подтянулся, перебросил себя на безопасную территорию и вернулся за стол героем. Дора была возмущена, но ожидала, что отец сам расставит всё по местам. Вступила Марина:

— А Пушкин чем тебе не угодил? Писал как умел.

— Так его наизусть надо! — возмущенно выпалил братик. — Я не запоминаю наизусть!

— Пушкина? — не поверил Ник. — Чего его запоминать-то. По-моему, все уже рождаются с Пушкиным в голове.

Павлик отрезал:

— Это твоя голова родилась с Пушкиным. А я его не буду ни учить, ни любить.

Пал Палыч не возражал. Дора не выдержала и начала доказывать, что учить стихи надо, что Павлик должен сидеть и повторять столько раз, сколько требуется, и вслух, и про себя, пока не вызубрит. Ник усомнился:

— Никогда не понимал, зачем наизусть заставляют. Это ж тупо. Стихи сами собой должны запоминаться. Те, которые нравятся, сами потом всплывают.

— А какие тебе нравятся? — спросила Марина.

— Да мама их мне всё детство тоннами читала. Один раз я по телику услышал про летчика: *идет без проволочек*

и тает ночь, пока над спящим миром летчик уходит в облака. И вспомнил! Прямо до конца. А мама сказала, что оно у меня до года было вместо колыбельной.

— Вот она, Павлик, польза стихов, — наставительно сказал отец. — Хотя пару строк запомнишь — на девушек сможешь впечатление производить.

— Плевал я на них, — буркнул сын.

— Детям лучше просто читать, — стоял на своем Ник, — пускай сами выбирают, что понравится. Может, и Пушкину повезет.

— Ну так репетитора бы взяли, — Дора укоризненно глядела то на Ника, то на Пал Палыча.

— Для второклассника? — озадачился отец.

— А если второгодником станет? Другие вон и в первом классе репетиторов берут.

— Ника найму гувернером, — постановил Пал Палыч. — Лучше нам не найти.

Павлик закричал, что согласен, Дора обиделась, а Ник отмахнулся:

— Педагогика не входит в сферу моих интересов.

— А что входит? — ревниво засопел Павлик и подсел к нему. — Это что за карта? Чего ты делаешь?

Ник что-то подрисовывал и подписывал.

— Исправляю ошибки. Всё устарело. Давно всё не так. Гремучий ручей в трех местах поменял русло. Последний паводок сильно изменил рисунок берегов. Несколько островов в западной части озера затоплено. Пару штук, наоборот, намыло или отрезало.

— Неужели лицо земли так меняется? — удивился Пал Палыч.

— Постоянно. Официальные карты не соответствуют, их штампуют по старым шаблонам. Я для себя нормальную делаю. Вот, глядите — Белогорск и окрестности.

Все, встав на четвереньки, окружили правильную карту.

— А это что за линии на зеленом?

— Тропы в лесу. Не лишне знать проходимые места,

большинство у нас непроходимы.

— А надписи всякие, крестики — это где ты побывал? А вот это зачем?

Марина улыбнулась. На карте были аккуратно помечены разноцветный клен в парке, старый причал, фонтан с рыбой и прочие «их» места.

— А что такое ZONA? — присоединилась и Дора.

— Заброшенный полигон. Где наш НИИ когда-то проводил испытания.

— Разве он не охраняется? — приподнял бровь Пал Палыч.

— Да кому надо. Там аномальщики постоянно лезят, зеленых человечков ищут, замеряют чего-то. Забор, конечно, но я раз двадцать бывал. Вот в следующие выходные опять полезем. — И прикусил язык. Но было поздно.

— А радиация? А старые здания обрушиться могут, — взволновалась Дора. — Вот дома тебе не сидится! Марина, и не думай с ним ходить! Девушке это совершенно ни к чему.

— Меня возьми! Мне к чему! — суетился Павлик.

— Физподготовка у тебя неплохая, — рассудил Ник. — Отец отпустит — возьму.

— Да я бы и сам, — раздумывал Пал Палыч. — С настоящим-то сталкером...

Ник и Марина переглянулись. Ник подытожил:

— Стало быть, планируем семейный поход. Вот только Рольда не возьмем, что-то он стал уставать. Сколько ему лет вообще?

— Всего десять, — заступилась Марина за дога. — Его папа маме на день рождения когда-то подарил. Конечно, по-собачьи это уже пенсия, но он еще ого-го.

— А дневник-то? — напомнила Дора. — Надо было сказать, чтоб Павлик сначала Пушкина выучил и вообще исправился — тогда уже будет поход, а не так — всё задаром.

— Это без меня, — отстранился Ник, — он мне

не должен. Мы с ним друзья. А сначала и потом — это всё технологии власти.

— Воспитание, — поправила Дора.

— Всё равно.

— Мы его любим задаром, — твердо сказала Марина, — потому что он наш. Хоть с Пушкиным, хоть без Пушкина. Пусть Лермонтова любит, если хочет. Это же ему нужно, а не нам.

— Воспитывать его нужно, а не потакать, — горячилась Дора, — а то он в восемь лет уже никого не слушается!

— Мне скучно слушаться, — мрачно заявил Павлик.

— Вот и настал момент истины, — произнес Пал Палыч. — Сейчас мы всё поймем. Ключевое слово — «скучно». А что именно?

— Всё, — отвечал Павлик еще мрачнее. — То, что я всё время должен слушаться.

— Детям так положено, — поучительно заявила Дора.

Понял Ник:

— Это готовый мир. Он меня тоже придавил в его возрасте. Ну, что мы рождаемся в мире, где всё уже открыли, сделали, всё готовое, а ты только ходи, как трамвай по рельсам. Непонятно, зачем голова — только чтоб уроки учить. Мне тоже было скучно, пока я не сообразил, что всё не так. Что надо не по рельсам ходить, а делать, что хочешь. Ну, понять, что хочешь — и делать.

Такого количества крамолы Дора не вынесла и убежала на кухню.

— С «пароходом» всё ясно. А ты чего хочешь? — обратился Пал Палыч к сыну. Когда же тот неопределенно что-то промычал, поднялся и, глядя на всех сверху вниз, серьезно заявил: — Объявляю, что Странный Дом и прилегающая к нему территория — это ваш мир. Вы можете делать в нем что угодно. Вы можете его СОЗДАВАТЬ.

— За забором? — уточнил Ник.

— Для начала — да. Конечно, это не твой масштаб. Но определить, много это или мало, можно, только начав

что-то делать.

По лицу Павлика было видно, что он с громадным усилием, на ощупь подбирается к какой-то мысли.

— Хочу дом, — наконец выговорил он. — Хочу свой дом.

— У нас же есть дом, — не понял Пал Палыч.

— Это у тебя. Ты его построил, как сам хотел. А я хочу СВОЙ. Хочу дом на дереве!

— Крутяк, — отозвался Ник. — Я такие видел. На картинках.

— А, на дереве, — с облегчением проговорил Пал Палыч, уже представивший вместо сада котлован. — Так давайте устроим мозговой штурм. Надо накидать идеи в кучу, а потом — полезть в интернет и взглянуть на мировой опыт.

— Хочу лабиринт, — подала голос Марина.

Все повернулись к ней.

— Настоящий садовый лабиринт. Ну, хотя бы цветочный. Площадка перед домом у нас парадная, с клумбами, а по бокам и на задворках — не пойми чего. Грядки не нужны, мы уже сто лет ничего не сажаем. А старые высохшие кусты можно убрать и сделать очень красиво! Я даже начинала план набрасывать. Но мне нужна будет физическая помощь.

— Идем на местность! — Ник уже направлялся к дверям. — Выберем дерево, осмотрим площадку под лабиринт. Вообще осмотримся.

Начались беготня и обсуждения. Когда все устали и вернулись в дом, обнаружилось, что у Доры готов еще один пирог. Мясной.

— Дора, ты исправилась? — восхитился Павлик.

После обеда он притащил Пушкина и проэкзаменовал всех, читая навскидку начальные строки. Странно, все тут же подхватывали. Наверно, правда родились с Пушкиным в голове.

— Слушай, а почему ты не перевелась в гимназию? — спросил Марину Пал Палыч уже вечером, когда Ник

ушел. — Ты ведь хорошо сдала тесты. Учились бы вместе с Николаем, всё равно он у нас практически живет.

— Не знаю почему, — ответила Марина, на этот раз — честно. — Испугалась чего-то.

Кому кирпич?

Одни развлекались с мобильниками, другие болтали. За последними партами рассказывали анекдоты. Двойняшки Инесса и Ванесса делали друг другу макияж, и казалось, что это не две девчонки, а одна перед зеркалом. Рудик списывал домашку. Историк Иван Платонович по прозвищу Макакус сам себе излагал новую тему.

Урок шел как всегда.

Марина читала про лабиринты.

Книжка, которую притащил папа, не имела отношения к ландшафтному дизайну, но от нее невозможно было оторваться. Марина уже побывала в древнегреческом Кносском дворце, и в египетском «городе гадов» Крокодилополе, бродя по запутанным коридорам, которые то поднимались на верхние этажи, то уходили вниз под землю, в крошечный мрак, и неожиданно приводили в величественные залы с колоннами и множеством выходов в другие коридоры — или в крошечный световой дворик, над которым улыбалось голубое небо. Но небо и солнце, замкнутые в контур высоких стен, не были свободой: выход из каменной ловушки возможен только через возвращение в запутанные переходы — если он есть вообще...

Потом настал черед других лабиринтов — совсем без всяких стен. Это были огромные мозаичные картины, украшавшие полы античных домов и средневековых храмов, и бродить по ним, продвигаясь к центру, тоже было целым путешествием...

Блуждания по лабиринтам повторялись в снах, чередой

иллюстраций из книги и фотографий из интернета, а еще — другими картинками, которых точно не было ни там, ни там, они являлись сами по себе.

Марина добралась до главы о парковых лабиринтах галантного XVIII века, где по замысловатым дорожкам прогуливались дамы и кавалеры в высоких париках, иногда встречаясь на развилках и со смехом раскланиваясь. Порой они натыкались на сюрпризы — скульптуры, фонтанчики и позолоченные фигурки животных, иногда забредали в уютные тупики со скамеечкой, куда уж точно не доберется никто посторонний и не сможет помешать... Вроде тех мелких «нищих» в Белогорском парке...

Удивительно: Ник тогда касался только ее волос, и прикосновения были такие легкие, невесомые, кончиками пальцев — но ее как будто ударило молнией — на самом деле ослепило, и всё поплыло в голове, словно при взлете на самолете или в лифте, когда на миг попадаешь в другое измерение. Такого никогда не было. Хотя в загородных вылазках они то и дело брались за руки, когда куда-нибудь карабкались, перепрыгивали яму, переходили шаткий мостик. А тут — какие-то сухие листики, запутавшиеся в волосах!

Но, даже мысленно перенесясь под разноцветный клен, Марина ощутила то самое головокружение, и мало того — ей совершенно не хотелось его прерывать и выскакивать в другую реальность урока истории, и даже — в еще одну реальность книжки с лабиринтами, где она только что блуждала, позабыв обо всем. В английском Хэмптон Корт... Какой еще Хэмптон Корт?

Из другого измерения Марину выдернул Рафаэль. Он вдруг возник, опоздав на пол-урока, подсел к ней — на истории все рассказывались, как хотели — и начал рассказывать о своем новом московском учителе, который, как оказалось, что-то смыслит не только в инструменте, но и в композиции.

— Так ты весь ушел в музыку? — уточнила Марина уже

на улице, после звонка. — На литературу ничего не осталось?

Они шли из школы, как всегда, как ходили девять лет подряд: Марина, Рудик, Рафаэль... и всё. И всё же — по-прежнему дружной компанией, пусть и минус Жанна, и минус Артур. А если бы и Марина, по словам Рахили, устремилась за счастьем... или как там — к лучшей жизни? Каково было бы мальчишкам остаться только вдвоем?

Рафаэль тем временем отрекался от литературы — о чем тут вообще говорить, ну, были детские опусы, это всё несерьезно. Его прервал чей-то оклик.

Возле старого необхватного тополя, росшего прямо посреди тротуара, стоял Ник, прислонившись спиной к стволу и явно поджидая Марину.

Мальчишки поздоровались за руку, поговорили о секции борьбы, где занимались и Ник, и Рудик; о том, как убежать от контролеров в электричке — это было актуально для Рафаэля, которому предстояло кататься в Москву к чудесному учителю; потом об Артуре, которого Ник теперь ежедневно видел в гимназии — как он там притирается, интересно было всем.

И все-таки Марина ощущала натянутость. Рафаэль и Рудик ждали, не уйдет ли Ник, а тот выжидал, когда те сами догадаются и свалят. И это тоже было как всегда — весь предыдущий год. Как ни старалась Марина их сплотить, а обе стороны — уступать ее желанию, получалась не дружба, а дипломатические отношения.

Она попыталась еще раз:

— Мы в выходные собрались на бывший полигон. Ник знает, как туда попасть. Может, вместе пойдём?

Рудик и Рафаэль взглянули на Ника — и почти одновременно отговорились, один — борьбой, другой — музыкой. И наконец-то распрощались.

У Ника был вид победителя, тем не менее прозвучало:

— Знаешь, я люблю, когда мы вдвоем куда-нибудь идем. А то бы совсем не то получилось, какая-то школьная

экскурсия. И так Пал Палыч будут с Павликом.

— Ты против? — удивилась Марина. — А что же сразу папе не сказал?

— Разок — пускай, — нехотя отозвался Ник. — А вообще в такие места толпой не ходят, это ж не кино.

— Может, тебе лучше одному ходить, как ты привык? Может, и я всё порчу? Говори, не стесняйся.

— Ты — нет. А мы куда вообще? Ты не домой разве?

Марина свернула на улочку, ведущую к рынку.

— Мне надо в грачевский магазин. Артур книжку нарыл про садовые лабиринты. С образцами, рекомендациями. Папина слишком историческая, а пора уже с чего-то начинать.

— Ты с моей мамой всегда можешь посоветоваться.

— Я сначала должна понять, что хочу.

— В интернете всё есть.

— А вдруг не всё.

Ник молчал всю дорогу. В магазин не зашел:

— Подожду на улице.

Когда Марина скрылась среди авосечных гирлянд и бамбуковых занавесок, он поднял кирпич, подпиравший дверь, улыбнулся ему, как родному, встал посреди тротуара — и начал выкликать:

— Кому кирпич! Купите кирпич! Отличный кирпич! Кому кирпич?

Старушка, спешащая к магазинчику, не глядя на дорогу и думая о чем-то своем, вздрогнула, замерла — и, круто развернувшись, засемила прочь. Через каждый шаг она тревожно оглядывалась. Более внимательные прохожие издали обходили это место.

Артур и Марина показались в дверях — и застыли.

Ник, перебрасывая кирпич с ладони на ладонь, радостно призывал:

— Кому кирпич? Купите кирпич! Куда же вы, мадам?

Вокруг не было ни души, словно это пустырь, а не рынок.

— Ты что творишь? — сдерживая смех, возмутилась Марина. — Всех покупателей распугал!

— Зато никто вам не помешал. Вам же надо было поговорить наедине.

— Ты ничего не понимаешь, Берестов, — поморщился Артур. — Зато я всё понял.

А Марина некстати вспомнила, что эти двое познакомились во время драки.

Просто невезуха

— ПОХОД отменяется. Иди без нас.

Марина позвонила, когда Ник уже собирался выходить. На розыгрыш было не похоже. Голос у нее был измученный. Когда же она объяснила, что Павлик вчера вечером сломал руку, Ник сразу вспомнил про перила:

— Опять повесился?

— Да нет, тогда бы он шею сломал. С перилами как раз всё в порядке. Буквально на ровном месте грохнулся, что обидно! И даже не с самоката, на котором гонял! Просто неудачно оступился. Он же каскадер, и всё всегда нипочем, а тут... Надо было еще вчера тебе позвонить, но у нас такое было — больница, гипс. Потом он всю ночь не спал и нам не давал. Рыдал, что теперь не сможет строить свой дом на дереве. Под утро заснул — я боюсь, скоро проснется, и начнутся опять капризы и вопли. Папа с ним ночью дежурил, а теперь типа моя очередь — развлекать, отвлекать и всё такое. Так что иди один.

Через пятнадцать минут Ник был в Странном Доме.

— Детишки, когда начинают расти, часто косточки ломают, — утирая слезы, рассказывала ему Дора — она работала в больнице медсестрой, и о любой болячке тут же извлекала ворох рецептов, поучительных примеров и жутких историй. — Руки-ноги быстро вырастают, они

с ними еще управляться не умеют — вот и...

— Не помню такого, — усомнился Ник. — У меня конечности как раз отрастали вовремя, чтобы дотягиваться и лазить, куда нужно. Я нормально с ними управлялся. Нет, тут просто невезуха.

На лестнице застыл мрачный Павлик.

— Первый раз тебя вижу в статике, а не в динамике, — заметил Ник.

— Деточка, зачем ты встал? Лежи, я всё подам, что нужно! — засуетилась Дора. — Вот завтрак сейчас...

— Ничего НЕ ХОЧУ.

Голос страдальца не предвещал для остальных ничего доброго.

— И «Звездный путь» мы весь досмотрели, — зашептала Марина. — Все сезоны. Три года смотрели, ничего не осталось...

Ник указал на свой ноутбук:

— Сегодня у вас начинается новая эра. Капитана Пикара — в отставку, Малдеру и Скалли — ура.

Проснувшийся к вечеру Пал Палыч обнаружил, что весь Странный Дом, включая, разумеется, Рольда, смотрит «Секретные материалы», серию за серией, прерываясь только для набегов на ближайший магазин за шипучкой и мороженым.

— Самое интересное — и без меня, — пожаловался Пал Палыч, присоединяясь и расслабляясь — о РУКЕ тут уже и думать забыли.

Вдруг раздался сильный глухой удар, и следом за ним — дробный стук.

Посыпались предположения:

— Пушка!

— Картечь!

— Еще кто-то рухнул и рассыпался на куски!

Но это оказались яблоки.

— Всё ломается, всё рушится, — причитала Дора. — Авоська проклятая! А еще говорят, что пакеты рвутся!

Положила яблок, хотела хоть соседей угостить...

Все со смехом начали лазить под столы и стулья — яблоки раскатились и по кухне, и в коридор, и в комнату.

— У тебя есть уникальная возможность натренировать левую руку, — заявил Ник Павлику, который опять начал кукситься. — Прикинь: когда гипс снимут, ты сможешь левой делать всё то же, что и правой! Есть, писать, драться. Дом строить. Вообще всё. Все обалдеют.

Пострадавший тут же кинулся упражняться:

— Не трогайте! Отойдите! Мои все яблоки! Я сам всё соберу! А ну высыпайте обратно!

Ник и Марина переглянулись и, отступив на цыпочках, направились вверх по лестнице.

— Достоевский, «Подросток», — прочитал Ник, оказавшись в Марининой комнате и поднимая с кресла увесистый том. — Вроде ж «Преступление и наказание» надо?

— А я забила на «Преступление». Полезла за ним, увидела эту книжку — и взяла из-за названия.

Ник перевалил пухлые страницы до самого конца, прочитал последнюю строчку: «...из подростков слагаются поколения» — и, кидая Достоевского на место, заключил:

— Много букв. Как это можно выдержать?

— Ладно выделяться. Спорим, ты уже сегодня скачешь аудио и будешь слушать? Посмотри лучше на проекты лабиринта. Этот вариант я рисовала на истории, этот — на физике, а этот — на лит-ре.

Но тут вломился Павлик:

— Вы куда это запрятались? Истина где-то там!

И, когда все снова собрались вокруг ноута со следующей серией, великодушно заявил:

— Так и быть — я тоже когда-нибудь буду сидеть с вашим ребенком.

Поцелуй за голову Пушкина

— ПОХОД отменяется.

На розыгрыш было опять не похоже. Голос не такой.

— Это всё лабиринт. Кажется, я слишком увлеклась. Наверно, не стоило вчера столько торчать на улице. А теперь я всё время мерзну. Короче, иди без меня.

Через пятнадцать минут Ник был в Странном Доме.

— У вас еще не затопили? — спросила его Дора и, услышав отрицательный ответ, сообщила: — Вот так всегда, пока все не заболеют — не включают отопление. А Пал Палыч вчера протопил для Маринки. Сейчас и ты согреешься!

В Странном Доме была своя мини-котельная.

— Да мне пофиг, — не оценил Ник. — Я могу второй свитер натянуть, и всё нормально. У нас дома, с этими высокими потолками, и зимой, и летом холодища. Я привык.

Он взбежал на второй этаж, следом за Рольдом, который охотно составил компанию. К Павлику пришли друзья, и из его комнаты доносились звуки веселья. У Марины, наоборот, было тихо. Она сидела, закутавшись в яркий плед с веселыми смайлами, а ее собственное лицо было, по контрасту, смайлом печальным.

— Мы тебе два выходных подряд испортили, — промолвила она с совсем убитым видом. — Ты сейчас бы уже мог дойти до забора.

— А что ты в лабиринте сделала? — спросил Ник вместо ответа. — А меня чего не позвала?

— Спонтанно вышло. К папе вчера друзья зашли потусить. А он их организовал в саду размяться. И они размялись. Я моргнуть не успела — старую малину повыдергали, всё перекопали, как кроты. Костер из веток запалили. Ну, мы вокруг костра попрыгали, испекли картошку. А тут как раз саженцы привезли из питомника, папа заказывал.

Пришлось их бегом сажать — назавтра заморозки обещали. А без меня ведь никто не понял бы, что куда.

— Так вы всё засадили уже?!

— Не всё, только контур наметился. Цветы, дорожки, садовые гномы — это до весны.

Они переместились к окну. Намеченный контур сливался с землей, было ничего не разобрать. Ник дернул раму, чтобы свеситься наружу, — но взглянул на Марину и передумал.

Она свернулась в клубочек в углу кресла — ее опять начало знобить. Кажется, придется-таки ознаменовать начало осени простудой. До чего ж досадно! Сколько планов срывается!

— А сейчас ты бы уже перелезал через забор...

— Смотри сюда, — жизнерадостно предложил Ник, усаживаясь рядом на ручку кресла и доставая из кармана горсть камешков. — Представь: ты их собираешь, ходишь по пляжу. Солнце палит. Камни под ногами раскаленные.

— Какие красивые, — оживилась Марина, рассматривая маленькие, с ноготок, камешки. — Все разных цветов... и с разными рисунками. Полосатый, в крапинку. А сколько белых! Но оттенки разные. А вот какой круглый, настоящий шарик! А этот — лепешка, этот — палочка.

— Я их на всех морях собирал, — хвастался Ник. — На Черном, Красном, Азовском, Эгейском, Средиземном. Хотел всех представителей набрать, какие только бывают, чтобы сделать мини-пляж. Самые лучшие — крымские. Вот этот розовый — наверно, сердолик.

— А этот — неужели изумруд?

— Не, стекло бутылочное, красиво его волны обкатали. А это, похоже, мрамор. А этот красный — кирпич!

Тут дверь в комнату распахнулась, и кубарем влетел один из Павликовых гостей.

— Ты куда падаешь, там моей сестры комната! — вопил невидимый Павлик.

— Ну и что, — оправдывался гость, удаляясь и огляды-

ваясь. — Нельзя, что ли? Они, что ли, там целуются?

Прямо как «Митраша и Настя».

— Он там ничего себе опять не сломает? — фыркнул Ник и достал еще одну горсть из кармана. — Гляди, есть один в форме дельфина. А этот видишь, на что похож? На голову Пушкина.

— А этот на что? Ни на что. Но почему-то ты его же выбрал... Ага! Тут на одной стороне — смайлик! Настоящий! С глазами и улыбочкой!

Теперь и Марина стала похожа на веселый смайл.

Опять распахнулась дверь, и вошла Дора с дымящейся кружкой.

— Детка, надо это выпить — прямо сейчас.

— Спасибо, Дора, а можно так со мной не нянчиться? — с досадой проговорила Марина.

— Этот отвар тебя живо на ноги поставит — малина, липа и чабрец, — уходя, поучала Дора.

— Смотри — монетка, — Марина обнаружила среди камешков инородное тело. — Копинка! Украинская...

— Тоже в полосе прибора была, я прихватил.

— Еще одна — евроцент. Слушай, а ты назад заберешь свои камешки? Ты просто показать принес? Боже мой, ну кто там еще?! Почему у меня сегодня дверь не закрывается? Всем всё время что-то надо!

Вошел Рольд.

— И этот — проверяет, — пояснил Ник, впуская дога и плотно закрывая за ним дверь. — Могу не уносить. Ну что, будем целоваться, чтоб никого не разочаровывать? Один поцелуй — один камешек. Выбирай, какие нравятся.

— Очень смешно, — покачала головой Марина. — Блестящая мысль. У меня температура, я умираю, я вся горю и покрываюсь разноцветными пятнами...

— Я сам весь горю, — отвечал Ник совсем не таким голосом, каким обычно озвучивал свои приколы. — Ну что, поцелуй за дельфинчика?

Он чмокнул ее в щеку и вручил камешек, похожий

на дельфина, потом в макушку — за смайлика, потом угодил в нос — Марина рассмеялась: да он же просто ее веселит.

Но тут Ник отвел прядь волос с ее лица, и она ощутила то самое головокружение, как под разноцветным кленом в парке, и поняла, что опять переносится в непонятное измерение. И по пути успела с ужасом подумать, что вдруг она действительно страшная, горит, как светофор, и покрывается разноцветными пятнами.

— Ты такой красивой еще никогда не была, — тут же сообщил Ник. — Ты просто не видишь себя в зеркало, потому что оно у тебя за спиной. А камешки не кончились. Их еще много. Ну что, поцелуй за голову Пушкина?

Новогодние киндер-сюрпризы

— ПРИВЕТ! Лови!

Не успела Марина запустить в Артура киндер-сюрпризом, как самой пришлось ловить шоколадное яйцо, которое он ей бросил. Это была давняя традиция, с первого класса — дарить друг другу киндеры на Новый год. Ну и, разумеется, тут же их съесть и обсуждать, что кому досталось и что бы это значило. Киндеры предсказывали грядущие события на целый год. Марине попался зеленый человечек с кисточкой на макушке.

— Твоя жизнь будет разрисована в ярких красках, — пояснил Артур и высыпал на ладонь мелкие детали. — А у меня — сборка. Сейчас-сейчас... Смотри, гоночная машина!

— Крутая тачка — значит, всё будет круто. Кто бы сомневался!

Они встретились по дороге в гимназию — там сегодня проходит новогодняя дискотека для старшеклассников. Сейчас самый подходящий момент, чтобы обменяться

подарками — через минуту будет уже не до того. А сам Новый год все встречают по-разному: Ник с мамой отправляется на очередное море, Рафаэль с родителями тоже куда-то едет. Теперь она увидится с друзьями только после каникул.

— Марин, я тебе хотел сказать... — И Артур выговорил, как подготовленный урок: — У меня есть девушка. Ну, из класса. В общем, мы встречаемся.

— Поздравляю! — Марина была готова сразу задать все вопросы: кто она, какая, и как это Артур со своим плотным графиком умудрился выкроить время на личную жизнь — но тут же догадалась: — Она тебя ждет, да? Ты ведь с ней идешь на дискотеку? Так беги скорей!

— Правда? — Артур моментально оторвался и понесся вперед, оглядываясь и размахивая руками: он махал и Марине, прощаясь, и, должно быть, той самой девушке, ждущей его на крыльце.

Пошел снег, и Марина тоже прибавила шагу — она была без шапки, чтобы не помять прическу.

И тут сзади налетели с жутким воплем. Разумеется, это был Ник.

— Мы же договорились у фонтана, — напомнила Марина. — Ты куда пропал?

— Я и иду за вами от фонтана. Не хотел мешать. А чего? Веду себя прилично: снежками не кидался, не подслушивал...

В раздевалке было уже не протолкнуться. Пышные, сверкающие блестками наряды выпархивали из шуб и пуховиков. Тут и там мелькали красные колпачки санта-классов.

Марина представила, что это ее школа — ведь она могла бы здесь учиться, если бы захотела — и приходила бы сюда каждое утро, и лица вокруг не были бы безымянными. Целая параллельная вселенная, которая могла бы включить и ее жизнь...

Она присела на банкетку переобуться. Над самым ухом

раздалось:

— Не обманывай! Я же видела тебя с твоей бывшей! Я видела, видела!

«Ну вот, дискотека еще не началась, а уже разборки», — весело подумала Марина. Разборок было не видно из-за вешалки, нагруженной одеждой, но слышно превосходно.

— Ты только говорил, что всё кончено, а сам подарки ей даришь! А ведь мы договорились! Ты же обещал!

Капризные нотки опасно переходили в истерические. А вот второй голос, который начал оправдываться, не узнать было невозможно. И Марина с изумлением поняла, что «бывшая», с которой застучали обманщика, — это она сама. И, замерев с туфелькой в руках, слушала продолжение диалога — всё то же самое по второму и третьему разу.

Ну, Артур и влип! Ну он и попался! А Марина еще радовалась, что он совсем освоился в гимназии, раз даже девушку завел. Нет, похоже, это его завели — или взяли в рабство. Он для нее такой же аксессуар, как колечко и цепочка, и должен украшать свою хозяйку и быть в ее безраздельной собственности...

Нет, она всё пилит его и пилит! Подойти сказать, что Артур не виноват, и что действительно «всё кончено», поскольку ничего и не было? Рассказать про детскую традицию с киндерами? А кто поверит-то? Только хуже будет. Ну, может, эта «девушка из класса» сама по себе успокоится. Может, ей нравится слушать, как Артур заверяет ее в покорности. Может, как раз в этом для нее вся радость.

Слава богу, что у них с Ником обходится без этого идиотизма, подумала Марина, взглянув на приятеля, который поджидал ее, болтая с одноклассниками.

— Пошли, покажу гимназию, — предложил Ник, Марина улыбнулась:

— Да я здесь на всяких олимпиадах бываю с пятого класса. И где буфет знаю, и где актовый зал.

— Так это что — столовка! Тут есть места, где спокойно

можно посидеть, и никто не помешает.

— На дискотеке — спокойно сидеть?

Городскую дискотеку для старшеклассников затеяли, чтобы они сплотились — однако все тусовались в привычных компаниях. Только те, кто перешел в гимназию из других школ, подходили к бывшим однокашникам. Кроме Артура, в которого вцепилась «девушка из класса» — он даже поздороваться ни с кем не посмел, только бросил тоскливый взгляд в сторону Рудика и Рафаэля.

Марина оказалась среди одноклассниц Ника — тех самых, вместе с которыми могла бы учиться. И когда они перестанут уже разглядывать ее со всех сторон? Конечно, синее вечернее платье, расшитое бисером, смотрится эффектно — его же сам папа помогал выбирать. Но в двадцатый раз отвечать, сколько оно стоит и где покупали — когда это кончится? Эти гимназистки могут о чем-нибудь другом поговорить? Или платье только повод, чтобы начать общаться?

А еще учителя плятятся отовсюду: их согнали из всех школ в полном составе — бдить, чтобы ничего не произошло, и устроили в зале оцепление. Веселись — не хочу! Сначала дискотеку собирались проводить во дворце культуры, но потом решили все-таки здесь, чтоб было удобней следить за детьми. Интересно, стоят ли посты в туалетах.

Сквозь музыку Марина не сразу услышала, что ее зовут. В актовый зал входила высокая эффектная брюнетка в черном «змеином» платье, облегающем, сверкающем пайетками, и в черных же перчатках до локтя.

— Жанка! Откуда ты взялась?

— Мы приехали к деду на праздники — я сразу к тебе — Дора говорит: ты на дискотеке — я и решила сюда припереться! — пыталась Жанна перекричать музыку.

— Ник, где там твое спокойное место? Показывай! Нам надо поболтать, мы полгода не виделись!

— На дискотеке — в спокойное место? — недовольно спросил Ник.

— Да мы только пять минут!

Спокойное место оказалось незапертым кабинетом географии.

— Привет, Лончинская, — поздоровался Ник. — Ну, как тебе здесь после Москвы?

— Привет, Берестов. Мне здесь — как в деревне. Ты это хотел услышать?

— А как в новой школе? Компанию завела? А страшная подруга у тебя есть? — Жанна непонимающе на него взглянула, он объяснил: — Обычно, если девчонка красивая, она сразу отвечает «есть». А если, вроде тебя, не знает, что ответить — значит, она и есть чья-то страшная подруга.

— Вы двое, я вижу, соскучились! — Марина со смехом покачала головой: шпыняют друг друга, как в старые добрые времена.

— Давайте болтайте, — разрешил Ник, покидая кабинет. — Я тоже поболтаюсь где-нибудь.

— Ты всё еще с ним? — удостоверилась Жанна. — И как вы продвинулись? Уже всё было?

— Нет, — Марина пыталась сообразить, засчитываются ли игровые поцелуи, и решила, что все-таки не засчитываются. — Я обо «всём» и не думала.

— А зря, — наставительно заявила Жанна, — вот он — сто пудов думал. Нет, правда ничего? Надо же. Ты во всем была на шаг вперед, я думала, что и тут... Ну ладно. Тебе дома что на Новый год подарили? Мне — гляди какой смартфон! А как тебе мой прикид?

Марина никак не думала, что и с Жанкой придется говорить о платьях, раньше она в этом не была замечена. И вдруг вспомнила сегодняшнюю потрясающую новость:

— Да ты ведь еще не знаешь — наш Артур встречается с девицей! Теперь он на коротком поводке и в железном ошейнике. А у тебя как дела?

— Если ты о личной жизни, то нормально, — ответила Жанна с достоинством. — Она у меня есть. Говорю же — раньше ты меня всегда обгоняла, а теперь, выходит, я.

— Жанка, ты влюбилась?! — восхитилась Марина. Еще один сюрприз — от подруги, такой же серьезной, как Артур! И хотела уже начать расспрашивать, что ее бойфренд из себя представляет, как Жанна выдала свой знаменитый лозунг:

— Ну, надо же было попробовать! По-моему, пора. Если я собираюсь заниматься медициной, то анатомию лучше изучать не только теоретически. Помнишь, мы в третьем классе сидели у меня и листали папины медицинские атласы? Вот было половое воспитание, блин!

— А ты собираешься заниматься медициной? Ты уже определилась? — удивилась Марина.

— А ты, что ли, нет? — в свою очередь удивилась Жанна. — В десятом классе — и не знаешь, куда будешь поступать? А я уже на подготовительные курсы хожу вообще-то. Подготовка к вузу плюс ЕГЭ.

— Как это ты всё успеваешь? И выглядишь просто супер.

— У меня вся жизнь теперь — супер, — заявила Жанка самодовольно. — У меня же есть Москва.

Марина рассмеялась:

— У меня есть смартфон, у меня есть парень, у меня есть Москва!

— Да, есть, — отвечала Жанна с вызовом. — Это у тебя всегда всё было, ты привыкла быть принцессой и не ценишь, что имеешь — ни шмотки, ни поклонников. А мой отец получал здесь в больничке три копейки! А теперь он в крутой московской клинике, и может себе позволить и вечернее платье мне купить, и гаджеты! Почему бы мне и не порадоваться?

Марина смутилась. Честно говоря, то, что ее отец-юрист прекрасно зарабатывает, а доктор в больничке получает три копейки, всегда казалось естественным — ну, просто воспринималось как данность. Но она никогда не смотрела на свою компанию с точки зрения шмоток, ее друзья вне всяких рейтингов. А у Жанки, оказывается, комплексы

какие-то...

— Хочешь? — подруга раскрыла сумочку, слепленную из стразов. Там лежала черная банка с энерготоником. — Ты их так и не зауважала?

— По-моему, они все похожи на сироп от кашля, — честно сказала Марина.

А из сумочки появился киндер-сюрприз. Марина тут же достала еще один...

— Наконец-то настоящий Новый год! — ликовала Жанна. — У нас, что ли, одинаковые? Точно! Феечки из Винкс! Значит, мы по-прежнему — команда!

Заглянул Ник:

— Пять минут прошли. Ого, шоколад поедают! А мне?

— А тебе — фига, — незамедлительно ответила Жанна.

Оказалось, что и Ник припас для нее то же самое. А Марина вручила ему новогодний киндер, и там оказалось фрисби — такое немаленькое в собранном виде, что непонятно было, как оно только что умещалось в яйце.

— Летающая тарелка — наша тема, — оценил Ник. — X-files. А я подарок не захватил, думал — на сам Новый год... Слушайте, я что пришел: пора сматываться. Облава идет по этажу. Доказывайте потом, что водку не пили. Пошли-пошли, я проведу по другой лестнице.

Пока он вел их самым замысловатым путем, какой только можно было выбрать, Ник оставался жизнерадостным и не уставал прикалываться над Жанной. Но снова оказавшись в пляшущей толпе, тут же поскучнел. А праздник был в разгаре, народ наконец-то завелся. И хотя многие лица и раньше мелькали на дискотеках, в таком полном составе старшекласники собрались впервые, с интересом взирали друг на друга и всё чаще перетекали из своего круга в соседний.

— Когда наконец медляк? — услышал Ник. — Я ту девчонку в синем хочу пригласить. Она из какой школы, не знаешь?

— Сейчас узнаю. Я сам с ней хотел.

— Я первый!

Марину то и дело приглашали, и он наконец возмутился:

— Слушай, пошли отсюда! Надоело уже.

— Ты не хочешь, чтобы я подружилась с твоими одноклассниками? Сам же меня с ними познакомил.

— Ты тут со всеми уже подружилась!

— Хочешь, чтобы я только с тобой танцевала? Так и скажи. Мы разве договаривались?

— А надо договариваться?

— Берестов, тут дискотека! — захохотала Жанна. — Когда наконец танцевать научишься? Пошли, научу!

Подлетел раздумявшийся Рафаэль, направляясь напрямиком к Марине, но Ник цыкнул на него:

— И ты еще! А ну гуляй отсюда!

— Это еще почему? — опешил тот.

— Потому что моя девушка больше ни с кем не танцует.

— Это еще почему? — изумилась и Марина — не столько словам, которые вполне могли быть и очередным приколом, сколько угрюмым видом своего неунывающего приятеля. Нет, это не приколы. И любопытные лица то и дело на них оборачиваются. — Это кто так решил?

— Я так решил.

Вокруг уже перешептываются, показывают пальцами. Кажется, она становится королевой бала. Артур встревожился и пробирается сквозь толпу. А Марина еще ему сочувствовала и радовалась, что «у них с Ником всё по-другому»!

— Так это и есть твой подарок?

А я не ссорилась!

— ЧТО-ТО к нам «пароход» не заплывает. Каникулы кончились — а он что, еще не вернулся?

- Откуда я знаю, — недовольно ответила Марина.
- А кто же знает? — не унимался Пал Палыч.
- НИКТО, — был ответ.
- Они поссорились! — громко оповестил Павлик.
- Не может быть. Они никогда не ссорятся.

Они никогда не ссорились, не считая стародавнего розыгрыша, устроенного Максом. Казалось, этого и впрямь не может быть. И вот — взяли и разругались, на глазах не просто у всех, а у всех-всех-всех, причем без помощи злопыхателей и тайных врагов. Сами справились.

- А что он пишет? Как ему Египет?
- НИКАК.

За две недели не пришло ни одной эсэмэски. Это было непостижимо. Когда Ник первый раз после их знакомства отправился в поездку — по Золотому кольцу¹, — от него за четыре дня пришло сорок посланий. Маринин мобильник чаще звонил, чем молчал. «Мы во Владимире», «Мы в Суздале», «Я в Переславле-Залесском на колокольне — круто!», «Я на Плещеевом озере — супер», «А что ты сейчас делаешь?»...

— Наверно, никто не захотел извиняться, — предположил Пал Палыч и пропел дурацким голосом допотопную песню:

*Ему сказала я: всего хорошего,
А он прощения не попросил!*

Марина подскочила, взлетела по лестнице и хлопнула дверью своей комнаты так, что Рольд проснулся и гавкнул.

- А что я такого сказал? — озадачился папа.

Зазвонил мобильник. Марина бросилась к нему — это оказалась Жанна.

- Привет. Ты там как? С Берестовым помирилась?

¹ Об этом рассказывается в романе «Ирина и Лена».

И эта тоже! В школе Рафаэль и Рудик первым делом поинтересовались тем же самым.

— А я не ссорилась! — выпалила Марина. — Я праздник никому не портила!

— Он так и не позвонил? — сообразила Жанна. — А сама ты не собираешься?

— Я?! Еще чего! Ты что, считаешь, что он прав?!!

— Ничего я не считаю. Это он думает, что занимает исключительное положение, а не рядовое место в твоей свите. А что, не так? Не занимает? Ну, пока. А я бы на твоём месте позвонила и всё выяснила. Надо хотя бы попробовать. Принцесс, знаешь, и кроме тебя полно.

Еще чего не хватало — выяснять отношения! Что это за отношения, которые надо выяснять! Так не успеешь оглянуться, как превратишься в идиотку с истеричным голосом, которая одновременно ноет, угрожает, вымогает и жалуется! Марина слишком хорошо помнила, как *это* звучало в раздевалке, и не собиралась в *это* превращаться. Вторая роль, с нудными оправданиями, была еще более идиотской.

Мобильник опять зазвонил. Но Марина, не обращая на него внимания, распахнула раму и со всего размаха запустила за окно горсть камешков. Дельфинчик, смайлик, голова Пушкина, бутылочный, кирпичный, полосатые, в крапинку и множество белых исчезли в засыпанном снегом лабиринте.

Любовные письма

МАРИНА брела в школу. Сугробы по обочинам, срезанные бульдозером, который расчищал дорожку, были бесконечным куском воздушного торта с белыми и кремовыми слоями. Как кольца на пне показывают возраст дерева, слои заключали в себе историю этой зимы. Самый нижний

был белоснежным первым снежком, когда всё еще было замечательно... Дома на новогоднем столе тоже стоял чудесный торт! А она даже вкуса его не почувствовала!

Обойдя огромный тополь, росший посреди тротуара, Марина машинально обернулась на колышущуюся бумажку. На ствол постоянно цепляли объявления о распродажах или концертах в Доме культуры. Но вместо того чтобы двинуться дальше, вернулась, подошла вплотную и перечитала текст. На стандартном листе было напечатано огромными буквами: «ДАВАЙ МИРИТЬСЯ!».

Не зная, что об этом думать, Марина пошла дальше. Таких объявлений ей встречать еще не приходилось. И таких, как на перекрестке. На углу забора висел еще один лист со словами: «МНЕ ЖАЛЬ, ЧТО ВСЁ ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ. ЭТО БЫЛ САМЫЙ ДУРАЦКИЙ НОВЫЙ ГОД. ДАВАЙ ВСЁ ЗАБУДЕМ!».

Спешащие мимо прохожие тоже приостанавливались или читали на ходу. И Марина тронулась с места, всё еще не будучи уверена, что призыв предназначенся ей.

Перейдя через дорогу, она в этом убедилась. С массивной афишной тумбы на нее смотрело еще одно «объявление»: «МАРИНКА, НЕ НАДО ОТ МЕНЯ ПРЯТАТЬСЯ! ОТВЕТЬ, КОГДА Я БУДУ ЗВОНИТЬ, ИЛИ ПОЗВОНИ САМА!».

И чтобы не осталось сомнений, на каждом дереве до самой школы, и на школьных воротах ее встречали такие же листы. За спиной раздались взрослые голоса:

— Это самые трогательные любовные письма, которые я видела!

— А я никаких не видел, мне их никто не писал.

— Как думаешь, она ему ответит? Они помирятся?

В раздевалке, едва Марина переступила порог, ее окружили девчонки из класса. Инесса и Ванесса спросили хором:

— Ну что, помирились? Позвонила уже?

Рудик и Рафаэль выдали те же вопросы.

Марина пошла назад. Дежурные беспрепятственно ее

пропустили. На всем обратном пути она снимала один лист за другим. А вернувшись домой, вместо того чтобы подняться на крыльцо, пошла под свое окно и начала разгребать снег.

Пальцы быстро замерзли даже в перчатках, а отыскать удалось только пару полосатых и голову Пушкина. Остальные поглотил лабиринт. Вспомнив слышанную где-то фразу «Время собирать камни», Марина достала мобильник.

Пошли они все со своими дискотеками

ДАЛЬШЕ они прогуливали уже вдвоем. Сначала обошли все аллеи в парке, главные и неглавные, и все скульптуры из снега на центральной площадке — от Деда Мороза и Снегурочки до трех поросят, знаменующих наступивший Год кабана. Ник рассказывал об африканском путешествии, но оставалось еще пол-Египта, а носы и ноги уже начали замерзать. Неподалеку была «Забавушка». Марину там ждало открытие: такие потрясающие эклеры, как никогда.

— Эти каникулы были такими безвкусными, — призналась она. — И новогодний торт, и подарки, и вообще всё.

— Мы больше на это не попадемся, — пообещал Ник. — Пошли они все со своими дискотеками.

— Почему? — не поняла Марина. — Мы что, не будем ссориться, только если никогда никуда не пойдем?

— Да нет, я же понимаю: ты девчонка, тебе нужно, чтобы на тебя все глядели, — туманно произнес Ник.

— Ты в самом деле так считаешь? — И тут же додумала: — И что это я во всем виновата, потому что на меня все смотрели?

— Ну, может и я. Не фиг было при всех... Их не касается. Надо самим разбираться.

Марина забыла про пирожное.

— Так дело только в том, что нельзя орать при всех? И ты правда думаешь, что это ты решаешь, с кем мне танцевать и сколько?

— Да, — твердо сказал Ник. — Ты же со мной пришла.

Марина смотрела на него во все глаза. Он в самом деле претендует на исключительность!

— Ты же моя девушка, — добавил ее приятель, готовый переться на край света, чтобы показать ей что-то необычное, или, наоборот, отменять свои самые интересные планы, готовый еще на кучу всяких подвигов, и вообще — готовый? — казалось бы? — на всё? И как до него достучаться?

— Я думала, мы прежде всего — друзья. А то, о чем ты говоришь — технологии власти, — не менее твердо проговорила Марина, вспомнив слова самого Ника. — И не имеет ничего общего с нормальными человеческими отношениями. Я на это насмотрелась. У нас в школе парочки как только начинают встречаться, так всё сразу превращают в разборки. Кто как на кого посмотрел, кто кому чего сказал, позвонил или не позвонил, кто к кому не должен подходить. Короче, бред. Как будто встречаться — это только и делать, что контролировать друг друга. Я думала, что уж у нас-то всё нормально, мы никогда не скатимся в этот примитив.

— Никогда нормально не было, — немедленно возразил Ник. — Это ты всё хочешь держать под контролем. Чтобы всё было по-твоему. И все — при тебе.

Слово «все» он произнес с нажимом. Марина тут же вспомнила еще одно слово — «свита», из разговора с Жанной, и возмутилась:

— Нет, это ты начал ставить условия! А мне они не подходят.

— Тогда я пошел, — не раздумывая ответил Ник, действительно поднялся и вышел из кафе.

Не уроки же учить

— НЕТ, папа, это невыносимо! Я думала, что всё уже позади и мы никогда не расстанемся!

Марина даже плечами передернула, снова ощутив холод пустоты, который обступил ее тогда — хотя кондитерская оставалась всё такой же уютной и жарко натопленной. Та самая «Забавушка», в которую она только что заходила совершенно счастливой, а вышла оттуда — совсем одна.

— А вы разве расстались? — уточнил Пал Палыч, откладывая книжку на край стола. — А это не очередное недоразумение? Может, ты все-таки присядешь, и позавтракаем вместе? А то я уже привыкаю читать за едой — по-моему, это еще скучнее, чем закрываться с кусками в своей комнате.

— Если ты заранее считаешь, что всё — ерунда, зачем тогда спрашивать! — вспыхнула Марина и понеслась с тарелкой к себе наверх.

Пал Палыч успел проговорить:

— Вот прочитал сейчас, что два главных вопроса, которые люди выясняют во все времена, это «ты меня любишь?» и «кто главный?». И вокруг этого вертится всё — любые сюжеты, исторические события и житейские драмы. Мы с твоей мамой выяснили только первый вопрос, до второго, наверно, не успели дойти — и были счастливы.

— Ну, а у нас он встал сразу, — бросила Марина и хлопнула дверью.

В школу, конечно, можно опять не ходить, но тот самый холод одиночества окружал ее теперь и дома, в собственной комнате. Которая с незапамятных времен была заполнена голосами друзей, а журналы и мелкие вещички на столе хранили тепло их прикосновений. Теперь здесь словно на заброшенном причале. И чем заняться, не поймешь.

Нет, даже Рахиль и алгебра лучше.

Инесса и Ванесса подошли, как обычно, вдвоем.

— Мы решили сами тебе сказать, — это прозвучало хором.

Инесса добавила:

— А то мужчины такие мямли.

Ванесса уточнила:

— Ну, чтобы какая-нибудь путаница не началась.

— А вы о чем? — не поняла Марина.

— О Рафаэле и Рудике, — отвечали близняшки.

Инесса объявила:

— Я теперь встречаюсь с Рафаэлем.

Ее сестра завершила:

— А я забираю Рудольфа. Тебе ведь они не нужны. Ну, то есть, с этой точки зрения. Вы же просто друзья детства, и всё такое. В общем, мы решили сказать, чтобы ты была в курсе.

— Вы, главное, сами не запутайтесь. Приколите бейджи или привяжите какие-нибудь бантики, — попыталась пошутить Марина, но сама услышала, что как-то это не весело звучит.

Она совсем не ощутила той легкой, моментальной радости, как от сообщений Артура, а потом Жанны о том, что те обзавелись парами. Или тогда она не за них радовалась, а... за себя? Потому что сама так эффектно выглядела, такое суперское было платье, так чудесно кружился снежок, и рядом был Ник, и они вместе шли на новогоднюю дискотеку, и он смотрел на нее так... чудесно? Опять «чудесно»?

Стоп. Она же требовала «нормальных человеческих» отношений. А они правда никогда не были «нормальными». Они всегда были только чудесными. А теперь нет никаких, нет ничего! Нет даже радости за старых друзей! Она совершенно не способна порадоваться за двух этих охламонов, которые, дожив до пятнадцати лет, наконец решились начать с кем-то встречаться.

И более того — она, кажется, хотела бы, чтобы Рудик и Рафаэль остались при ней, чтобы опять сидеть за партой втроем и чувствовать, как эта группа поддержки вытесняет ЕЁ пустоту и ЕЁ одиночество. Кажется, ей действительно нужна «свита». А сама по себе она что же — не может существовать?

Разумеется, на всех уроках, кроме алгебры, Рафаэль теперь сидел с Инессой, а Рудик — с Ванессой. Марина осталась одна. Вся жизненная энергия уходила на то, чтобы просто сидеть на своем месте и поддерживать равновесие — как когда учишься кататься на коньках или роликах.

Конечно, никто на нее и не смотрит, одноклассники думают, что у нее всё хорошо. Они же знают, что у нее есть парень, с которым она недавно на глазах у всех поссорилась, а потом так же, на виду у всего Белогорска, помирилась. Вот пусть и думают дальше. Так лучше всего. Значит, надо привыкать к этой окончательной пустоте вокруг — и внутри — себя.

И дома тоже. Так же, как Артур и Жанка, Рафаэль и Рудик теперь вряд ли станут то и дело сюда забегать. Их жизнь заполнена новыми отношениями, новыми событиями — в отличие от ее собственной. А что же раньше? Марина с недоумением огляделась. Из чего обычно состоял ее день? Все вместе были в школе, все вместе шли домой — а потом кто-нибудь звонил, заходил, и опять: вместе учили уроки, просто болтали, отправлялись гулять...

Да она же никогда не оставалась одна, сама с собой! Наоборот, ее всегда на всех не хватало: если ее перехватывала школьная компания, значит, Нику не везло — он никогда не любил тусить с ее друзьями; ну а если Ник опережал — компания оставалась с носом.

А ведь когда-то она об этом уже думала! Ну, о том, бывает ли сама собой, или она всего лишь зеркало своих друзей. Которое само по себе — прозрачное пустое место. Уже приходили эти мысли, но она просто отогнала их, и всё. И вот теперь всплыл ответ: пустое место. Всего

нескольких дней без Ника и друзей хватило, чтобы это понять. Конечно, они и раньше подолгу не виделись — на каникулах, например, но сознание того, что они у нее есть, прикрывало эту дыру.

Теперь же, представив, что в эту комнату больше НИКТО НИКОГДА не придет, что с этого дня жизнь ее не будет течь, как раньше — привычное русло осталось, а поток изменился, — Марина обнаружила, что не знает, как жить. Что делать с самой собой. Всё это необозримое время будущей жизни — минута за минутой, час за часом, день за днем! Не уроки же учить.

Я кончу жизнь ничтожным человеком

— СЛУШАЙ, а что там у тебя со школой? То есть, я знаю, что ты туда почти не ходишь. А с отметками что? Рахиль в меня вцепилась на улице, отчитала за родительское собрание, на котором я не был. А я о нем и не знал. И не сходя с места провела индивидуальное, для меня одного.

— Ну, тогда ты всё знаешь. Чего у меня спрашивать? Ты можешь не мешать?

Пал Палыч прислушался. Из радиоприемника доносились:

*Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы, — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!*

Дочка сосредоточенно, как будто первый раз слушала стихотворение про парус одинокий и вертела в руках свою кружку с таким же парусом. Лучше бы Павлик этим интелесовался! Пал Палыч пожал плечами и пошел ужинать.

Передача продолжалась: «*Это стихотворение, написанное восемнадцатилетним поэтом, было вложено в письмо с отчетом о столичных впечатлениях. Было над чем задуматься и Вареньке Лопухиной, и ее домашним. Мятежи и метания „дорогого Мишеля“ были непонятны. Поклонник Варвары был странным юношей. Оставить навсегда город, в котором был „безмерно счастлив“? И пусть бы причина была уважительная, так нет — химера. Он, видите ли, жаждет бури, сам напрашивается на „печали“ и „страдания“, и это он, милый Мишель, бабушкин баловень, рожденный, в чем уверял совсем недавно, „для вдохновений мирных“? В том же письме, не надеясь, видимо, на поэтические инсказанья, „беглец от счастья“ делает еще одно признание: „...Тайное сознание, что я кончу жизнь ничтожным человеком, меня мучит“».*

Из гостиной донесся смех: Павлик показывал фокус с шоколадкой, но что-то пошло не так, и они ее просто ели. Еще и Рольду суют.

— Вы что, не знаете — собаке нельзя, — строго сказала Марина, выходя к ним.

Все притихли, но Пал Палыч тут же начал рассказывать забавную историю о своем знакомом, который заходил за юридическим советом и только что ушел.

— Что, совсем не смешно? — спросил он в конце, когда Марина так и не улыбнулась.

— А что должно быть смешно? — нахмурилась она. — То, что у нас проходной двор и твои клиенты валят толпами? И вечно торчат тут, внизу — всё время надо с кем-то раскланиваться? А может, я не хочу никого видеть!

Да, она хотела быть и хмурой, и злой. И сама прекрасно знала, что злится не на то, что папины пришельцы захватили гостиную — к папе народная тропа никогда не зарастала, — а на то, что это к ней никто не приходит. И на всех домашних, которые отлично это понимают. И на себя — за то, что злится на всё это, вместе взятое. А еще на Мишеля Лермонтова, который бросил любимую девушку

и укатил в столицу развивать свой талант, о чем и сообщил той в стихотворении — а Марина всю жизнь думала, что это про парус и море.

Интересно, можно злиться еще больше? А что, если эту способность тоже можно развить? Причем беспрепятственно: домочадцы такие тактичные, будут и дальше терпеть и делать вид, что всё в порядке, чтобы не потревожить ее в несчастье и депрессии. Вот Дора — ловит каждый взгляд, чтобы чем-нибудь угодить, как-нибудь облегчить страдания.

— А можно не смотреть на меня, как на больную? — не выдержала Марина.

Дора вздрогнула и ушла на кухню. Зашевелившуюся совесть надо было срочно заглушить новой порцией хамства. Марина уже начала ее придумывать, как заметила в распахнутую дверь, что Дора потихоньку убирает с полки кружку с Наполеоном на коне — кружку Ника. Та, должно быть, с прошлого года мхом поросла. А перехватив Маринин взгляд, снова вздрогнула — и выронила кружку. Не реагируя на испуганный вскрик, Марина прокомментировала:

— Туда и дорога. Не разбилась? Надо же. Этого Наполеона кувалдой не убьешь.

Удивительно, как быстро все расплозлись от семейного очага! Даже Рольд. А раньше готовы были торчать тут безвылазно. Нет, кажется, папа тащится обратно. Говорить об успеваемости. Выполнять родительский долг. Это Рахиль его накрутила. Ну точно — завелся.

— ...Можно вообще никогда и никуда не выходить. В новостях рассказывали про хикки, который просидел в своей комнате до сорока лет и вышел из нее, только когда его родители умерли. Потому что еда кончилась. Ну, тут беспокоиться не о чем — меня надолго хватит. А что касается школы, то ты знаешь, что я никогда не делал трагедию из ее посещения или непосещения. Я всегда был на твоей стороне. Для меня главное — чтобы ты справлялась

с программой и отметки были нормальными. Но ведь всегда так и было! А сейчас, как оказалось, положение серьезное.

— Очень жаль, что оно такое серьезное, — отозвалась Марина. — Но знаешь — мне, если честно, наплевать.

Папа продолжал выдерживать роль идеального папы — не разнервничался, не раскричался.

— Послушай, ничего безнадежного нет. Всё это решаемо. Давай возьмем справку за пропуски. В конце концов, оформим экстернат. Я найду репетиторов, скоро весенние каникулы — хорошая возможность позаниматься. Потом сдашь зачеты — я договарюсь — и мы нормально закроем этот учебный год.

И Марина опять словно со стороны смотрела на сцену, где мерзкая девчонка отвечает идеальному папе злом на добро, говоря, что ей плевать и на этот учебный год, и на тот, и на всё, и на всех, и самое лучшее, что может произойти — это если ее оставят в покое.

— Но я не понимаю! — почти взмолился папа. — Ладно математика! Но литература, история! Ведь это надо было постараться — чтобы Иван Платоныч наставил тебе двоек! Надо было сделать что-то невероятное! Ты же сама выбрала гуманитарный класс, тебе всегда нравилось там учиться!

— Я ненавижу литературу и историю, — отрезала Марина. — Я ненавижу гуманитарный класс. Вот я «Архипелаг ГУЛАГ» прочитала. Я потом неделю ни спать, ни есть не могла. Что вы сделали с этим миром? Во что вы превратили эту страну?

— Это не я, — печально отвечал Пал Палыч.

— Они тоже были юристы. Судили и сажали. А писатель потом описал. А учителя заставляют читать. А меня потом с души воротит.

— Это история твоей страны, детка, — проговорил Пал Палыч еще печальнее. — В ней много было всякого. Если ты живешь здесь, то имеешь право знать. За то, чтоб у тебя была эта возможность, многие дорого заплатили.

— Так ты считаешь, что у вас есть право демонстрировать нам все эти мерзости, которые вы сотворили с этим своим миром? Что вы имеете право навязывать нам этот мир со всеми его мерзостями?

— Да ведь никто из нас на него не подписывался. Мы все в него пришли — и обнаружили те же самые мерзости, — развел руками Пал Палыч. — Однако всем приходится в нем жить — и радоваться жизни, и рожать детей...

— Рожать детей — в эту яму с земляными червями?! Не дождетесь!

Закрывшись в своей комнате, Марина прослушала из-за двери заключительную папину реплику:

— Мировоззренческие споры не освобождают нас от необходимости принимать житейские решения. А твои школьные проблемы — это дело житейское! Не требующее сверхчеловеческих усилий. Сама не будешь справляться — дай знать. Я уже сказал, я всегда на твоей стороне.

Потом было слышно, как вылез Павлик и осторожно поинтересовался у отца:

— Мы же всё равно ее любим? И с двойками, и без двоек?

Бедный малыш, тревожится за сестрицу. А вот она совсем не обращает на него внимание...

Запищала эсэмэска. От Жанны: «Приезжай в гости на каникулы!». Жанке она тоже совсем не пишет и не звонит.

Со двора донеслись голоса отца и Доры. Наверно, та уходит домой.

— Что может случиться самое страшное? Ну, завалит десятый класс. Ну, на второй год останется. Ну и пусть. Куда ей спешить? Что ей, в армию идти? — это папа.

А Дора — неожиданно строго:

— Она должна окончить школу и получить образование. Вы — отец, и должны об этом позаботиться. А вы готовы сразу сдать ее и всё пустить на самотек. Потом будет делать, что захочет — когда вырастет.

Потрясающе — Дора перечит папе! Как же она ее, Марину, любит, со всеми ее фокусами. Наполеон этот несчастный... Вот черт!

Перечень тех, кому плохо из-за того, что плохо ей, пополнялся. А в его логическом конце — или в начале? — был, конечно, Ник. Если ей так фигово, каково же всё это время ему? Марина перенеслась в то время, когда могла перейти из своей школы в гимназию. Ведь если бы тогда она решилась, они бы виделись каждый день — и обязательно бы помирились! Иначе и быть не могло! Это вышло бы так просто, почти само собой! А теперь ничего не происходит, всё остановилось, зависло.

Он не может позвонить. Он уже сделал первый шаг. Теперь ее очередь. Но вдруг это не так страшно? Жанна напомнила о весенних каникулах. А что, если и правда махнуть в Москву — им с Ником вдвоем? Сменить обстановку? Перестать заикливаться на том, что было, вообще об этом не вспоминать? Вернуться в тот момент времени, когда всё было хорошо!

Марина схватила мобильник, ткнула в номер Ника. Одним духом, пока не струсила.

— Привет, — отозвался Ник обычным голосом. Как будто не прошло трех месяцев! Значит, и он готов общаться, не вспоминая о прошлом! — А у нас каникулы уже закончились, — напомнил он, выслушав ее сбивчивую речь. — Теперь только в мае.

Марина застыла с открытым ртом. Как же она могла забыть о триместрах, на которые, вместо обычных четвертей, делится учебный год в гимназии? Там считают, что детям надо чаще отдыхать, и устраивают каникулы по другой системе. У них же никогда каникулы не совпадали! Ну она и дура! Вылезла с идеей! И быстро свернула разговор:

— Ну ладно, тогда пока. — Но тут же совсем нелепо добавила: — А как дела вообще?

— О'кей, — отрапортовал Ник. — Знаешь, где я канику-

лы провел? Ни за что не угадаешь! В зоопарке. Волонтером. Показывали народу, как куда пройти, следили, чтобы зверей не кормили. Еще потерявшихся детишек отлавливали. Круто? А ты как? Слушай, а почему в Москву? А если здесь где-нибудь? Наплевать на каникулы — выходные будут.

Марину захлестнула обида. Как она? Из школы вылетает! Разрушен весь ее мир! А некоторым всё нипочем, не жизнь — развлекуха! Сплошной зоопарк! Всегда всё о'кей! Ну конечно, ему же наверняка это надо для учебы в спецклассе. Академик Берестов номер два! Увы, он счастья не ищет! Он просит бури! Ему надо развивать свои способности, уж он-то не кончит жизнь ничтожным человеком!

Она оборвала разговор и тут же наступала Жанне ответ: «Приеду».

Самый легкий квест

В МЕТРО поджидал сюрприз: в круглом вестибюле станции «Смоленская», у газетного киоска, где они договорились встретиться, рядом с Жанной стоял... Артур.

— А что ж ты не сказал, что тоже едешь? — обрадовалась Марина. — Мог бы с нами на машине — меня папа подвез. — Но тут же вспомнила про «девушку из класса». Удивительно, как ему вообще удалось оторваться.

— Я не планировал, — подтвердил Артур. — Жанна позвонила...

— Давайте к делу, — урезонила их Жанна. — А то ходить-бродить придется до вечера. Если начнем сейчас болтать, то нас уже ничто не остановит. — Она достала свой крутой смартфон. — Короче, первое задание — найти загадочную букву М.

С этим они справились быстро, поскольку всё равно собирались сначала заскочить в «Макдоналдс» на старом

Арбате. Он как раз и начинался с нужной буквы.

Второй вопрос, насчет бронзового Пушкина, стоящего рука об руку со своей красавицей-женой, тоже оказался простым. В двухэтажный голубой дом напротив, где поэт провел медовый месяц, их водили раньше на экскурсию, и нужные для прохождения квеста сведения задержались в голове.

Третье задание касалось еще одной скульптуры — принцессы Турандот у Вахтанговского театра.

— Что-то подозрительно легко, — заметил Артур. — Мы просто гуляем по Арбату и совсем не напрягаемся.

— Ты сказал роковые слова, — покачала головой Жанна. — Обычно после них всё и начинается.

Квест по древним московским предместьям она выбирала сама. Весна стояла ранняя и теплая, хотелось просто погулять по солнышку — ну, или не совсем просто. Интернет-игра прокладывала им маршрут в зависимости от их же правильных ответов: отправив эсэмэску, они получали ориентировку и следующий вопрос.

— В Москве уже совсем нет снега, — заметила Марина, когда они петляли по арбатским переулкам. — А у нас весь сад в сугробах, в лабиринт никак не пробраться...

Но друзья ее не слышали: они увлеченно шагали, уткнувшись в смартфон и вдвоем читая подсказку. Было так здорово снова их видеть — оживленных, улыбающихся.

Бродилка привела к Гоголевскому бульвару, потом от Храма Христа Спасителя через Патриарший мост — на Берсеневскую набережную с фабрикой шоколада.

— И где этот дом с колоннами? — Артур вертелся вокруг своей оси сначала по часовой стрелке, потом против — но это тоже не помогло. — Вроде шли правильно.

— Начинается, — возвестила Жанна. — Я выбрала самый легкий квест, но ты сказал, что он легкий — и мы заблудились! Сейчас включу навигатор... Марин, я, честно говоря, рассчитывала на твоего следопыта. Что он будет нас вести, наслаждаться, а мы пока поболтаем. Почему ты

его не взяла? — И, увидев, как изменилось лицо подруги, задала еще один вопрос: — Я, что ли, чего-то не знаю? Вы ж помирились.

Ну да, вот на этом этапе они и перестали созваниваться. А сегодня Жанка сама постановила не болтать до конца игры. Надо же, а ведь всё это время — почти два часа! — удавалось *совсем не думать* о Нике. Марина наконец-то просто ходила, дышала и радовалась! Стоп. А это, что ли, значит, что она думает о нем постоянно?

— Ты своего молодого человека тоже не взяла, — ответила она полувопросительно.

— Квест — не его стиль. Его только постель интересует, — объяснила подруга, не глядя на сконфуженного Артура. — Ну и Артур не взял свою девчонку. Никто никого не взял, и всё отлично! А дом сейчас найдется. Включаем мозги.

Старинный красный дом с белыми колоннами, которые требовалось пересчитать, действительно нашелся. Но пришлось еще долго бегать вокруг него, он оказался огромным. Во дворе обнаружилось кафе, и они заскочили туда погреться. На вопрос «Что будете заказывать?» ответили:

— Ничего. Мы колонны считаем.

— А-а. Тут такие, как вы, уже с утра бегают.

То, что другие участники бродилок где-то рядом, придало бодрости. Еще кто-то пыхтит, ищет очередной объект! Носится вокруг следующего здания, чтобы рассмотреть на углах все таблички с номерами, сложить эти числа и отослать свой ответ, надеясь, что он правильный!

Жанна опять натянула рукава до кончиков пальцев. Артур заметил:

— Холодно?

— Руки замерзли. Перчатки не взяла, карманов нет.

Артур взял ее руку в свою, не менее холодную, и так они прошагали весь оставшийся путь — до самой Третьяковки, где квест заканчивался. Как бронзовые Пушкин и Натали.

И в очередном «Макдоналдсе», в котором решили погреться, сели вместе, не сговариваясь.

Игру прошли, и уже можно было и обсуждать ее, и вообще сколько угодно говорить, делиться новостями — но Марина, переводя взгляд с Артура на Жанну, поняла, почему долгожданный разговор не клеится. Эти двое вели другой, свой собственный, разговор взглядов и намеков, и это мог быть только диалог.

Ошибиться было невозможно. Марина каждый день видела то же самое — Рафаэль и Рудик со своими двойняшками сидели впереди нее. Она уже все обложки тетрадок изрисовала этими профилями, повернутыми друг к другу, попутно превращая их в волшебные картинки «два лица или одна ваза». Этим тоже изобразила, на салфетке — а они и не заметили.

— Жан, я домой поеду, — предложила Марина, когда девчонки оказались вместе у зеркала.

Вместо того чтобы обрадоваться, Жанна оскорбилась:

— Да ты что! Серьезно, что ли, кинуть меня хочешь? И как это будет выглядеть? Если у меня ночуете вы двое, то для родителей — это белогорские друзья приехали в гости. А для моего молодого человека — моя подруга со своим молодым человеком. А если будет он один — то это, извини, совсем другое дело!

— А ты хочешь... чтобы твой молодой человек... — Марина запуталась, подбирая слова.

Жанна потеряла терпение:

— Я пока не знаю, чего я хочу. Только то, чтобы Артур сегодня остался со мной. И он тоже этого хочет, если ты заметила. Мы с ним много разговаривали последнее время, просто не вылезали из скайпа. Ему совсем не прикольно с этой его метелкой — так же, как и мне с моим, кстати. Но я не хочу делать резких движений! Я просто хочу продолжить онлайн! Я, правда, рассчитывала, что ты приедешь с Берестовым, и он тебе не даст скучать... Но можешь телек посмотреть в комнате родителей — они оба уйдут

на ночное дежурство.

— Так это не экспромт? — наконец догадалась Марина. — Вы меня позвали для прикрытия?

— Ну да, — с неизменной прямолинейностью подтвердила Жанна. — А для чего еще нужны друзья? Мы все, вообще-то, целый год сидели и помалкивали, пока ты крутила свой роман. Теперь можешь раз в жизни сама посидеть?

Какие еще гостевые комнаты?

— ЭТО прекрасный морозоустойчивый сорт! Вы же видите, как пережили зиму жасмин и барбарис? И за шиповник можете не беспокоиться. К тому же он сразу начнет цвести.

Сотрудник Берестовского питомника, которого Пал Палыч приволок оттуда вместе с саженцами, нахваливал их Доре. Та предложила ему горячего чаю после ударной работы в саду, и он очень даже резво двинулся на кухню.

Кухня осталась единственным местом, где сохранились покой и порядок.

В Странном Доме стоял дым коромыслом. Пал Палыч устроил ремонт.

Марина пыталась нейтрализовать этот шквал энергии:

— Папа, да никому твои толпы не мешают! Да я больше всех люблю, когда в доме толпится народ! Я же назло тогда сказала, из вредности!

— То был глас судьбы, — изрек Пал Палыч, сваливая на стол груды каких-то бумаг. — Если бы ты не сказала, что сказала — как бы я узнал о том, что мне нужен кабинет? Я давно уже почтенный и знаменитый, а принимаю посетителей почти в прихожей. Или ты не думаешь, что я достоин кабинета?

Марина попыталась заговорить хотя бы о том, что удобнее устроить тарарам не сейчас, а летом, но Пал Палыч

ча было уже не остановить.

— Какой тарарам! Вы ничего не заметите. На майские каникулы уедем отдыхать, а вернемся — всё главное будет уже сделано. Лучше посмотри на образцы обоев. Что бы ты хотела для своей комнаты?

— Твой кабинет будет в моей комнате?!

— Нет, конечно, просто можно заодно и ваши с Павликом берлоги обновить. Он уже выбрал — вот этот романтический вариант с парусами и кусками географических карт. Твоему «пароходу» бы тоже понра... Ну, в общем, полистай каталог.

Итак, если сначала папа считал, что их с Ником размовки — это ерунда, то теперь он полагает, что пора всё обновить, начиная с интерьеров, и переходить к следующему жизненному этапу. Не застревать. Так ведь она и сама думала, что всё происшедшее — случайность, и надеялась, что они снова помирятся! Или продолжает надеяться?

— И вот это посмотри, — Пал Палыч подsunул толстую папку, Марина удивилась:

— Картины? Нет — это витражи? Но у нас уже есть круглое окошко.

— Понимаешь, — делился папа, — разноцветное окошко под крышей — это наша визитная карточка. Как и кораблик. А я хочу еще! Чтобы в каждой комнате! И везде — разные. Видишь, есть типовые геометрические узоры, они попроче. А это уже дизайнерские работы сложной конфигурации, со стопроцентным заполнением — настоящие картины. Тут и цветы, и готика, и пейзажи. Глаза разбегаются, да?

У Марины глаза не разбегались — она сразу выхватила вариант с синими цветами, похожими на ее адамово дерево, растущее у крыльца, и множеством птиц, больших и мелких, порхающих и гуляющих. Среди них и птица Феникс наверняка есть! Комната преобразится! А папа тем временем поручал:

— Выбери, кроме как для себя, еще и для гостевых комнат. Только не забудь учесть освещение, куда окошки смотрят — как будут работать восход и закат.

— Какие еще гостевые комнаты? — опять удивилась Марина. — Ты их реально собираешься устроить? А где? В доме на дереве?

— Про дом на дереве — это уж как Павлик захочет. А в Странном Доме, кроме Дориной каморки, должна быть хоть одна нормальная комната для гостей. Вечно мы народ в гостиной по диванам распихиваем! А места полно, только руки не доходят. Если перепланировать тот угол с кладовкой, а в темной комнате сделать окно... Пошли, покажу, какие есть идеи. Ночь не спал — озарение было!

Почему не доходили руки, Марина знала. В недоделанной комнате, которая считалась кладовкой, были сложены вещи, перевезенные из Москвы девять лет назад. Когда они переехали сюда уже без мамы. Это была ее комната, в которой она не успела пожить. Папа тогда сложил эти коробки и с тех пор не раскрывал, и никогда сюда не заходил. Значит, у него у самого начинается новый этап, если он решил оживить мертвую комнату.

— Восток и утреннее солнце, — определила Марина, подходя к окну. — Если здесь — в балконной двери — сделать тот синий вертикальный витраж с морем и дельфинами, то утром он будет сияющим и похожим на пляж. А ближе к вечеру потемнеет и превратится в картину подводного мира.

— Отлично, — одобрил Пал Палыч. — Море — твоей маме бы это понравилось. Мы с ней на море ведь так и не съездили. Сначала денег не было. Перестройка, продуктовые карточки — не до курортов. Потом копили на этот дом. У нас даже хохма была — «морская», которая моря не видела. Ее... и твое имя ведь значит «морская». Ну что, теперь прикинем, как выкроить мой кабинет.

Марина приоткрыла одну из коробок. Сверху лежала тетрадка с изрисованной обложкой.

— Это чья, мамина? Она тоже рисовала всякие рожи?!
А «Три источника и три составных части марксизма» — это что?

— Конспекты по истории КПСС. Тогда этот предмет изучали во всех вузах. После девяносто первого года его отменили, а мы еще застали, нам не повезло. Пошли в темную комнату — если расширить ее за счет коридора...

Марина приподняла тетрадь — под ней была истрепанная книжка. «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви». Прихватила ее — и на ходу еще раз полюбовалась из окна на свой лабиринт. Практически всё уже готово — кустарник вдоль забора высажен, дорожки проложены. Осталось сделать бордюры из тюльпанов — Герман Степанович этот уже привез луковицы...

Закуковала напоминалка в мобильнике.

— Уже бежать, что ли? — оторопела Марина. — Ничего не успеваю!

Еще совсем недавно время собственной жизни представлялось необозримым ледяным полем, как Арктика — не перейти и не освоить. А теперь приходится разрываться между папой с его грандиозными проектами переустройства мира, найденной книжкой — снова хочется читать, тюльпанами, ждущими посадки, и репетитором, к которому надо мчаться. Весна запустила этот процесс или неугомонный папа?

Проносясь мимо кухни, она заметила через открытую дверь, что Герман Степанович всё еще пьет чай. Кого же он напоминает? Ба, да ведь не кого иного, как папу! Очень похожие усы, только седые. Старичок-бодрячок.

Его помощь с лабиринтом очень пригодилась. Во-первых, он потрясающий садовник, а во-вторых, не пришлось общаться с мамой Ника. Она хозяйка питомника, и Марина боялась, что папа ее туда потащит — надо же было закупать посадочный материал, тянуть уже некуда. А та, конечно, подумала бы, что Марине нужен Ник, а не саженцы, что это предлог, чтобы к ним припереться. А ведь она уже почти

привыкла не думать всё время только о нем!

Марина нацарапала на брошенном в прихожей магазинном чеке нос и усы — и полетела по Зеленой улице в сторону дач. Город переходил в дачный поселок незаметно, улица просто продолжалась, только меняла название. Многие дачники жили здесь круглый год, как и Юрий Георгиевич, бывший инженер, который теперь помогал школярам исправлять двойки по математике. Когда Марина увидела его первый раз, то по ярким веснушкам поняла, что он рыжий. Точнее, был — теперь снежно-седая шевелюра его не выдает.

Репетитор дал задание, а сам убежал — у него что-то произошло, кажется, антенна с крыши свалилась. Марина всё решила и начала перебирать учебники, стопкой лежащие на столе. Из одного вылетела старая фотка — семейство на фоне Благовещенской усадьбы еще до реставрации, церковь без колокольни. Куча улыбающегося народа — мужчины, женщины, дети разных возрастов — и все рыжие! Союз рыжих. И Юрий Георгиевич среди них, тоже рыжий! То, что ее догадка подтвердилась, было так забавно и так здорово, и Марина почему-то подумала: один — ноль.

Потом она раскрыла другой учебник и обнаружила, что тот подписан: NikVer. Жирным черным маркером. Знакомым почерком. Стало одновременно и грустно и радостно, она даже озадачилась — как это могут быть два таких разных и таких отчетливых состояния в один момент. Как будто сразу утренний и вечерний витраж. Они сидят здесь, за одним столом, только в разное время! Но тут же счет обнулится: ну и что. Да здесь полгорода бывает.

— Ну-ка, ну-ка, как дела? — Юрий Георгиевич заглянул в ее тетрадку и, потирая руки, довольно произнес: — Замечательно! Мы очень быстро продвигаемся, я и не ожидал.

День рождения придется отменить!

— НАДО ЖЕ, — проскрипела Рахиль, проверив контрольную.

Вообще-то она заставила Марину выполнить ее еще раз: оставила после уроков, дала другой вариант и не сводила глаз, и даже не моргала. Конечно, можно было возмутиться, заявить, что не списывала, встать в позу — но Марина заглянула в задание, увидела простенькие уравнения, кучу которых уже перерешала в дачном домике, и предпочла бегом настрочить еще один листок, чтобы скорее отвязаться. И скорее оказаться в своем лабиринте. Сегодня они с папой едут выбирать садовых гномов!

Рахиль еще раз всё проверила и, явно не зная, что сказать, выдала:

— Откуда что взялось? А впрочем, твоя мать была способна к математике. Папенька-то у нее всё списывал!

И хотя комплимент был сомнительным, сам факт того, что Рахиль сказала о ком-то доброе слово, потрясал. Марина бежала домой, предвкушая, как расскажет об этом Павлику. Надо готовить мальчишку к жизни, ведь ему тоже в недалеком будущем предстоит через всё это пройти. Рахили наверняка хватит на еще одного Павлика Медведева, она продержится специально!

Но братик не заинтересовался. Он лежал на диване вялый, потухший, и сам заявил:

— Я заболел.

Марина подозрительно всмотрелась в него, сразу подумав о какой-нибудь контрольной, которую ему, вероятно, не хочется писать. Но Павлик был неподдельно бледен и плох. Вот жалость — в выходные его день рождения.

— Дора сейчас придет и что-нибудь сделает, — успокоила Марина. — До дня рожденья заживет.

— Нет, нет! — взволновался Павлик. — Я не поправлюсь до дня рождения! День рождения придется отменить! Ты

обзвони всех, прямо сейчас обзвони!

И не успокаивался, не слушал о подарках, тортах и шипучке. Это было что-то невероятное. Ну, может, папа разберется.

Но потом Марина передумала и решила разобраться сама. Она заметила в глазах у брата страх — и это у Павлика, который не боится висеть на перилах и строит дом на дереве! А чего он боится? Не дня же рождения?

— А ну колись. Я вижу, что ты правда больной. Давай выкладывай, кто тебя до этого довел. Мне-то ты можешь сказать? Я что, могу чего-то не понять? Я что, не придумаю, как это по-настоящему вылечить?

И Павлик решился.

— Только никогда не говори папе. Поняла? НИКОГДА.

Пришлось поклясться. Павлик выдохнул:

— Это всё девчонки.

У Марины глаза полезли на лоб. Она вытаращилась на их милого беби — Павлик был хорошеньким мальчиком, довольно высоким для своих почти уже девяти лет.

— Девчонки?! Да все девчонки должны быть в отпаде от такого парня, как ты!

— Нет! Не надо! — почти завопил Павлик и, захлебываясь, поведал: — Это всё Дашка и Арина. Они подошли! Они сказали! Они говорят, что я — должен! — выбрать! — одну из них! Чтобы она стала моей девчонкой! И я ДОЛЖЕН буду с ней ХОДИТЬ!

В глазах его был ужас.

— Ну и что? — не поняла Марина. — А что это значит?

И братик начал перечислять: угощать мороженым, покупать шоколадки, дарить подарки — каждый день такие-то, по праздникам такие-то. Существовал, как оказалось, конкретный прејскурант. Но это было еще не всё.

— Я должен буду проводить с ней всё свободное время! Представляешь — ВСЁ! Я не должен буду играть со своими друзьями. Только с ней! И в кино — только с ней! Я должен буду провожать ее из школы! Я должен буду тащить ее рюк-

зак!

Это страшное ДОЛЖЕН повторялось еще множество раз. Ох уж эти девушки из класса.

— Павлик, — решительно заявила Марина, выслушав до конца, — успокойся и забудь. Ты ничего из всего этого не должен. Девчонки просто играют.

— Нет-нет, — опять заволновался брат. — Они серьезно! У нас некоторые в классе уже ХОДЯТ с девчонками!

— И всё покупают, и всё выполняют? — озадачилась Марина.

— Да.

— Ну, это их дело. А ты не обязан ни с кем ХОДИТЬ, пока сам не решишь, что тебе это надо. И условия вы будете сами определять, а не выполнять то, что придумал какой-то дурак.

Марина прислушалась к себе и решила, что — да, всё она сказала правильно. Если не углубляться в то, что один может захотеть одних условий, а другой — вообще никаких.

Павлик заметно начал успокаиваться, только еще раз попросил подтверждения:

— Не говори папе, и Нику тоже не говори. Вдруг они подумают, что со мной что-то не так.

— С тобой всё так, — заверила сестра. — Все настоящие мужчины сказали бы то же, что и я. Что ты свободный человек и сам принимаешь решения. А насчет Ника вообще не волнуйся, мы с ним с Нового года не разговариваем.

— Ну, на твой-то день рождения он придет?

Дни рождения брата и сестры шли один за другим, у Павлика — в конце апреля, у Марины — в конце мая.

— Не придет. И никто не придет. Я не хочу никакого дня рождения и не собираюсь никого приглашать.

— А почему?

— Ну, ты же не хочешь. И я не хочу.

Что-нибудь должно остаться?

МАРИНА шелкала разноцветными прищепками. Обычно к дню рождения она развешивала по комнате свои успехи: грамоты за участие в каких-нибудь конкурсах и олимпиадах, самые крутые школьные работы — в основном для Доры, которую ее пятерки особенно умиляли.

На этот раз вывешивать оказалось нечего. Прямо по Пушкину — год прошел как сон пустой. Марина обнаружила, что ей нечего вспомнить, кроме своих терзаний из-за ссоры с Ником. Ни интересных фильмов, ни захватывающих книг, ни запавшей в память мелодии... ни поездок, ни вечеринок, ни новых знакомств — она приплелась совершенно ни с чем к этому финишу. Да еще и растеряв то, что было. Точнее, потеряв главное.

Внизу шумели гости. Павлик передумал: его день рождения отмечали и в компании второклассников, и в тесном семейном кругу, и в расширенном — друзья Пал Палыча заявили, как обычно. Доктор Лончинский, отец Жанны, приехал из Москвы вместе с дядей Аликом, майор Фольц забил на безопасность Белогорске.

Сидя у себя и слыша их веселые голоса, доносящиеся снизу, Марина могла убедиться в том, что связь времен не распалась — по крайней мере, папина компания собралась на традиционный мальчишник в полном составе. Никому не надоело, никто не предпочел других знакомых и не нашел более интересное занятие.

И всё же время течет для всех по-разному. Сегодняшняя пирушка это только подчеркивает. Солнце заливает мир, обещая лето впереди, каникулы, поездки, встречи и целую будущую жизнь со множеством апрелей. В позапрошлом году этот день был таким же ярким. Ника еще не было рядом — но он *почти был*, он вот-вот уже должен был появиться! И сейчас всё так же светит солнце. Всё так же резвятся гости Павлика всех возрастов. Всё тот же

торт на столе — любимое «Волшебное кольцо» из «Забавушки».

А она сидит одна в своей комнате. Ее «братство кольца» распалось, а Ника *уже нет* рядом. Папа пронес свою школьную дружбу через всю жизнь: первая любовь превратилась в семью, пусть и ненадолго, а компания — та всегда рядом. А она только обманывала себя, думая, что объединяет всех друзей, и что это кому-то нужно и так же дорого, как ей. Куда же всё исчезло?!

И в конце книжки из пыльной коробки был тот же вопрос: *«Что-нибудь должно остаться. Всё не может пройти. Иначе куда же... куда же девается наша верная дружба навеки?..»*

Три букета

МОБИЛКА оказалась забыта даже не дома — она валялась на крыльце и, должно быть, давно уже надрывалась. Марина схватила ее — и Жанна без всяких вступлений завопила:

*У тебя сегодня днюха,
Смело тащим все за ухо!
Не кривись и не красней,
Будь на днюху веселей!*

— А я первый раз отмечаю без застолья и гостей с букетами, — сообщила Марина. — Знаешь где? В парке! Там сегодня День славянской письменности — ну, эти двое, Кирилл и Мефодий, азбуку придумали, чтоб нам не скучать. И вот мы все — папа, Рольд и Павлик — ходим по празднику и покупаем всё подряд: мороженое, попкорн, сладкую вату. Дошли до шашлыка. И тут выясняется, что я забыла мобилу! Бегу домой, пока они торчат в очереди,

а ты как раз звонишь!

— Супер, — одобрила Жанна и начала сама рассказывать — как у нее дела с Артуром, но почувствовала, что подруга отвлеклась: — Что, еще кто-то рвется поздравлять? Вечером договорим!

Продолжать разговор с Жанной было невозможно. К Странному Дому приближался Артур с большим букетом розовых тюльпанов.

— Ты дома? Здорово! А я не дозвонился и — вот зашел. Поздравляю!

— А я решила не отмечать, — еще раз объяснила Марина, — я почти ушла уже. Ты мог меня и не застать.

— Ну, значит, повезло.

Гость не спешил уходить. Они присели на крыльцо, и Артур подробно рассказывал, как дела в гимназии, как — на подготовительных курсах. Когда он перешел к девушке из класса, перебить стало совсем уж неудобно — ведь это был настоящий вопль души о том, как всё сложно и тяжело, как невозможно продолжать, а оборвать — еще невозможнее. Наконец Артур добрался до Жанны.

— Так вы теперь встречаетесь? По-настоящему? — переспросила Марина — Жанна ведь не успела озвучить, чем закончились их пробные свидания.

— Марин, мне важно знать, как ты к этому отнесешься, — выдал Артур. — Правда важно. Мы с тобой друг друга знаем практически всю жизнь, и у нас всегда были одинаковые интересы, мы говорили на одном языке. Ну, то есть, мы с тобой в нашей компании больше всех подходили друг другу. Я думал, это очевидно, но тут влез Берестов, начал корчить из себя альфа-самца... А сейчас я знаю, что вы давно уже с ним не видите. Он и в гимназию нечасто заглядывает...

Как нечасто?! А его победительный тон тогда, в конце зимы? А его зоопарки, его блестящая самореализация? Неужели прикидывался, а она всё приняла за чистую монету? Что там с ним на самом деле творится?!

Марина с трудом отвлеклась на Артура, который закончил говорить и смотрел на нее вопросительно. Так это она должна решать, встречаться ли ему с Жанной? Так Жанна, как и девушка из класса, просто заполняла паузу, прежде чем он решил объявить о том, что у них много общего? Только на девушку из класса ее позволение не спрашивалось, а на Жанну требуется благословение — или что требуется?

И тут Марина поняла, что надо посмотреть правде в глаза: от нее зависит, кому Артур понесет свой следующий букет. Сейчас — прямо в эту минуту — она может начать новый жизненный этап, следом за сменой обоев. Больше не нужно будет сидеть в одиночестве в четырех стенах. Убегающие один за другим дни больше не станут казаться напрасно прожитыми, прочитанные книги — неинтересными, события и разговоры — необязательными. У них с Артуром в самом деле много общего, им всегда было о чем поговорить.

— Артур, — наконец произнесла Марина, — я это ценю. Что ты интересуешься моим мнением. Я думаю, вы с Жанной подходите друг другу. И уверена, что у вас всё получится.

Мобильник продолжительное время предлагал папиным голосом: «Поговори с папой, поговори с папой», потом голос Павлика завопил: «Маринка, возьми трубку!» — и на него-то Марина уже отреагировала.

— Вы там как? Очередь подходит? Ну и я сейчас подойду. Меня тут поздравляли, пришлось задержаться.

Но калитка опять отворилась, и вошел Рафаэль — тюльпаны у него были розовые с белыми полосками и острыми зубчиками. Больше похожие на колокольчики.

— А я с утра звоню, звоню, — начал он, Марина рассказала свою историю о забытом телефоне — и оба снова уселись на крыльце.

— Вы с Инессой что же не в парке? Там праздник, музыка играет...

— Она не любит музыку, — трагически выдохнул Рафаэль.

— Кто?

— Инесса.

— Странно. У них обеих в плеере всегда что-то пищит.

— Попса пищит, — заявил Рафаэль мрачно. — Мы с отцом сейчас играем джаз. Она *не любит джаз*.

— Ну и что, — не поняла Марина. — Два месяца вам это не мешало.

И Рафаэля прорвало. Шашлык в парке остывал, папа с Павликом и Рольдом ждали, а ей приходилось слушать о том, как Инесса ничего не понимает ни в музыке, ни в самом музыканте. Ну кто же раньше не давал прийти пусть с этими же новостями, в любой другой, какой угодно день! Когда она тут сидела в тоске и трагических мыслях! Когда была бы рада любому визиту!

— Ничего она не должна понимать, — отрезала Марина. — И никто не должен. Инка имеет полное право не любить джаз! Ясно тебе?

— Ясно, — не сразу отвечал Рафаэль. И тут же встrepенулся: — Но ты же *понимала!* Ты всегда всё понимала!

Марина продолжала быть категоричной:

— Я — это я. А она — это не я. И нечего требовать от нее любви к джазу! Ходи с ней на свидания и радуйся, что у тебя клевая девчонка.

— Я требую?! — взвился Рафаэль. — Это она требует! Чтобы я слушал вместе с ней хрень всякую!

Марина начала догадываться.

— Так ты и не слушаешь? Поругались, что ли? Может, вас помирить?

Закралось подозрение, не заявился ли старый друг, как и Артур, с предложением — не озарило ли его, что у них всегда было много общего, и что прежние отношения комфортнее и гармоничнее новых? Но она на самом деле хорошо его знает — не надо всматриваться, чтобы увидеть, что Рафаэль сейчас напоминает Павлика, атакованного Даш-

кой и Ариной. Больше всего ему хочется выбраться из всей этой мути и заняться своими делами.

— Твой отец духовой оркестр под джаз приспособил? И где вы играете?

— Новый ресторан на «красной площади» открылся. «Рог изобилия» называется, может, видела вывеску? Ну и в парке по выходным всё лето будем... Блин, а мы ж сегодня выступаем! Только я забыл, во сколько. Ты говорила, там началось? Так я побежал, наверно. — И уже с улицы поинтересовался: — Слушай, а ты любишь джаз?

— Послушаю — скажу, — отозвалась Марина и, прежде чем отправиться в парк к своим, поставила оба букета в воду.

Этих нескольких минут хватило, чтобы Рудик ее тоже застал. Сирень он явно надрал напротив, у Петровны или Глебовны. Повторился обмен сведениями о невозможности дозвониться и о забытом мобильнике. Марина уже предположила, что Ванесса не уважает борьбу, боевики и футбол, и сейчас придется со всем этим разбираться, как третий ее друг заявил:

— А я попрощаться. Теперь не знаю, когда увидимся. Летом я буду на сборах, а в одиннадцатый класс не пойду. — И разъяснил: — Мне и в десятый идти было незачем. Я папке говорил. Лучше было сразу в милицейскую школу. Сейчас бы уже первый курс отучился. Я говорил — Рахиль мне всё равно не даст закончить, а он — хочу, чтоб ты как все, чтоб одиннадцать классов. А на фига? И год теперь пропал.

— Как пропал? — расширила глаза Марина. — Она тебе что, тройбан не хочет ставить?

— Не хочет. Я забираю документы и поступаю в милицейскую школу, как после девятого. Это в области, но далеко, так что мы с тобой теперь только по праздникам...

— Нет, погоди, — не верила Марина. — Неужели ничего нельзя сделать? Ты знаешь, я ведь тоже была на вылет, в очередной раз, и алгебру жуть как запустила. Но тут есть

такой старичок, Юрий Георгиевич — мозги на место ставит в момент. К нему весь Белогорск ходит. Очень быстро можно всё нагнать!

— Это ты можешь быстро, а не я, — спокойно ответил Рудик — так спокойно, что Марина похолодела и поняла, что это правда. Что Рахили все-таки удалось вышибить из школы одного из них.

Как же она это пропустила! Почему не узнала раньше? Чем была занята?! Думала только о том, что Фольц променял старых друзей на близняшку — и в упор не видела, что у него проблемы, и серьезные.

Но Рудик довольно самокритично заявил:

— Да ладно. Я ж сам на учебу забил. Мне, типа, пофиг было учиться. А в милицейскую школу я всегда хотел, ты знаешь. И про то, что ухожу, хотел, чтобы ты первая узнала.

— Рудольф, ты особенный, — сказала Марина, вспомнив мультяшного олененка со светящимся носом и стараясь, чтобы голос звучал не совсем грустно. — Они там это тоже поймут. У тебя всё получится. Ты, главное, себе не врешь. А оттуда можно будет звонить?

— Это неважно. Позвоню. — И, уже уходя, предположил: — Может, и тебе уже валить из нашей школы? В гимназию, например? Никого ж, похоже, не остается. Рафаэль, может, в московскую школу уйдет — ну, в музыкальную, для гениев. Он что, не говорил?

Поехали со мной

— ПРОСТИ, пап, я никак не могла вырваться. Совсем тут застряла. Да, принимаю поздравления. Сами всё съели? Ну и молодцы. Веселитесь давайте, я сейчас подойду, и можем еще раз пообедать... Хотя нет. Не ждите. Потом перезвоню.

Ник стоял у калитки — без букета, с пустыми руками.

Неужели просто мимо проходил?!

Марина на мгновение в это поверила — и так рассердилась, что тут же испугалась своей реакции. Но ведь это то, что она столько раз представляла! Она же хотела именно этого — чтобы он просто взял и пришел! Чтобы появился — и всё, без всяких предлогов!

— Сегодня все без приглашения — и я без приглашения, — объявил Ник.

Все? Так он тут где-то был неподалеку? И давно? И слышал все разговоры?! Марина растерялась. Тогда, по крайней мере, можно обойтись без истории о забытой мобилке.

— Подождал, когда все разойдутся, — пояснил Ник. — У большого дерева. Оттуда ничего не слышно.

Мысли продолжали разбегаться в разные стороны, а сердце подпрыгнуло от радости: дождался! А сколько раз мог развернуться и уйти! Во время любого из этих визитов! Но Марина только выдавила:

— Я рада. Зайдешь?

Ник не трогался с места:

— Ты же не собиралась приема устраивать.

— Заходи не на прием. Папа ремонт учудил, посмотришь — у нас всё по-новому.

— Да я ненадолго. Только поздравить. Поздравляю.

— Спасибо.

«И это всё?! — с ужасом пронеслось в голове. — Нам обоим больше нечего сказать? Мы ведем себя, как два дурака! Нет, это я последняя дура! Я не то говорю! Я ничего не говорю! Я стою, как деревянная!»

— А это что? — вдруг спросил Ник. — Так вы его построили?

Марина сначала не поняла. Дом на дереве было отсюда не видно. Но одно из распахнутых окон отразило крону, из которой высунулась часть конструкции. Потрясающее зрение!

Через минуту оба уже сидели на трехметровой высоте.

— Видишь, пока ни стен, ни крыши, только эта платформа и опорные столбы. И лестница еще без поручней.

— Он же хотел веревочную?

— Веревочная тоже будет, с той стороны.

— Крепкая штука получилась! Пал Палыч сам соорудил?

— Павлик тоже много суетился, обеими руками действовал. Страшно гордится, что левая теперь не хуже правой!

— Ветки ради стен спиливать не придется?

— Нет, просчитали — вроде удается вписать.

— А кто так лестницу покрасил?

— Это уже я. Павлик аж трясся, как ему хотелось, чтобы каждая перекладина была другого цвета. Мы из магазина всю-всю краску выгребли!

— Лабиринт классный получился. Интересно, что уровни разные — цветы пониже, кустарник повыше.

— Так и было задумано! Тюльпаны отцветают, я их на бархатцы заменю.

— А с окнами что? Почему они цветные?

— Это папина мечта. Пошли, посмотришь — надо, чтобы свет падал снаружи!

Когда они спустились на землю, показалось, что Ник стал выше, чем зимой — на самом деле, что ли? Мог он так заметно вырасти?

— А у тебя теперь волосы длинные.

— Просто не придумала еще, как постричься, — ответила Марина, признавая, что эти почти полгода изменили их обоих, и одновременно озаботилась, не растрепалась ли прическа.

Ник протянул круглое зеркальце.

— Это тебе.

Марина сначала взглянула на свое отражение, а потом рассмотрела рисунок на крышке — пышный разноцветный букет. Улыбнулась: все-таки он с букетом! Потом присмотрелась — в нарисованной вазе были тюльпаны, фиалки,

пионы, розы, лилии, астры.

— Но они не могут все цвести одновременно. Весенние, осенние, летние...

— А это воображаемый букет. Фантазия. Такого не бывает.

— А у меня он есть?

— А у тебя он есть. Это старинная фламандская картина. Художника только забыл.

— Вы с мамой ездили куда-нибудь в Европу?

— Давай расскажу. Надо завалиться в «Забавушку».

Оба рассмеялись и отправились рассматривать витражи.

Внизу, в гостиной, были голубые и желтые ирисы. Ник их даже потрогал и распахнул окно, чтобы изучить стекло с другой стороны. С улицы доносился веселый автомобильный мотивчик, и еще девица ныла в телефон:

— Когда-а? А где-е? А почему так до-олго? Ты меня совсем не лю-юбишь!

В кабинете Пал Палыча узор был геометрический, а звуки с улицы всё те же:

— А как же я-я? Ты совсем не звони-ишь!

— Дачники, — пояснила Марина, переходя обратно в гостиную. — Понаехали к Петровне и Глебовне. Сезон начался. Шумят без конца, машины под окнами ставят.

— А у тебя какие планы на лето?

— Никаких — лето закончилось в мае. Папа свой отпуск отгулял, и на море мы уже съездили.

— Давай со мной! — загорелся Ник. — Я волонтером записался в археолого-географическую экспедицию. На Алтай. Они и старшекласников берут. А потом, может, еще раз на моря какие-нибудь сгоняем, мы ж хотели всегда! Ничего лето не закончилось, оно всё впереди.

— А каким боком к тебе археология? На раскопки обычно историки ездят.

— Да просто интересно, — беспечно мотнул головой Ник. — Там и с биофака тоже кто-то будет. Ну как, едем?

— А что у тебя в гимназии? — Марина вспомнила непонятную обмолвку Артура.

— Всё о'кей в гимназии, — не задумываясь ответил Ник. — А почему ты спросила?

В самом деле, разве может у него что-нибудь быть не о'кей? В любое время? При любых обстоятельствах?

— У самой-то всё нормально? С дружбанами разобралась? Ну, они к тебе поплакаться приходили.

— От большого дерева же ничего не слышно! — вспыхнула Марина.

— Это если не прислушиваться. Да я сочувствую: гора проблем у людей — с учебой, с общением.

— А у тебя не бывает?

— Когда-то — да, теперь — нет, — пожал плечами Ник. — Допустим, раньше я стеснялся общаться с девчонками. Казалось, что они совсем особенные существа и даже никогда не пишут. Ну, с этим всё прояснилось в детском саду. А теперь оказалось, что и разговаривать — ничего страшного. Можно вообще молчать, просто слушать, кивать и иногда вставлять: «Какая ты умная! Как интересно ты рассуждаешь! Я никогда не думал об этом с такой точки зрения». И всё — ты будешь дико популярен.

— И что, ты дико популярен?

— Вроде того.

— Зачем тогда меня куда-то приглашать?

— Ты цену набиваешь или правда не хочешь?

Набежала тучка, солнце уже не пронизывало витраж, и он превратился в темное цветное зеркало, где среди ирисов виднелись две головы, упрямо склоненные навстречу друг другу. Бой быков.

— Спасибо, что зашел, — холодно проговорила Марина, намекая, что визит окончен. — Приятно, когда старые друзья тебя не забывают.

— Ну, друзья так друзья, — с неуловимой иронией отвечал Ник. — Всегда пожалуйста. Никогда не понимал, почему женщины придают такое значение всем этим датам

и годовщинам. Мне на мой день рождения всегда было плевать, поздравят — не поздравят.

— Постараюсь запомнить.

— А как же я-я? Ты меня совсем не лю-юбишь! — ныл всё тот же голос с улицы.

Ник распахнул окно и весело крикнул:

— Да брось ты его, он тебя недостоин! Иди сюда — всё будет!

Послышался испуганный писк и дробный цокот каблукочков. Нытье прекратилось.

— Сбежала, — прокомментировала Марина. — А вдруг взяла бы и пришла — и что бы ты делал?

— Что пообещал, — пожал плечами Ник. — Ведь ты бы уступила свою комнату? Ты ведь говоришь, мы друзья. А для чего еще нужны друзья?

Марина вспомнила эту же фразу в исполнении Жанны. В глазах всё слилось.

— Знаешь, — не выдержала она, — я никогда не думала об этом с такой точки зрения. Ты такой умный! Проваливай.

Все ахнут

МАРИНА неподвижно сидела на крыльце и думала, что никогда не сможет с него подняться. Но когда в калитку ввалились Пал Палыч, Павлик и Рольд, она подскочила.

— Это еще что такое?!

— Это папа купил, — пыхтя, отвечал Павлик.

Он катил впереди себя огромный глиняный горшок. Горшок был в самом деле огромный — по пояс Павлику, и, надо думать, тяжеленный, потому что братик с трудом его толкал и еле пропихнул в калитку. Положение усугублялось тем, что круглый сосуд и катиться мог только по кругу, и очередную окружность он начал описывать на лужайке,

угрожая цветникам.

Марина кинулась на их спасение, Пал Палыч тоже подключился, Рольд помогал как мог – носился вокруг и лаял.

— Как бы переместить его в дом?

— Ты хочешь это — в дом?!

Чудовищное изделие и изготовило, должно быть, чудовище — вроде одноглазого циклопа, и находится ему следовало в какой-нибудь пещере.

— Это выставочный экземпляр, — с гордостью сообщил Пал Палыч.

— Папа еле уговорил, чтобы продали! — захлебывался Павлик.

— Я же всего на час вас оставила, — всё еще не верила случившемуся Марина.

— На два, — уточнил Павлик и перечислил по пунктам: — За полчаса мы всё съели. Еще полчаса дожидались тебя и гуляли по аллеям. Там был город мастеров! Я писал свое имя кириллицей, настоящим железным пером, и макал его в настоящие чернила!

Марина заметила на его рукавах чернильные пятна.

— А потом лепил горшки на круге, который вертелся!

Марина разглядела, что одежда обляпана еще и глиной.

— А потом папа увидел этот горшок и не хотел уходить, пока тетя не согласилась. И еще час мы ее уговаривали!

— Как же она его такой сделала? Какой величины был гончарный круг?

— Она не захотела рассказать, — вздохнул Павлик. — Секрет мастерства. Она снимает дом Лончинских. Может, этот круг там?

Тем временем Пал Палыч укладывал на ступеньки доски, предназначенные для дома на дереве, чтобы вкатить горшок на крыльцо, как по рельсам.

— Он отлично впишется в нашей обновленной гостиной! Все ахнут! Как вы думаете, куда его — в этот угол? Или к окну? Или к лестнице?

И горшок начал описывать круги уже по комнате.

Потом раздался радостный возглас с веранды — Пал Палыч обнаружил букет сирени, оставшийся неприбранным:

— О, гости приходили с дарами! Дочка, где там наша любимая ваза?

Он имел в виду ту легендарную аляповатую вазу, которую периодически прятали от его глаз куда только можно. Официально она была подарена Доре, но та ее пока не забрала, и игра в прятки продолжалась. Сейчас Марина как раз засовывала вазу в новый горшок.

— Давай, Павлик, скорее газету какую-нибудь — прикроем, и он уж точно не найдет. Ну, если ты хоть на это сгодишься, то мы с тобой подружимся, — обратилась она к горшку.

Всё пережито

ПРИСНИЛИСЬ бродилки. Только не московские — Марина шла по своему цветочному лабиринту, слыша голоса друзей, которые были где-то рядом. Добраться до них не составляло труда — ведь через завитушки из бархатцев можно просто перешагивать.

Но центр лабиринта с прозрачным стеклянным шаром на ножке не приближался. Знакомые дорожки приводили в тупики, вокруг выросли мрачные стены, и приходилось пробираться уже по каким-то этажам и лестницам — причем это были странные лестницы. Пространство искажалось на глазах. Опасные ступеньки, лишённые ограждений, поднимались на большую высоту — и вдруг утыкались в глухую стену без окон и дверей. Либо дверь была, но когда она распаивалась, за ней не оказывалось совсем ничего, кроме головокружительной высоты.

А голоса всё еще доносились, но такие слабые, что нечего было и надеяться докричаться самой. Потом ста-

новилось трудно дышать, она догадывалась, что лабиринт ушел под землю, и начиналась паника — теперь хотелось только спастись, только выбраться на поверхность...

И Марина выбралась — она проснулась. Ну, чтобы расшифровать этот кошмар, не нужны ни сонники, ни Дора. И так всё ясно.

Прихватив книжку и шоколадку, она отправилась бродить уже в реальности, по Белогорску. Лето стояло холодное, приходилось натягивать свитер и джинсы, но казалось, что на улице теплее, чем в доме.

Почему-то получалось, что Марина оказывалась то на старом причале, то в парке у клена, то у фонтана с рыбой — на их с Ником старых местах, как будто надеялась вдруг там его увидеть. Хотя прекрасно знала, что он на Алтае. «А я что, не имею права ходить, где хочу?» — подслушав собственные мысли, тут же возмутилась Марина. Но сразу повернула в другую сторону, как будто это кто-то другой ее уличил.

Магазинчик Грачевых облеплен строительными лесами — рабочие стучат по крыше, штукатурят стены и отдирают старые вывески. Целая их куча громоздится на асфальте. Есть совсем допотопные: «Кодак. Проявка фотопленок», «Игровые автоматы», «Видеопрокат» — и это когда все давно уже снимают на цифру и никто не пользуется громоздкими кассетами.

Какое отличное мероприятие! Надо и с себя посдирать ярлыки: она больше не «подружка Артура», не «друг детства Рафаэля», не «старая знакомая Рудика», ну и, конечно, не «девушка Ника». Марина мысленно побросала в кучу устаревшие вывески из уже несуществующей жизни — и пошла дальше. Может, теперь ноги не потащат сами к клену и на причал?

Конечно, можно плакать-убиваться, что сама всё испортила. Что упустила настоящий шанс начать новый этап — и гулять сейчас по Алтаю. С тем, без кого дни кажутся напрасно прожитыми, кого не могут заменить друзья

детства — никто не может.

Но ведь стало ясно не только это, а еще и то, что их ссоры — не досадные случайности, которые могли быть, а могли и не быть. Они оба изменились и продолжают меняться — и дело не в том, что он подрос, а она отрастила волосы. Зимой всё началось, а сейчас стало очевидным.

С ним совсем невозможно общаться! Ему больше не нужны равноправные отношения. Ему нужна послушная девочка, которая будет бегать за ним и смотреть в рот. Но таких везде полно. Вперед и с песней! Как же правильно она поступила, оставшись в старой школе! Вот был бы ужас — видеть его каждый день! Чужая школа, чужой класс — и чужой Ник!

Выходит, дело не в том, чтобы обоим постараться быть пайньками и не ссориться по пустякам. Выходит, нельзя, невозможно вернуться в тот момент, когда всё было хорошо, и больше ничего не портить. В него уже не вернуться.

Есть только то, что происходит здесь и сейчас. Она идет по Зеленой улице. Мимо катит Павлик на скейтборде. Прямо перед ней стоит дом Мдивани. Он увит до самой крыши виноградом, и с улицы на второй этаж ведет черно-белая лестница, раскрашенная под клавиши. Словно раскрытое пианино на боку. А наверху слышны звон бокалов и оживленные голоса.

— Конечно, поступил, сейчас их там в лагере, в палатках муштруют...

Марина узнала голос майора Фольца — это же он о Рудольфе! — и насторожила уши.

— А мой в летней творческой школе, в Тарусе, на Оке. Играет на рояле Святослава Рихтера, — ввернул невидимый с улицы хозяин дома.

— Ну он у тебя и крутой. А ты своего куда на каникулы? — Марина с удивлением узнала голос дяди Алика. В честь чего это он прибыл из Москвы? Сегодня какой-нибудь праздник?

— Мой на Алтае. Он сам выбирает, куда рвануть. Я толь-

ко бумажки подписываю, что разрешаю ему утонуть, упасть со скалы и так далее. Он же еще несовершеннолетний.

Этот голос никогда не звучал у них в доме. Елена Прекрасная не появлялась в числе папиных друзей, хотя была когда-то их одноклассницей. В другое время Марина бы озадачилась — что же теперь ее привело в их круг, но сейчас и мысли, и слух были нацелены только на одно. Может, она еще что-нибудь скажет о нем!

И она сказала.

— И честно говоря, мне все эти возможные напасти кажутся теперь такими чепуховыми — по сравнению с тем, что с ним творилось из-за твоей девочки, Павлик. Я думала, он не закончит десятый класс или вообще из гимназии вылетит. Я не помню другой такой тяжелой зимы после голода в перестройку и смерти родителей.

Марина стояла посреди тротуара и слышала, как колотится сердце — снаружи слышала, собственными ушами. То, что они с Ником оба дураки, причем абсолютно одинаковые дураки, наделавшие одинаковых глупостей, не подлежало сомнению.

Однако предстоит еще пережить то, что сейчас скажет папа. Понятно, что он там. Конечно, он артист, его ничем невозможно смутить, он вывернется из любой ситуации. Только как? Начнет ее защищать — и вывалит ее школьный позорище? «А моя девочка из-за твоего мальчика» — господи, только не это! Или того хуже — начнет лебезить перед Еленой... сам же рассказывал, как был в нее влюблен!

И прозвучал папин голос — грустный, сдержанный, совсем не артистический:

— Лена, моя девочка любит его и очень страдает. Мы все его любим, мы считали его членом семьи. И я вместе с ними страдаю и не знаю, как им помочь. Если бы я только знал способ! Но помочь нельзя. Они должны справиться сами.

Наступила тишина. Потом мама Ника произнесла:

— Вероятно, ты прав. Вероятно, ему нужны именно прекрасная дама и подвиги, как ни старомодно это звучит. Когда он понял, что пустить свою жизнь под откос — это не выход, то начал справляться. Теперь другая крайность — во что бы то ни стало быть победителем. Причем не напоказ, а по-настоящему, чтобы самому ловить кайф.

Еще один женский голос мечтательно продекламировал:

*Вот девочки — им хочется любви,
Вот мальчики — им хочется в походы...*

«И ничего подобного! — возмутилась Марина. — Не хочется мне никакой любви!» А потом уже опознала: да это же Ева. Эвелина, или Ева-королева, которая когда-то гостила у них в Странном Доме со своей идиотской дочкой. Потом она вышла замуж за дядю Алика, уехала с ним в Москву и, слава богу, НИКОГДА с тех пор не возвращалась. Зачем они там все собрались, у Мдивани-старшего? А тот как раз подключился к разговору:

— Да что вы тоску нагоняете? Молодые сами разберутся, десять раз поссорятся и десять раз помирятся.

— Ну не скажи, — возразил доктор Лончинский. И этот здесь?! — Вот Варька с Робертом не разобрались. А может, жизнь бы иначе у обоих сложилась!

— Чего теперь об этом, — проговорил Фольц. — Теперь уж как сложилась, так сложилась.

Марина ничего не понимала. С Варей, еще одной папиной одноклассницей, которая недавно приезжала в Белогорск и заходила к ним в гости, она сразу подружилась. Та была художницей и составляла необыкновенные картины из цветов. Марина помогла ей в поисках нужных растений. Варя была веселой и искренней, с ней было легко и интересно. Неужели с ней что-то случилось — или это они старые события вспоминают?¹ Вот и дядя Георгий опять:

— Да что вы всё драматизируете! Особенно ты, Павлик.

Очень надо придавать значение подростковым играм в любовь.

Он сел за пианино, взял несколько трагических аккордов и запел замогильным голосом:

*Всё пережито —
Мне пятнадцать лет.
Жизнь моя разбита,
В жизни счастья нет!*

Этого Марина уже не могла выдержать. Она распахнула калитку и решительно взбежала по черно-белому крыльцу, буквально слыша под своими ногами гамму.

А что со мной не так?

МАРИНА не успела придумать, как объяснить свое появление — все обрадовались, зашумели и потащили ее за стол. Дядя Георгий радовался больше всех и со словами «Кусочек пирожка!» возложил гигантский ломоть на огромное блюдо. Его жена, тетя Нателла с медовой улыбкой, наливала чаю.

Пирог был земляничный, ароматный, гостеприимство непритворное, и Марина решила пропустить мимо ушей оскорбительный куплет. Как будто они сами не смеются над родителями. У каждого свое чувство юмора. И ей уже не пятнадцать лет, а шестнадцать.

— Маринка, потрясающе выглядишь, — заявил доктор Лончинский. — Какая же ты стала интересная барышня!

Мужская часть общества дружно присоединилась к комплименту.

¹ О Варе Воробьевой и ее одноклассниках рассказывается в романе «Варя» («Девушка с букетом»).

— Красавица, комсомолка, отличница, — выдал дядя Алик фразу из древнего фильма. — А куда поступать готовишься?

— Я не отличница, — отреклась Марина. — И никуда не готовлюсь.

Сначала общество приняло это за шутку, потом начали уточнять:

— Как никуда? Неужели еще институт не выбрали? А времени-то уже осталось! Павлик, ты чего?

— Я — ничего, — отрекся и Пал Палыч. — Куда захочет, туда и будем поступать. Не захочет — не будем. Я не феминист и не считаю, что у барышни в приданом непременно должен быть диплом. Может просто дома сидеть. Я прокормлю.

Марина вспомнила про хикки, который до сорока лет не выходил из своей комнаты. Потом — свою комнату.

Тем временем общая воодушевленность сменилась неловкостью, потом на лицах папиных друзей показался наигранный оптимизм — как у здоровых при виде больного. «А что не так? — озадачилась Марина. — Это со мной, что ли, что-то не так?»

— Ну, такая красавица дома не засидится, — заметил отец Рафаэля. — Найдется много желающих ее прокормить. Не сомневайтесь.

— Сомнения не в этом, — повернулся к нему Лончинский, — а в том, надо ли это ей самой. И вообще, что ей надо. Когда женщина не знает, что ей надо, ей ничем не угодишь, и жизнь превращается в ад.

— Ну, это ты уже о своей семейной жизни, — поддел Фольц. — А вот Марина всегда жила не своими интересами, а Павлика — и всё у них нормально было. Только у них и было нормально. А мы все завидовали.

— Вот и найден идеал: Домострой и Душечка, — ядовито промолвила Ева.

Марина поняла, что речь пошла уже не о ней, что Марина и Павлик — это ее родители, и спросила:

— Что за душечка?

— Это чеховский рассказ, — пояснила Елена. — Его еще Толстой очень любил и считал, что Душечка — воплощение истинного предназначения женщины.

А мама Рафаэля посоветовала:

— Не слушай ты их, пей чай. Сейчас я тебе конфет принесу.

За столом уже увлеченно обсуждали футбольный чемпионат. Марина поднялась и прошла за тетей Нателлой в другую комнату.

— Можно, я здесь чаю попью? А у вас есть Чехов?

Дочитав рассказ до конца, положила на столик книжку и поставила чашку. Вот это никчемное существо — истинное предназначение женщины? Это с ним сравнивают ее мать, жившую исключительно интересами мужа, и ее саму? И всерьез считают, что если она никуда не поступит и никем не станет, ей придется стать чьей-то тенью?

Но как только схлынула первая волна возмущения, в чужих и оскорбительных мнениях начали проступать... собственные мысли. Те самые, о том, что она всего лишь зеркало своих друзей и сама ничего из себя не представляет. Время движется, а она так и не начинает что-то из себя представлять. Ничего не меняется. Наоборот, это становится очевидным для всех. С ней действительно что-то не так.

И как кто-то может ее понять... как Ник может ее понять, если она сама себя не понимает? Не потому ли тогда так рассердили его слова о зоопарке, что после их ссоры он остался со своими интересами и увлечениями, а она — ни с чем? И видеть его с этой его интересной жизнью оказалось так же тяжело, как с другой девчонкой! Но это же ужасно — ревновать к его успехам, оттого что нет своих!

В комнату заглянула Елена.

— Я на днях делала генеральную уборку, добралась до семейных архивов, своих школьных бумажек, и знаешь,

что нашла? Блокнот твоей мамы. Если бы знала, что увижу тебя здесь, то захватила бы.

— Вы разве были подругами? — удивилась Марина.

А казалось, о маминых школьных годах она знает практически всё, что возможно, от папы и его друзей.

— Не были, но немного общались. Видишь ли, это с мужской точки зрения твоя мама была лишь отражением твоего папы. На самом деле всё не совсем так. Мальчишки просто видели внешнюю сторону происходящего — что они разглагольствуют и умничают, как сейчас, а она молча сидит рядом. Они и сделали мудрый вывод, что ей нечего было сказать. Им не приходит в голову, что ее интересовало что-то другое, а сидеть с ними можно просто из вежливости, за компанию.

Прозвучало это с иронией. У Марины в мыслях скользнуло, что, может, это она не только о ее матери говорит. А Елена продолжала:

— В общем, когда мы выяснили, что обе увлекаемся Серебряным веком, то очень обрадовались. И, конечно, стали делиться, у кого что было — сборники, переписанные стихи. Книжный бум тогда еще не начался, информация еще не стала мусором и очень ценилась. Тебе трудно будет представить, но тексты, которые невозможно было достать, перепечатывали на машинке и переписывали от руки. Ну, может, папа рассказывал. И вот одна такая переписанная книжка у меня застряла. Заходи в выходные, если интересно. Или как-нибудь вечером.

— Мариночка, ты к нам заходи, — сказала на прощание и тетя Нателла. И пожаловалась: — Эта новая девушка Рафаэля — я к ней никак не привыкну! Я понимаю, что никто не сможет стать для моего мальчика второй мамой и заботиться о нем, как я, и жить его интересами... Но у тебя ведь получалось! Я теперь поняла!

— Да вы не переживайте, — ободрила ее Марина. — Они уже поссорились. Всё пережито! Не придавайте значения подростковым играм в любовь.

— Но ты не знаешь самого главного, — трагически произнесла тетя Нателла. — У нее НЕТ СЛУХА!

Дядя Алик, считавший, что самое интересное в жизни — это археология, как всегда, позвал на раскопки:

— Маринка, рванем в выходные в Новый Иерусалим! Там, понимаешь ли, реставрация монастыря грандиозная. Всё перерыли. Пытаюсь этих ленивцев растормошить, хоть ты подай им пример!

— Детка, а ты зачем меня искала у Гошки? — спохватился папа по дороге домой. — Что-нибудь случилось?

— Да, да, случилось что-то страшное! — Марина округлила глаза. — Я без тебя ужасно соскучилась, и раскапризничалась, и отказывалась есть и спать. Ты лучше расскажи, зачем вы там все сегодня собирались? Или это тайна? И что случилось с Варей?

— Варя жива, — вздохнул Пал Палыч. — А собирались мы на Большой Совет, и девчонок позвали — ну, Еву, Лену — она же Варькина подруга. В общем, когда Варька приезжала, всплыл один наш старый школьный розыгрыш. Мы в восьмом классе слегка подшутили над ней и Робертом. Тогда прикольно было, а теперь оказалось, что... — он остановился, подбирая слова.

Марина помогла:

— Неприкольно.

— Ну да. Запутанная история. И главное, всплыла она не вовремя. Варька психанула, укатила из Белогорска — и оборвала роман, который у нее тут только-только начинался. Получается, что мы дважды испортили ей личную жизнь — тогда и теперь.

— Папа, и ты испортил? — серьезно спросила Марина. — Но разве *ты* мог?

Пал Палыч моргнул:

— Ну... я разделяю коллективную ответственность. Вот мы и собрались обмозговать, как запустить обратный процесс и всё исправить.

— А почему не у нас?

— Конспирация. А впрочем, хорошо, что ты всё узнала — пусть уж лучше от меня. И потом, — замылся он, — Лену к нам приглашать — неудобно как-то, у нас после ремонта тарарам... и вообще...

Марина не поняла: после ремонта давно уже навели полный порядок.

«Невзначай» должен быть настоящим

ИДТИ или не идти, вопрос не стоял. Конечно, идти! Только когда? Прямо на другой день побежать? Неудобно. Тянуть до выходных? Терпения не хватит! Может, вечером, когда Елена вернется с работы? Или все-таки в выходные?

Наконец Марина поняла, что дело совсем не в Елене и не в том, когда именно ей мешать. Дело в том, что в берестовской квартире можно невзначай столкнуться с Ником. Она ведь не знает, когда тот возвращается — вдруг он уже дома. Или ей как раз хочется с ним столкнуться? А что, если Елена за этим ее и позвала? Что, если она задумала устроить этот «невзначай»? И Ник, разумеется, так и поймет?

Тогда лучше вообще не ходить! «Невзначай» должен быть настоящим! Если мамин блокнот — для предлога, то пусть уж Елена папе его передаст на какой-нибудь из их тайных сходов!

Но всё это только фантазии. Елена наверняка ненавидит ее из-за Ника, зачем бы ей стараться их помирить? Как зачем — чтобы сыночка любимый не страдал...

В конце концов Марина решила: Елена Николаевна просто хочет отдать ей блокнот, а сама она просто идет за блокнотом.

Вот только путь получился кружной — через причал, потом фонтан с рыбой, потом парк. Слишком рано заявиться ни к чему. Мама Ника всегда задерживается

на работе. Марина и привычный дорожный набор захватила — книжку и шоколадку, на случай, если придется дожидаться.

На причале было, как всегда, пустынно, однако по вечерам сюда совершались набеги: кругом валялись пробки, банки из-под пива, а на перилах появились свежие граффити. Прямо поверх кошачьей головы, которую она недавно нацарапала. Марина подошла ближе. В глаза бросилась надпись черным маркером, как на учебнике алгебры у репетитора: NikVer. Была она здесь раньше или нет?!

На скамейке под кленом обнаружилась такая же надпись. Вчера ее точно не было. Значит, он вернулся.

Нахлынула паника. Марина даже не пыталась с ней справиться, просто машинально шла по аллее. И аллея вывела ее из парка, а напротив через дорогу стоял «зефир» — старинный розовый дом с белыми завитушками под крышей и колоннами у каждого подъезда. Разве что помпезных львов не хватает. Марина дорисовала их мысленно. Лестницы здесь были широченные, перила у них — мраморные. Дверь распахнулась, и она оказалась в берестовской квартире.

За всё время знакомства с Ником Марина была здесь считанные разы. Оба предпочитали Странный Дом — там всегда было тепло и весело, всегда находилось, что перекусить. А эту квартиру, большую, мрачную, Марина, читавшая тогда Диккенса, сразу назвала про себя «холодный дом».

И сейчас здесь ничего не изменилось. Здесь вообще ничего не менялось со времен академика Берестова, ставшего пароходом: старинные книжные шкафы со стеклянными дверцами; потертые кожаные диваны с кожаными подушками, от одного взгляда на которые становилось зябко; квадратные низкие кресла с подлокотниками, такими же широкими, как сиденья, тоже кожаные, неудобные. Елена Николаевна не считала нужным ничего обновлять. Да она почти и не показывалась дома, и тот жил своей

собственной жизнью.

Дождаясь хозяйку, которая пошла за рукописной книгой, Марина сидела на жестком краешке дивана. Лето и солнце остались снаружи. Внутри было так же сумрачно, как зимой. Из-под скатерти выглядывала львиная лапа, принадлежащая ножке стола. Из рамочки на стене взирал неприветливый предок. Потолки уходили в бесконечную высоту, а в углах, утонувших в тени, что-то сгушалось и пряталось. Интересно, побывал ли там Ник, и нанес ли он эти территории на карту? Или они до сих пор остаются неизведанными?

Ника дома определенно не было. Марина убедилась, что «невзначая» не будет, и успокоилась. Значит, Елена и не собиралась «помогать», как это любят делать взрослые, считающие, что они умнее всех.

— Не хочешь со мной поужинать?

Марина поблагодарила, отрицательно покачала головой и заполучила наконец легендарный блокнот. Он оказался неожиданно большим, а записи шли не сверху вниз, а по ширине — как в альбоме. И на первой странице значилось: «Вечерний альбом».

— Это Цветаева, — пояснила Елена. — Только совсем ранняя и совсем еще на себя не похожая. Потому я тогда и не поняла, зачем надо было тратить на нее время. А сейчас перечитала — и вдруг понравилось. Наверно, я тогда и не вернула сразу, чтобы выяснить, что же Марина там нашла.

Рифмованные четверостишия были то наивными, то глуповатыми, то восторженными. Или всё это вместе. Сплошные залы, рояли — и то, и другое почему-то женского рода, — эльфы, пажи, феи. Детский сад какой-то. Марина переворачивала страницы и пожимала плечами. Ей только почерк нравился — твердый, изящный, с продуманными хвостами и загогулинами.

Вдруг она наткнулась:

*Мы старших за то презираем,
Что скучны и пусты их дни...
Мы знаем, мы многое знаем
Того, что не знают они!*

Вот под этим можно было подписаться обеими руками. Елена Николаевна продолжала чем-то угощать, а на Марину со следующей страницы выплеснулось:

*Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке?
Всё друг друга зовут трепетанием блестящих крыл!*

Она быстро поднялась.

— Спасибо, я пойду. Дома почитаю. Тут, кажется, в самом деле... что-то есть. — И уже в прихожей спросила: — А вы им до сих пор увлекаетесь — Серебряным веком?

— Я постоянно переключаюсь на что-то другое, — серьезно отвечала Елена, — а потом возвращаюсь. Мне вообще кажется, что Серебряный век сам по себе — это такая огромная необъятная книга, которую я постепенно составляю из кусочков — то читая стихи, то биографии, то воспоминания, то попадая на какую-нибудь выставку или в разные памятные места.

На Марину смотрели очень знакомые глаза. И жест, которым Елена отбрасывала волосы со лба, тоже был очень знакомым. «Нет, она меня не ненавидит. Но и не „помогает“. Тут что-то третье». И ей неожиданно понравилось, что она пришла в Холодный Дом не из-за Ника, и что у них с Еленой могут быть совершенно другие дела.

Я, может, помешал?

«ЗЕФИР» находился рядом с «красной площадью» — центральной площадью Белогорска, где располагались мэрия и цепочка зданий торгового центра из красного кирпича. Огромная вывеска «Золотой рог» с нарисованным рогом изобилия, из которого вываливались фрукты, напомнил о Рафаэле и о джазе. Из открытых дверей как раз доносилась музыка.

Несмотря на вечерний час, столики на террасе ресторана пустовали, и Марина присела за один из них. Достала свою шоколадку, выложила книжку и цветаевский «альбом», пытаясь ощутить, чего хочется больше — дочитать начатую главу, полистать стихи или просто покачаться на невесомых волнах наплывающей музыки. У прозрачной мелодии не было начала и конца, она не рассказывала никакую историю, а просто подхватывала и несла за собой, не вмешиваясь в мысли, не сбивая с них...

— Прекрасный мягкий джаз, правда? Его еще называют легким или приглаженным.

Мужчина, задержавшийся рядом с Марининым столиком, был примерно папиного возраста. Костюм с галстуком и кейс выдавали чиновника.

— Работаю напротив, — подтвердил он, кивая на мэрию, — и каждый раз не могу пройти мимо, чтобы не послушать. Причем внутри слишком громко, а тут — в самый раз. Вы тоже здесь поэтому — или, может быть, на свидание пришли? Тогда я не буду мешать.

— Нет, я просто присела послушать.

— Значит, музыка и вас притянула! — обрадовался незнакомец и тут же назвал: — Олег Александрович. Ну и как впечатления? Я, признаться, вовсе не с первого раза стал фанатом — постепенно втянулся, незаметно для себя. Вы будете смеяться, но иду сюда, как за дудочкой крысолова...

Он присел напротив и продолжал рассказывать, как набрел на «Радио Джаз», как незаметно подобрались коллекции записей — одна дома, другая в авто, как коллеги на работе прозвали его Синатрой. Слушать Олега Александровича было интересно — он говорил складно и с юмором, причем совсем не глушил музыку: его голос неназойливо журчал еще одним, параллельным потоком. Марина улыбалась и ела шоколадку. Ее визави спохватился:

— Что же я так разболтался? Можно, я что-нибудь вам закажу? Что бы вы хотели? Чай? А что, если шампанского — за встречу? Или легкого вина к легкому джазу? Все-таки чай? Официанта, похоже, тут не дождешься. Отправлюсь сам на поиски.

Сзади кто-то мягко, по кошачьи запрыгнул с тротуара на террасу. Марина обернулась — и увидела Ника. В черной затасканной майке, с цыганской копной волос, сам черный от загара. Тем же движением, как только что его мать, откинул волосы со лба:

— А меня никто не узнаёт! Принимают за шайтана.

— Придумай что-нибудь покруче, чтоб я тебя не узнала. И как ты умудрился так обуглиться? Там солнце что, и днем, и ночью жарит?

— Типа того.

— А тут его совсем не было. Холод и дожди.

Они сравнили две руки — Маринина была совсем белой, у Ника, по контрасту, — еще черней, чем показалось сначала. Он вытянул ее книжку, торчащую одним углом из рюкзака:

— «Подросток»? Тот самый, что ли?! А я в тот же вечер скачал и за три дня прослушал!

— А у меня тогда не пошло. Какой-то фантастический мир, хоть и без эльфов и гоблинов. Вместо любви — самолюбие, и вместо всего — самолюбие.

«А у нас-то?» — тут же озадачилась Марина, однако продолжала:

— И заняты все непонятно чем — ходят туда-сюда...

«А сама-то?» — опять пронеслось в голове.

— Ну так давай я лучше про Алтай расскажу, — бодро начал Ник — но тут же поднял бровь: — Или ты не одна?

Из «Рога» возвращался Олег Александрович.

— Нам милостиво согласились уделить внимание! Сейчас принесут заказ. Заодно я попросил сыграть одну композицию, хотелось бы, чтобы вы послушали... Здравствуйте, молодой человек. Я, может быть, помешал?

— Это я помешал, — признал Ник. — Но я уже уйду.

— Что вы, — великодушно развел руками любитель джаза. — Я, кстати, заметил одного знакомого — Мариночка, вы позволите мне отойти еще на минуту?

Ник тоже заявил:

— Ну, я пошел.

Марина не знала, что делать — непринужденно отшучиваться? объяснить и оправдываться? умолять остаться? Все варианты казались провальными. Ну почему Ник появляется, стоит только ей с кем-то заговорить?!

— Не знаю, что ты подумал, — все-таки сказала она, — но это случайный прохожий, меломан, который просто болтал тут о джазе.

— Я подумал, что ты мне ничего не должна. И отчитываться тоже. — Ник перепрыгнул с террасы на тротуар, продолжая пристально на нее смотреть. — Если нравится встречаться с папиками, то это твое дело. Почему бы тебе не хотеть богатых и опытных? А я молодой и бедный. Я понимаю. Слишком бедный и слишком молодой.

Он развернулся и пошагал в сторону «зефира». Спокойно, без спешки. И речь прозвучала без пафоса, с непривычной рассудительностью.

А вот Марина кипела: «Умничать взялся! Он понимает! Встречаться с папиками! Догнать — и голову открутить!» То, что она ничего ему не должна, возмущало еще больше, чем раньше — то, что Ник пытался ее контролировать. Она уже собралась — но не откручивать голову, а умчаться

в противоположную сторону, домой, — как подрос Олег Александрович со своим знакомым.

Марина подняла взгляд — и увидела папу. Рядом с любителем джаза стоял Пал Палыч собственной персоной и с недоумением таращился на нее.

— А это моя новая знакомая... — начал Олег Александрович, но Пал Палыч его перебил:

— А это моя старая знакомая! Позвольте представить мою старшую дочь Марину. Она перешла в одиннадцатый класс и как раз определяется, продолжать учиться или замуж выходить. Детка, это начальник районного отдела ЖКХ Зотов. Мы тут договорились пересечься по делам. Ну что же вы — чай принесли, стынет! Хотя кто ж в ресторан чаевничать ходит? Пижонство какое-то. В общем, Марин, ты пей свой чай, а мы пока поговорим — не против? Домой потом можем вместе пойти.

Пришлось пить чай. Читать уже не хотелось. Джаз теперь казался слишком приглаженным.

Олег Александрович, увядший было после информации об одиннадцатом классе, воспрянул и попытался еще поухаживать за Мариной. А на прощание значительно произнес:

— Я очень рад знакомству. Надеюсь стать другом семьи.

Пал Палыч по пути домой хохотал:

— А Гошка-то прав насчет желающих! Маринка, Зотов на тебя запал! А что, мужик свободный, разведенный. Очень перспективный чиновник, между прочим. Можешь смело брать его на заметку.

Марина и сама бы посмеялась, но не теперь. Она только сдержанно осадил папу с его неуместным юмором:

— Я не могу его смело брать. Он, кажется, твой ровесник.

— А что? — встревожился Пал Палыч. — Я, по-твоему, не гожусь в женихи?

Амазонит — камень домохозяек

ГАЗЕТЫ не было. Случайно заметив это еще с верхних ступенек, Марина сбежала по лестнице и заглянула в гигантский горшок. Неужели тайник обнаружен?! Газета, прикрывавшая нелюбимую вазу, действительно исчезла, но сама ваза осталась. Нетипично. Обычно, когда папа ее находит, то победоносно вытаскивает и водружает на видное место. А это что еще виднеется внутри?

Марина запустила руку в узкое горлышко — нет, не показалось! — и выудила длинную цепочку. На ней побрякивали камешки в тонкой оправе: зеленоватый, розоватый, желтоватый — небольшие, полупрозрачные, неправильной формы. Вещица старая — ее давно не надевали, сплав потемнел.

Ясно было, что украшение подсунули, чтобы Марина его нашла, и что принадлежало оно, скорее всего, маме. Расшифровать послание не составляло труда. «Бедный папа. Считает, что он со мной не справляется. Думает, при маме всё было бы иначе. Интересно, а на самом деле — как бы оно было?»

И картина идеального утра тут же готовно достроилась, включив маму, которая целует Марину, кормит завтраком, рассказывает, как дела — она уже успела побывать в магазине, повидать соседок... Воображение работало подозрительно гладко: ну да, оно ведь привыкло точно так же встраивать Ника во все события — что бы тот сказал, где бы засмеялся...

Рольд, валявшийся посреди кухни, вскочил и облизал Марине обе щеки. Вот и поцелуй! Дора, доставая из духовки омлет, доложила, что наконец-то начинается жара, что в супермаркете врубили кондиционеры, а Петровна и Глебовна вырядились в одинаковые сарафаны, купленные в «Дикси» по акции. Сама Дора тоже была в сарафане — только особенном, очень нарядном, нежно-вишне-

вом, под цвет глаз. А вот и завтрак с разговорами!

Что же это получается — она придумала... Дору? Марина фыркнула: богатая фантазия, ничего не скажешь. Однако выходит, что у нее всё, что могло и должно было быть, на самом деле — есть! Не иначе как мама очень хочет, чтобы она была счастлива и ни в чем не нуждалась. И ее желание исполняется... Даже амулет теперь есть... талисман... как его еще назвать?

— Посмотри, Дора, это камни или стеклышки?

Марина протянула находку. Дора, знавшая в таких вещах толк, тут же определила:

— Камни. Настоящие — не стекло, не пластик. Вот это — лунный камень, он помогает от страхов, гнева и бессонницы. Сердолик прогоняет уныние и депрессию. Это розовый агат — очень сильный оберег.

— А этот зелено-голубой — бирюза?

— Вот и не угадала, это — амазонит. Уберегает от солнечного удара и головной боли. А еще считается, что это камень домохозяек.

— При чем же здесь амазонки? Вроде они дома не сидели — скакали, стреляли.

А Дора наставляла: цепочку надо чистить, и диктовала, как и чем. Но Марина надела ее как есть, беспечно отмахнувшись:

— Да потом! Кстати, классно выглядишь. Пойду и я что-нибудь полегче надену.

Есть лишний карандаш?

НЕБО над озером превращалось в легкое волнистое морское дно, которое тут же таяло. Солнце разгоралось. Скоро от морского миража осталось одно-единственное облачко, похожее на тоненький рыбий скелет. Точно такой же валялся под ногами, на мокром песке. Марина

начертила рядом палочкой еще один, потом взбежала на причал и наклонилась к своему отражению.

Волосы свесились почти до воды. Подходящую прическу выбрать всё не удавалось, и они стали такими длинными, какими не были еще никогда. Ровные пряди, которые завиваются крупными кольцами только на концах — достигнуть такого результата раньше не хватало терпения.

Марина смотрелась то в озеро, то в зеркальце с воображаемым букетом — а на старый причал тем временем высыпала толпа. Подростки рассаживались на складные стулья и вынимали большие листы бумаги. Художка явилась на практику. Летом эти стаи обычно сидят по всему Белогорску. Рисуют красивые виды.

— Дай карандаш, — раздался трагический голос. — Есть лишний? Я забыл!

Марина порылась в своем рюкзаке.

— Не такой, — посетовал художник.

— Бери что дают, раз «такой» дома остался.

— А сама-то — без стула, — отфутболил тот. — Будешь потом занозы из жопы вытаскивать. Ты из параллельной группы, что ли?

— Типа того.

— А чё не работаешь? — не отставал «живописец». — Чё ждешь? Вон Лариса ползет.

Фигурки учеников рассыпались по всей длине причала, а на его противоположном конце возвышалась еще одна, учительская, во весь рост.

Солнце пригревало, уходить не хотелось, и Марина, чтобы непрощеный собеседник отвязался, достала еще один карандаш и мамин «альбом». В нем было несколько чистых страниц. Но назойливый парень назвал себя Сережкой, позлорадствовал, что и ватман-то она не взяла — и великодушно подарил один лист.

Марина заглянула в его шедевр — там намечался пейзаж, тот же, что прямо перед носом, — и начала изображать то же самое. Островок с тремя большими деревьями.

— Да ты как карандаш вообще держишь? — издевался новый знакомый, не перестававший совать свой нос. — Еще бы вверх ногами взяла! А штрихуешь как? Ты откуда упала? Кто вам преподает?

— А перспектива у нее вернее схвачена, — урезонила его выросшая сзади Лариса. — И контуры точные, выразительные. Карандаш надо не только держать, а еще им и работать.

Сереежка наконец заткнулся и уделил внимание собственному эскизу.

А Марине показалось, что лист пустоват, и она начала заполнять его разными домами с башенками и балконами; потом соединила их висячими лесенками, чтобы жильцы могли навещать друг друга, не выходя на улицу; потом изобразила самих жильцов — они получились лопухими и в смешных колпачках.

Затем им понадобились домашние питомцы — и мартышки, коты и собаки забегали по лесенкам, свесились с балконов и деревьев и начали выглядывать из окон и дверей. Огнедышащие ручные дракончики летали в промежутках и устраивали небольшие пожары, чтобы всех взбодрить.

Скоро промежутков вообще не осталось, а Сереежка ржал так, что несколько любопытных подбежали посмотреть, в чем дело. Включая учительницу. Должно быть, искусство было для нее священным, своим глазам она поверила не сразу. Потом ее брови разъехались в разные стороны, а короткая стрижка ошетибилась.

— Это что такое? Как твоя фамилия? Ты из параллельной группы?

— Я ниоткуда. Я уже уйду. — Марина поднялась, сворачивая рисунок в трубочку. Оглянулась на Сереежку: — Карандаш дарю. Он лишний.

У принцесс столько трудностей

МАРИНА пила чай в кукольном домике. Типовые коттеджи на Научной улице, построенные для сотрудников Белогорского НИИ, были маленькими и тесными. Черноглазая улыбчивая Варенька усадила гостью на старый детский стульчик возле детского же столика, а сама расположилась прямо на ковре.

Марина зашла отдать собранные и засушенные растения — и, конечно, застряла, потому что они сразу начали болтать и не могли остановиться. Дистанция в возрасте исчезла, они незаметно перешли на «ты».

— Представляю лицо Ларисы Ивановны, — смеялась Варя, слушая историю о «практике» на причале. — Перед ней столько поколений учеников трепетало! Я так до сих пор ее боюсь. Говоришь, точность контура отметила? С ума сойти, она никогда никого не хвалит. А как ты вообще уцелела, почему тебя не водили в художку? Я понимаю, Павлик работал день и ночь, но у вас ведь есть эта ваша нянюшка... домработница?

— Меня водили — на танцы. Папа хотел, чтобы я научилась грациозно двигаться, не горбилась, не крючилась и не подпирала стенку на вечеринках.

— Ну, а ты сама?

— Не подпираю.

— Да нет, а ты сама чего хотела?

Марина пожала плечами:

— Ничего особенного. Меня водили, я ходила... А вот здесь — что можно сделать?

Они сидели на ковре теперь уже обе — Варя взялась показать, как составляются эти волшебные композиции из цветов и растений. Марина хотела, чтобы получился лес или парк, но сразу бросалось в глаза, что это бумага и сухие листья. А у Вари видишь цельную картину, и только потом начинаешь понимать, из чего она состоит.

Но что сделать с промежутками, как заполнить эту белую пустоту? Вот на «пейзаже» с островом она лихо с ней расправилась.

Варя прищурилась:

— Да уж, капризное оно, наше дело! Здесь просится фоном какая-нибудь мелюзга из осенних листьев. Дай-ка поищу в своих запасах...

Пока она рылась в папках с гербариями, воздвигая из них на диване пирамиду, Марина решила прилепить еще один листик, но вместо клея ткнула в банку с краской. Хотела промыть кисточку, тут же передумала — и быстро-быстро набросала ту самую осеннюю мелюзгу.

Варя ахнула:

— А это что? — прямо как Лариса Ивановна. Потом засмеялась: — Давай-давай, малюй, как душа просит. Бывают смешанные техники. Правда, мне всегда хотелось выразить свой замысел исключительно растительным материалом... Да ты возьми кисточку потоньше!

— А что, они бывают разные?

Марина тут же вспомнила, как красила дом на дереве, и что даже малярные кисти есть разных форм и размеров — а хохотушка Варенька заливалась, но совсем не обидно:

— И краски разные бывают, вон оно что на свете-то творится! Чего только не выдумают! Гляди, вот гуашь, акварель — без дела валяются, пользуйся. Можешь с собой забрать.

— Варь, я так рада, что ты вернулась, — смеялась и Марина. — Ты ведь насовсем в Белогорск?

— Насовсем, насовсем, — тоже радовалась Варя и поделилась: — Я ведь замуж выхожу! Уже уволилась, переехала — видишь, завалила весь родительский дом, еще не всё распаковала, ничего не нахожу. Авось не растеряла по пути свои картинки, заготовки — в такой ведь спешке собиралась. Друзья как налетели — и перевезли!

— Они же вроде, наоборот, всё испортили? — осторож-

но уточнила Марина, вспоминая папино смущение, невнятные объяснения, тайные сборища. Значит, получилось всё исправить?

— У тебя устаревшая информация, — беззаботно отвечала Варенька. — Хотя события меняются так стремительно, что я сама за ними еле поспеваю. Понимаешь, я в прошлый свой приезд, в начале лета, скоропалительно влюбилась. И была просто не в себе, эмоции — через край! В какой-то момент показалось, что я всё напридумывала, что это мираж. Сорвалась и уехала. Но у меня же необыкновенные друзья! Если б не они, я бы до сих пор сидела в одиночестве. Но они налетели, объяснили, что я не права, что он меня любит. Он сам, конечно, тоже это говорил, но именно они прикатали, сгребли мои манатки, погрузили в свои тачки... Фантастика! Мы возвращались целым поездом из пяти машин: Павлик, Лена, Алик, Борька, Гошка! Я так их всех люблю, ты просто не представляешь! Нет, представляешь — ведь у тебя такая же компания.

Марина поздравила Варю, но та заметила перемену в ее лице:

— Ой, я что-то не то сказала?

— Это я не то сказала, — призналась Марина. — Что у меня куча друзей и молодой человек — это неправда. Когда я говорила, что они есть, их на самом деле уже не было. Теперь я это понимаю. Точнее, они были раньше, а потом я долго думала, что они всё еще есть. Это как воображаемый букет — фламандская картина, где собраны цветы, которые никак не могут быть в одной вазе.

Смешливые ямочки исчезли с Мариных щек.

— Знаешь, когда мы познакомились, ты мне показалась принцессой в зачарованном саду. Мне никогда не приходило в голову, что у принцесс могут быть свои трудности. Казалось, они только наслаждаются жизнью. А все вокруг стремятся сделать их еще счастливее. Но, может, тебе стоит найти новых друзей? — неуверенно спросила Варя. — Я вот в третий раз уже замуж иду... — И тут же отвлеклась: — Ой,

а что это ты делаешь?

Марина макала кисточку в чашку с остатками чая. И так же неуверенно взглянула на старшую подругу:

— В красках нет такого оттенка, или я не умею сделать. Мне нужен желтоватый — бледный-бледный. Вот заварка как раз...

— А откуда ты знаешь про чай? Ниоткуда? Само получилось? А ведь это древняя восточная техника — чаем рисуют, как тушью, или в дополнение к ней, для создания оттенков. Смотри, затеки можно снять другой кистью, полусухой... А чтобы добиться более темного цвета, можно добавить чуточку кофе. Кстати, в цветочных картинах сухой чай сыплют на поверхность, смазанную клеем — очень интересно получается, особенно в сочетании с крупой или песком...

И Марина потеряла счет времени. Она не думала ни о Нике, ни о бывшей компании. Привычная цепочка мыслей оборвалась, исчезли проблемы, обиды — остался только чистый лист и возникающая на нем другая жизнь. У Вари заверещал мобильник. Марина вздрогнула, очнулась, глянула на часы — и ужаснулась своей бестактности.

— Варь, извини! Я увлеклась и забыла уйти.

Но та энергично и совершенно искренне запротестовала:

— Куда ты, оставайся! Ты совсем не мешаешь. Я бы точно так же разбирала свое барахло, а с тобой веселее. Возлюбленный мой на работе и не может круглосуточно меня увеселять. Обожаю младших подружек! Полжизни была вундеркиндом, моложе всех в классе — на целых два года. Все на меня глядели сверху вниз — представляешь, как надоело? А ты интересуешься творчеством, спрашиваешь советов, и это жутко льстит моему самолюбию!

Некоторое время обе увлеченно работали, потом Марина подняла голову:

— Варь, а в художку в моем возрасте уже не поступают? Наверно, такие, как я, ее уже оканчивают?

Варе пришлось подтвердить, что это так. И в древние времена в ученики к художникам поступали совсем детьми. Правда, она вспомнила Гогена, который, до того как заняться живописью, успел побыть биржевым брокером, и ван Гога, тоже выбравшего свой путь в зрелом возрасте, — но непоследовательно добавила, что оба жили трудно и умерли рано. Зато примитивист Анри Руссо подольше пожил! Однако Марине не понравилось слово «примитивист».

А Варя с энтузиазмом рассказывала о художнице Марии Башкирцевой:

— Одна моя подруга очень ею увлекалась: умница-красавица, множество талантов. Башкирцева рано поняла свою исключительность и всю жизнь вела дневник — получила суперская книга. И там как раз описано, как она начинала — тоже поздно — но очень быстро продвигалась и делала потрясающие успехи. А в двадцать пять лет она умерла. Ой, я, наверно, опять что-то не то говорю. — Варя удрученно примолкла. — Но это всё не значит, что ты не можешь и не должна! В конце концов, просто для себя... для собственного развития. Дом украшать, на выставки ходить и получать удовольствие...

— Значит, ничего другого не остается? — произнесла Марина с иронией. — Да я только и делаю, что получаю удовольствие: картины, книжки, музыка — всё уже готовое!

Вспомнились слова Ника про готовый мир и людей, который ходят по нему, как трамваи по рельсам. И она — не успела родиться, а уже опоздала. Но Варя почему-то восхитилась:

— Первый раз вижу принцессу, которая не желает быть принцессой! — И обнадежила: — Ну и не будь. И делай то, что нравится. Меня вот всю жизнь убеждали, что мои картины — только хобби. А я, по секрету, собираюсь теперь только ими заниматься!

Марина заметила, что за окном стемнело. Сколько она тут уже сидит?! Но, по пути к выходу, заглянула в один

из больших роскошных альбомов из пирамиды на диване. И замерла.

Пустые мрачные помещения без окон пересекали лестницы, которые непонятно где начинались и неясно куда вели. Друг на друга громоздились подвесные мосты, башенки, странные конструкции. Немыслимые перспективы опрокидывались и перекрещивались, пространство запутывалось в себе самом. Загадочные рисунки затягивали в себя, куда-то по ту сторону реальности. Теперь уже Марина воскликнула:

— Что это такое? Это же мои сны... точнее, кошмары!

Варя попыталась заглянуть ей через плечо, встав на цыпочки, а когда не получилось, обошла с другой стороны и пояснила:

— Пиранези. Был такой архитектор, строил мало, а рисовал много. Он создал жанр воображаемой архитектуры. В жизни вообще много воображаемого, и это повод не для скорби, а для творчества.

— Может, он хотел избавиться от собственных кошмаров? — предположила Марина.

— И ты попробуй, — посоветовала Варя, заталкивая в ее рюкзак и краски, и кисточки, и Пиранези.

Выход есть

НОВОИЕРУСАЛИМСКИЙ монастырь было не узнать. Башни на крепостной стене замотаны зеленой строительной сеткой, золотые главы собора упрятаны в конструкции, похожие на гигантские картонные коробки, стоящие одна на другой. Торт для великанов. Марина уже была здесь раньше с папой и Павликом, и, кажется, старые фотки с прежними видами теперь станут исторической ценностью. Всё меняется на глазах.

Они приехали с дядей Аликом, к ним присоединились

Мдивани с женой и доктор Лончинский с Жанной. Остальные папины друзья были заняты. Однако составился поезд аж из пяти машин — вроде того, о котором говорила Варя. Прикатили с самого утра и разбежались по территории.

Пятая машина принадлежала Зотову, которого не звали, но он напросился сам. Марина услышала, как Алик спрашивает:

— Павлик, а на что он, понимаешь ли, тебе сдался?

А папа не моргнув глазом отвечает:

— Я тут ни при чем. Он не со мной, а с Маринкой. — И начинает со вкусом повествовать: — Договорился я с ним как-то пересечься в «Роге изобилия». Прихожу, а он там девочек снимает. Нашел малолетку и ездит по ушам: джаз, музыка, ля-ля — в общем, в своем духе. Глаза и зубы разгорелись, потирает мушиные лапки. А я смотрю — мама дорогая! — это же моя Маринка сидит!

Словом, папа раздул целую хохму. В своем духе. А его друзья с удовольствием ржут.

Марина же думала, как изловчиться и отделаться от Олега Александровича, чтобы поговорить с Жанной — она только что вернулась из молодежного лагеря, и так хотелось всё скорей узнать. А приходилось слушать светскую болтовню, которая в небольших количествах терпима, но сейчас ее уже через край.

— Вы что-то сегодня очень молчаливы, Мариночка, — вынужден был наконец заметить Зотов. — Может, дороге плохо переносите?

— Вы угадали, — мрачно отвечала Марина. — Я ужасно переношу дорогу. В пути меня постоянно мутит и тошнит. И ничего не помогает. Я думала, что на воздухе станет лучше. Но сейчас меня, кажется, точно вырвет.

И свершилось чудо: Олег Александрович всплеснул руками, пробормотал, что ей, наверное, лучше побыть одной, — и исчез. Марина невольно вспомнила Ника, который, наоборот, прибегал, стоило ей заболеть, и еще заверял, какая она красивая.

— Супер ты его отшила, — оценила Жанна, появляясь из-за старого большого кипариса, ствол которого окружили загородкой, чтобы не повредить строительной техникой. — А я уже собиралась его придушить. Главное, Артура специально не взяла, чтоб он нам не мешал, — а ты притащила этого кадра!

— Я тут ни при чем. Это всё папа, — сослалась Марина на отца его же собственными словами.

— Ну так у него чувство юмора совсем отвалилось. Он тебя сватает, что ли?

— Нет. Зотов сам за мной таскается. — Этот ответ уже соответствовал истине.

И подруга не стала лукавить:

— На кой он тебе сдался? Что ты в нем нашла? Уж лучше бы Берестова оставила. Во взрослых мужиках есть свои плюсы, но у этого, поди, один простатит.

— Не знаю, ты доктор, а не я.

— Так ты и с этим не попробовала?! Ну даешь! Ты, может, в субкультуру вступила — ну, эти, которые против секса до свадьбы? Гляди, опять он!

Марина тоже заметила Зотова и предложила спуститься в парковую зону, где можно затеряться среди людей, лошадей и деревьев. По пути они заглянули в просторную яму — там копошились археологи и уже вырисовывались очертания фундамента древней постройки, утонувшей в земле.

Со стороны парка холм, на котором стоял монастырь, тоже был сплошь изрыт, так что возникали опасения, что всё вот-вот провалится. Но монастырь держался. Повсюду мелькали люди в касках или с лопатами.

И тут Марина увидела Ника. Всё в той же черной майке, с рюкзаком, такой же лохматый. Она опять не могла его не узнать — в любом виде, на любом расстоянии. Он сидел на корточках на краю котлована, смотрел вниз и с кем-то разговаривал. Ну да, сам только что с алтайских раскопок. Профи. Странно было бы, если б сюда не заглянул.

— Тут ведь где-то есть святой источник? — спрашивала

ничего не замечавшая Жанна. — Надо попробовать этой воды. Говорят, она течет по серебряным трубам. Ага, вот указатель.

Жанна встала в очередь, а Марина почувствовала неожиданную слабость и присела на скамейку.

— Теперь главное, чтобы тебя не стошнило, — съязвила подруга. — Или сама накаркала, или Зотов проклял.

Появился папа.

— Представляешь, а мне показалось, что тут мелькнул наш «пароход».

— Тебе не показалось.

— Так что ж он не с нами! — неправильно обрадовался Пал Палыч. — Лена поехать не смогла, но я не знал, что Николай собирается!

— Папа, я тоже не знала, — терпеливо объяснила Марина. — Он здесь сам по себе. Ты что, не видишь — он прекрасно обходится без меня. У него есть Смысл Жизни.

— А у тебя что, нет, что ли? — оскорбился Пал Палыч. — Детка, не хочу впадать в патетику и риторику, но ты — действительно смысл моей жизни! И должна всегда об этом помнить!

— Но это ты о своей жизни, Капитан Очевидность. А как насчет моей?

— А что в твоей не так? — снова взъерепенился папа. — Мы все тебя любим!

— Вот это и не так. То, что я — принцесса. То есть такая штука, которую все любят. Она больше ни для чего не нужна. Сама по себе она ни на что не годится.

Пал Палыч задумался, но ненадолго.

— Выход есть, — возвестил он. — Я понимаю, что с детством пора прощаться. Мне и Варька чего-то про зачарованный сад толковала. Я не собираюсь тебя там держать. Понятно, что юным девам нужны новые впечатления, новое окружение.

— Ты о чем? — не поняла Марина.

— Я готов отпустить тебя учиться в Москву, — реши-

тельно произнес Пал Палыч, — как ни хотелось бы оставить под крылышком ради собственного спокойствия. И я предлагаю свой вариант: юридический университет, где мы учились с твоей мамой. Я буду счастлив, если ты выберешь мою профессию. Я смогу тебя поддерживать. Занятие серьезное, смысл жизни обеспечен. Придется, правда, нажать на математику для нормального аттестата. К Юрию Георгиевичу еще походить. Но математика, знаешь ли, — она не подведет, в отличие от литературы со всякими эмоциями. Начнешь ездить на подготовительные курсы. Другие лица, столичная жизнь, новые знакомые — как раз то, что тебе сейчас надо.

Пал Палыч смотрел выжидательно.

Первое, что пришло Марине в голову: юрфак — это неинтересно. Но то, что ей интересно, — сплошные миражи. Воображаемый букет, воображаемые друзья, воображаемые способности. Подумаешь, загорелась, увидев художников на пленэре и Варю с картинами. Они все полжизни на это потратили. Сказано же: опоздала, ограничишься хобби, ходи на чужие выставки.

А со своей жизнью надо что-то делать. Эта необходимость давно уже давит. Дело ведь не в том, что Ник не кончит жизнь ничтожным человеком. Это она сама кончит жизнь ничтожным человеком — если продолжит двигаться по ней такими темпами.

Может, стоит довериться папе с его серьезным вариантом без эмоций?

ЧАСТЬ III
ВЫХОД ИЗ ЗОНЫ
КОМФОРТА

Эффект первого дня

— ТУТ рядом есть приличная пиццерия. И еще «Макдоналдс». Пошли в перерыв?

Голова, похожая на яркий кленовый лист, перемещалась по всей аудитории и покачивалась то тут, то там. Пока шло занятие, этот одноклассник успел везде посидеть и со всеми поговорить. Наконец он добрался до Марины и назвал свое имя:

— Арсений Пальчиков. — От этого сочетания невозможно было не улыбнуться, а золотой Арсений тоже улыбнулся и жужжал в ухо: — Я один, что ли, не врубаюсь? Ничего разобрать не могу! А все так внимательно слушают, как будто бы всё понимают.

Тут Марина даже обрадовалась, потому что сама тщетно пыталась сосредоточиться на том, что говорил преподаватель. Однако внимание то и дело рассеивалось: ранний утренний подъем, непривычная, еще не наезженная дорога до университета; чужая аудитория, которой тоже только предстоит стать привычной, множество лиц...

— Как нас много! Неужели мы все поступим? И будем через год учиться вместе? — поделилась она шепотом со своим соседом. А его это, похоже, не смущало — так же, как то, что он ничего не понимает:

— Да поступим, чего бы не поступить? Вон те, у окна — крутые перцы, их на тачках с охранниками привезли. Вон у тех здесь предки преподают, они на курсы так пошли — на халяву. А вон там — деревня, на электричках приехали. Ну, заплатят.

— Я тоже деревня, — сообщила Марина, — тоже на электричке приехала.

Арсений опять нимало не смутился.

— Ну так у тебя родители в этой сфере работают? Уга-

дал, да? Значит, у нас обоих это семейное. Я буду продолжать династию нотариусов. Своя контора, не самая последняя в Москве, и я — единственный наследник. Да я не хвастаюсь, это так... — Преподаватель взглянул в их сторону, и глаза общительного молодого человека тут же приобрели правдивое детское выражение. Марина не удержалась и фыркнула.

Наступил перерыв, Арсений Пальчиков замахал руками:

— Эй, народ! Так мы в «макдак» или в пиццерию?

И Марина поняла, что этот компанейский персонаж уже сколотил общество любителей пиццы... или бигмаков — потому что выбрали «Макдоналдс». Набралось не меньше десяти человек — и из области, и москвичей, заняли большой стол, перезнакомились. Один тип из группы пошел туда же, но сел отдельно, и вид у него был такой, что никто не решился персонально его пригласить.

— А он кто? — поинтересовалась Марина у Арсения, и тот вынужден был ответить, что не знает:

— Он не захотел знакомиться. Даже как зовут, не сказал. Тебе не кажется, что он здорово старше нас? Ему на вид лет двадцать.

После обеда Пальчиков выдал:

— Пошли теперь кинцо поглядим! — Все заржали, а он мотивировал: — Всё равно ни фига не понятно, чего время терять. Все эти вводные занятия вообще ни к чему. Переключка уже была, посещение отметили — и ладно.

То, что большинство все-таки потянулось обратно в университет, не заставило его передумать.

— Да пускай отсиживают, это всё эффект первого дня. Потом сами будут сваливать, без подсказок. Кстати, то, что мы сегодня не врубались — тоже эффект первого раза. Дальше втянемся, вот увидишь. Только оно само должно получиться, плавно, тут натиском не возьмешь. — Он говорил уже только с Мариной, потому что никого не осталось.

Хотя нет — колючий парень за соседним столиком

посмотрел на них с нескрываемым презрением, поднялся и ушел. В сторону учебного корпуса.

Марина понимала, что тоже легко могла бы пойти на занятия или хоть домой поехать — вообще, сделать собственный выбор. Она его и сделала.

— Ну, вперед, на поле чудес!

И они пошли в кино, потом поехали в книжный за учебниками, потом — все-таки в ту приличную пиццерию, потом просто гуляли, потом Арсений провожал Марину на электричку. И поцеловал ее на платформе — неожиданно, но очень естественно. На прощание. С этим своим бесхитростным видом — но по-настоящему.

— Ты всегда целуешься на первом свидании? — спросила Марина.

— А это не было свидание. Это мы так — познакомились, погуляли. Я на свидание тебя только хотел пригласить. Как насчет завтра? У тебя это воскресенье свободно? Ну так подумай, я еще позвоню.

Марина шагнула в вагон в полном смятении — оттого, что первый в ее жизни настоящий поцелуй никак на нее не подействовал. Наконец-то это произошло — уже есть, о чем рассказать Жанке. Но сердце не заколотилось, не замерло, никаких мурашек или бабочек в животе, о которых она столько читала и слышала.

Что же, с ней и здесь не всё в порядке? Но почему тогда, год назад, от шуточных поцелуев Ника она улетала в другое измерение, а самый настоящий — никакого впечатления не произвел? Или настоящими были те, а игрушечный — этот?

Студенты ездят в последнем вагоне

ВАГОН оказался полупустым и полутемным. Здорово она все-таки задержалась. И как темнеет рано... Марина оглянулась по сторонам, уже подумывая перебежать дальше по составу, и вдруг заметила парня с книжкой — под единственным источником света. Тот самый нелюдимый тип из их группы!

— Привет, — поздоровалась она и на всякий случай напомнила: — Мы на подготовительных курсах вместе учимся. Можно, я с тобой сяду?

Нелюдимый не возразил, но и не обрадовался.

— Что, фильм только закончился?

— Прямо как занятия, — парировала Марина. — Один в один. Так нам по пути, выходит? Я в Белогорск.

— Выходит, — почти поморщился тип, видимо, решивший остаться безымянным.

А Марина поколебалась — и свое имя все-таки назвала. Как-никак, два часа в одном поезде ехать, да еще учиться вместе почти год. На это ее сосед, все-таки выдавив, как его зовут, заявил уж совсем недовольно и резко:

— Послушай. Первое: пока ты развлекалась, я был на двух парах, а потом на работе. Второе: в пути я всегда читаю и не хочу сбиваться с графика. Так что сиди и не болтай. Если хочешь тут сидеть. Боишься там, и всё такое. А на будущее — студенты обычно в последнем вагоне тусуют. Даже в последней электричке в нем битком и есть с кем потрепаться. Поняла?

Марина поднялась:

— Поняла. Мне здесь не нравится. Темно и пусто.

— Вот потому я здесь и сижу.

Перебегая по составу в хвост, Марина пыталась припомнить, было ли такое, чтобы она — точнее, ее внешность — не произвела впечатления. Да никогда! А чтобы ее так хамски отшили — тем более. Что ж, нельзя сказать, что

учебный день прошел впустую и она не узнала совсем уж ничего нового.

Последний вагон и в самом деле оказался ярко освещен, в нем было оживленно, нашлись знакомые. Через минуту уже не верилось, как это Марину занесло в ту пещеру со злобным гоблином. Правда, совесть шевельнулась: нелюдимый читал, занимался делом, у него есть график. Марина приоткрыла один из купленных учебников, заставила себя пролистать несколько страниц... нет, не сейчас. Надо со свежими силами.

Пал Палыч и Рольд встречали ее на станции.

— Ну, как первый день?

— Прекрасно.

— А что так поздно? Всегда так будет?

— Да нет. Не знаю. Это мы немного посидели в «макдаке» с одноклассниками... познакомились, — обобщила Марина.

— Конечно! Как же без этого, — закивал Пал Палыч. — А из Белогорска только ты на этих курсах? Больше никто не ездит?

— Есть один, — неохотно ответила Марина и вспомнила имя: — Игорь. Но он какой-то странный...

— А, точно — Вани Зайцева сын! — оживился папа. — У которого фирма по установке окон, он в нашем ремонте участвовал. Как же, видел я его Игоря. А по-моему, нормальный парень, на учебу серьезно нацелен. Он поступил в какую-то академию — из тех, что во множестве открылись по подвалам, просто чтобы в армию не загреметь. И теперь в настоящий вуз будет то ли переводиться, то ли заново поступать. Его Зайцев как раз насчет этого советоваться приводил. Я наш университет и присоветовал.

— Так он уже где-то учится? И еще на курсы ходит? И еще работает?

Марина загибала один палец за другим, и с каждым пальцем начинала чувствовать себя всё более паршиво. А некоторые искали Смысл Жизни и благополучно нашли

Страну дураков. Нелюдимый Игорь со своим графиком теперь не казался таким странным. Как же он стремится туда, откуда на нее глядит только непроходимая скука!

— А еще он то ли состоял, то ли состоит в гражданском браке, — припомнил папа. — Такой молодой — и такой ответственный. Нетипично для наших дней, да?

И нелюбезность тут же была прощена. Мрачный Игорь едет к своей девушке и не смотрит на всех остальных, даже очень привлекательных — как это трогательно! Марина вообразила в этой ситуации Ника. И тут же расстроилась. Потому что если раньше была бы уверена, что тот рисует свою карту, или слушает аудиокнигу, или смотрит в окно и сочиняет очередной маршрут, то теперь его вполне можно представить с какой-нибудь другой принцессой. Та болтает, не закрывая рта, а он кивает: «Какая ты умная! Как с тобой интересно!»

Да что же это за безобразие — она опять о нем думает! Ее первый поцелуй состоялся практически в его присутствии! А думать надо не о нем, а о том, идти ли на свидание с золотым мальчиком!

Дома было так тепло, так уютно. На диване, с кружкой горячего чая Марина ощутила всю бесконечность этого дня. А домашние сочли его торжественным — подготовились, купили торт. Павлик, правда, половину съел, но готов продолжать. Даже Дора не ушла домой и дожидалась ее в каком-то особенном платье.

Что такое осень

С ТАКОЙ скоростью она давно не бегала. Может быть, даже никогда.

Вскакивать субботним утром ни свет ни заря, вместо того чтобы нежиться в постели до обеда, с каждым разом становилось всё тяжелее. В позапрошлый раз Марина

не успела позавтракать, в прошлый — позавтракать и накраситься, а сейчас вообще проснулась за двадцать минут до электрички. Пришлось просто хватать сумку и нестись со всех ног огородами.

Электричка уже подошла. К ней бежали еще двое опозданцев. Марина нырнула в лазейку, сделанную в заборе безбилетниками, взлетела на платформу по приставной доске — и успела вскочить в последний вагон вместе с этими двумя.

Это были Рафаэль и Ник. Выросший с прошлого раза еще на голову. Только уже не походно-лохматый, а, наоборот, очень коротко и элегантно подстриженный. И непривычно стильно одет — явно не с маминой подачи, неужели сам научился? Рафаэль, наоборот, отрастил кудри до плеч — должно быть, сценический образ.

— Привет, Микеланджело, — сказал Ник Рафаэлю, а Марине: — Бегаешь во сне?

— Нет, сплю на бегу.

Они уселись втроем на свободное сиденье, Марина полезла в сумку за зеркальцем — если вид всего лишь сонный, это еще полбеды! — и не увидела на месте кошелька. Порылась. Порылась как следует. Потом перевернула сумку и вытрясла из нее всё содержимое. Кошелька не было.

— Прощай, обед и ужин, — признала она малоприятный факт. Про мини-шопинг в торговом центре можно и не упоминать. Твердила же Дора, начиная с первого класса: собирай сумку с вечера.

— Фигня, — почувствовал Ник. — У вас сколько пар?

— До конца дня. А у вас?

— То же самое.

— А я на частный урок еду, — поведал Рафаэль. — Я тоже без бабла. Один мамин земляк держит забегаловку — меня там кормят обедами, мама договорилась.

— Сейчас пойду по вагонам, — засмеялась Марина, вспомнив «Митрашу и Настю». — Дайте на еду десять копеек!

— А что, — загорелся Ник, — вон их сколько пляшут и поют! Да все, кому не лень! Сейчас Рембрандт тебе насобирает, он же профессионал!

Рафаэль снисходительно хмыкнул и начал расспрашивать Марину, слушала ли она их выступления, и какие впечатления, и что понравилось. А Ник не отставал:

— Чего сидишь? Время пропадает! Озолотился бы уже. Пой давай!

— Рафаэль не поет, он играет джаз, — пояснила Марина, а Рафаэль огрызнулся:

— Сам пой.

Ник ненадолго задумался, потом достал мобильник и начал перебирать разные мелодии.

— О, нашел! Вот это — то, что надо.

Рафаэль молча покосился, а Ник бесцеремонно вытряхнул ноты из его пакета:

— Пакет забираю. Увидимся. Начну разбег с первого вагона. Контры там уже прошли.

— Ты чего, прикальываешься? — не поняли Марина и Рафаэль, но его уже след простыл.

Рафаэль покрутил пальцем у виска и продолжил разговор, а Марина пожалела, что место рядом с ней опустело так быстро. Ведь еще ехать и ехать, могли бы вместе... В то, что Ник начинает с первого вагона какой-то разбег, верилось слабо, пока, уже ближе к Москве, двери не распахнулись и не вошел... Ник. Не глядя на них, остановился в проходе и громко заявил:

— Господа пассажиры, студенты, дачники! Желаю всем хорошего пути.

А потом включил мелодию на мобильнике в качестве аккомпанемента и запел:

*Что такое осень? Это небо,
Плачущее небо под ногами!*

Марина замерла и не шевелилась, Рафаэль пренебре-

жительно комментировал:

— Что он творит? Да у него ни голоса, ни слуха!

— У него есть харизма, — возразила Марина с удивлением, глядя совсем не на Рафаэля.

Она могла думать только: «Это для меня?» и «Это он?». Тот самый Ник? Который был обычно таким ловким на воле, в путешествиях, а на людях всю свою естественность терял, на дискотеке становился неуклюжим, в компании — по-дурацки себя вел и по-дурацки ревновал. Неужели человек может так перемениться? Теперь он стоял посреди вагона, набитого народом, совершенно этого не стесняясь, так же, как и отсутствия музыкальных дарований, и пел как умел. И такой внутренней свободы Марина еще не видела.

А люди слушали слова старой песни, и на лицах не отражалось желание, чтобы он поскорее заткнулся. Исполнителя заметно радовала сама осень, проносившаяся за окнами, и он с достаточным юмором относился к собственному исполнению. А в пакет летели денежки, слева и справа.

Ник с веселыми «спасибо!» прошел до конца вагона, потом вернулся и с триумфом подсел к ним:

— Блин, уже последний вагон! А я дальше ломиться хотел. Только во вкус вошел, даже вас не заметил. — И подал Марине пакет, конфискованный у Рафаэля: — Это на еду.

— Классно получилось, — поблагодарила Марина. — Публике понравилось.

Рафаэль, который сам рассчитывал услышать подобное, остался недоволен. Ник жизнерадостно откликнулся:

— Правильный выбор песни — сто процентов успеха! Осень вечно права. А дальше — полчаса позора, и можно идти в «макдак».

— Тебе на какое метро? — спросил Рафаэль у Марины. На Ника он не глядел, но тот повернулся к нему и сказал доброжелательно:

— Да ни на какое. Ты же видишь, она не завтракала, ей надо кофе попить. И мне надо кофе попить. Тут в торговом центре хорошие бургеры. А ты езжай, частные уроки нельзя пропускать, родители деньги платят. — И не удержался: — Что же ты — столько учишься, а так ничего и не выучил? Даже для вагона?

Рафаэль обиженно начал, что джаз не зубрят, это искусство импровизации, Ник перебил:

— Дружба — тоже искусство импровизации. А еще друг называешься. Пока, Леонардо.

Разве это он?!

ЗВОНКИ золотого Арсюши, который волновался, почему она опаздывает на первую пару, Марина сначала отключила, а потом отключила звук. Заметила, что Ник сделал то же самое. Значит, и его на курсах кто-то ждет?

В кафешке они первым делом высыпали на стол содержимое пакета, чтобы отсортировать мелочь. Столкнулись лбами над кучей. Марина еще раз легонько стукнула Ника лбом, он иронично прокомментировал девчачий предрассудок:

— А, это чтоб не поссориться? — и головы не убирал.

— Ну, чтобы хоть не сразу, — отвечала Марина, также не отодвигаясь.

Оба смеялись, но так и продолжали сидеть голова к голове, а парень за стойкой громко растолковал:

— Не, ребят, это к свадьбе. Правду говорю! Что заказывать будете? — А когда ему высыпали гору железных десятков, выпучил глаза: — Вы что, игровой автомат грабанули?!

— Кофе тут и правда вкусный, — заметила Марина, когда они устроились с подносами у панорамного окна. Внизу плыли потоки машин, по стеклу расплывались дождевые потоки — по ту сторону была призрачная реаль-

ность, по эту — счастливый сон. Как же хорошо, что она спит на бегу и бегаёт во сне. Теперь главное — не проснуться. — И пирожные такие же вкусные, как в «Забавушке».

— У Пал Палыча кофе сто пудов лучше, — уточнил Ник. — Я помню.

— Так забегай. Все наши будут рады.

— А ты?

— И я.

К их столику приблизилась бабка в пуховике, похожем на телогрейку, и клетчатой шали, похожей на плед:

— Молодежь, помогите на бедность.

Пока Марина прикидывала, сколько у них осталось, Ник гостеприимно заявил:

— С удовольствием, бабушка. Вот только денег у меня нет, зато есть карта. Давайте я куплю вам еды, сколько нужно. Говорите, чего вам хочется.

«Что он несёт, какая карта?» — удивилась Марина, а бабка насупилась:

— Не надо мне еды. Мне деньги нужны. — И поковыляла к другим посетителям.

— Слышала? — смеющийся Ник повернулся к Марине. — Бедные — они не голодные, им еда не нужна! Эта мафиозная бабка тут постоянно ошивается, деньгу зашибает.

Марина веселья не поддержала.

— Откуда тебе знать, что она мафиозная?

Ник с удовольствием вскочил.

— Пошли, проверим!

Старуха уже вышла из кафе, Ник настиг ее сзади и страшным голосом пророкотал:

— Стой, бабка! На кого работаешь?!

— Ой. На Махмуда, — пискнула бабка и, не оглядываясь, припустила со всех ног.

Ник опять не мог удержаться от хохота. Марина не сдавалась:

— Ну и что? Какая разница. Могли бы ей остаток мело-

чи отдать — жалко, что ли. — Теперь казалось, что внутренней свободы и раскованности в Нике уже чересчур.

— Не жалко, — согласился он. — Но для меня это было бы лицемерие. Если бабка сначала работала на Сталина, а теперь — на Махмуда, то это ее личное дело. Тебя, что ли, печалит, что я старших не уважаю? То, что кто-то коптил небо дольше меня, еще не повод для моего уважения.

Они медленно шли по сияющему торговому центру. Ник остановился у эскалатора, идущего вниз:

— Тебе, кстати, привет от Лодочника. Он теперь дома сидит, не работает — болячки всякие. О тебе всегда вспоминает, недавно опять спрашивал.

Ник просто передал привет от общего знакомого. Но Марина ощутила такую укоризну, что головы поднять не могла. Перед глазами встали летние блуждания-страдания — о Лодочнике она ни разу даже не вспомнила, не то чтобы подумать, не нужна ли ее помощь. А Ник, значит, как обычно подбрасывает ему еду, лекарства — денег тот никогда не принимал.

Разумеется, Марина сразу рассердилась на Ника. Как там говорила Елена — ему во что бы то ни стало надо быть победителем? Ну так он опять победил. Пусть ловит свой кайф. И поспешила на эскалатор:

— Мне пора. Хочу успеть на вторую пару.

На улице Марина обнаружила, что реальность не призрачна, дождь — настоящий, а от счастливого сна она проснулась.

Весь день Арсений тщетно пытался ее развеселить. Марина же весь день думала, что была неправа, вела себя глупо, и наконец, незаметно для золотого мальчика, сбежала с последней пары. Из метро позвонила Нику:

— Ты когда обратно домой?

— Да хоть сейчас, — тут же откликнулся он. — Давай в торговом центре встретимся, на первом этаже у эскалаторов.

Марина оказалась там раньше и отправилась разглядывать витрины. А вернувшись, издали увидела спектакль.

Ник тоже пришел пораньше и тоже развлекался. Они с приятелем стояли у эскалатора и громко обсуждали спускавшихся дам. На протяжении всего пути сверху вниз те могли прослушать подробности об особенностях своей фигуры, об излишнем весе и необходимости фитнеса и косметических процедур, о нелепостях в одежде, о смехотворных прическах, пошлых украшениях и диком макияже.

Придраться было не к чему: юноши вели приватный разговор, исключительно друг с другом, и мало ли о ком — они даже по сторонам почти не смотрели. Однако женщины съезжали вниз с пылающими лицами. Большинство спешило прочь, некоторые бросали на насмешников гневные взгляды, одна решилась выразить протест — но ее вежливо не поняли.

«Это — он?!»

Сколько раз сегодня возникал этот вопрос? Марина постояла, послушала — и развернулась в сторону электричек. Пусть она будет ханжа и зануда. Пусть у нее никакого чувства юмора.

Минут через десять зазвонил мобильник. Она хотела отклонить звонок, потом ответила:

— Можешь не ждать. Я уже еду домой. Так получилось. Ну, или — не получилось.

Тут же пришла эсэмэска, вероятно, тоже издевательская: «А на кофе приходите?». Со смайликом.

А сейчас я убегаю

— НЕТ, папа, это невозможно! Стоит нам встретиться, как мы тут же ссоримся! Он нарочно всё делает, чтобы меня разозлить!

— Ты на него злишься и ссоришься, а он всё равно приходит? Вы расстаетесь и полгода не встречаетесь, а он всё появляется? Не забывает про твой день рождения, приходит с подарком? И вообще периодически возникает в поле зрения? Ты звонишь — а он отвечает? Твой номер не стерт из его мобильного? И что бы всё это значило?

Пал Палыч, не глядя на дочь, придирчиво осматривал в зеркале свой стильный замшевый пиджак.

— Только, пожалуйста, не начинай снова его защищать, — потребовала Марина. — Ты бы видел, каким циником он стал!

— В семнадцать лет все циники и бабники, — махнул рукой Пал Палыч и вытащил из шкафа другой пиджак, кожаный.

— Как, папа — и ты тоже?

На это Пал Палыч гордо ответил:

— Нет, это все остальные — один только папа был не такой! Как думаешь, так лучше?

— Не лучше, ты на байкера какого-то похож.

И кожа была отвергнута. Из шкафа явилась джинсовая куртка.

— Ты не представляешь, детка, всю сложность этого периода в жизни мужчины...

— Дора говорит, что у мужчин всегда переходный возраст.

— К Доре мы еще вернемся. Так вот, в сжатые сроки надо определить свои отношения с алкоголем, с женщинами, с деньгами, с профессией...

Марина дернула плечом:

— Подумаешь. Всем надо. Многие давно определились, — вспомнила она Жанну.

Пал Палыч, не слушая, продолжал:

— Не приходило в голову, что он тебя дразнит, чтобы обратить на себя внимание? Да он же просто за косички тебя всё время дергает. И что это в том числе для тебя ему приходится становиться и крутым, и циником, и бабни-

ком? Чтобы соответствовать меняющимся запросам? Чтобы было что предъявить?

— Нет, — помрачнела Марина, — он сам для себя и актер, и публика... Зачем тебе эта джинса? Ты что, на пикник собрался? Ты вообще куда наряжаешься?

Пал Палыч вздохнул:

— Не знаю, если честно. Куда моя дама захочет. Это должно решиться спонтанно. Потому я и должен выглядеть и по-походному, и по-ресторанному — на все возможные случаи.

— Дама? — Марина вспомнила, что папа последнее время пропадает по вечерам. То, что сама она пропадает или поздно возвращается из Москвы — это так и должно быть, она же молодая. Но папа! Если он работает — это нормально, но если это дама — это как? Марина растерялась. — А я? А мы не вместе в выходные?

— Тебе ж в Москву, — напомнил Пал Палыч. — Что мне дома куковать в одиночестве? Павлик с классом в поход отправляется. Такая теплая осень — и для походов, и для пикников. Так ты советуешь вернуться к замшевому варианту? Вообще пора новое что-то уже прикупить... Насчет выходных мы, значит, определились — а сейчас я тоже убегаю. Не скучай. Да, — притормозил он, — чуть не забыл: Дора. Надо же вам сказать. Павлик! Иди сюда, к нам, тебя это тоже касается!

Павлик явился, Рольд приплелся — как же без него! — и уселся посередине комнаты, внимательно глядя на хозяйина. Пал Палыч торжественно объявил всем троим:

— Дети мои! Дарья Васильевна просила, чтобы я сам вам сообщил. В ее жизни готовится счастливое событие. Она выходит замуж! Ну и в нашей жизни, соответственно, готовится печальное событие, потому что она от нас уходит, — добавил он скороговоркой.

— Выходит — уходит, — Павлик глубокомысленно сопоставлял оба сообщения.

— Вот именно. Я, разумеется, просил ее остаться. Она,

разумеется, не бросит нас на первых порах...

— погоди, папа, — перебила Марина. — А куда... за кого?

— Этот счастливец, ее избранник — Герман Степанович, который помогал нам в саду.

— Да он же старый, — разочарованно протянул Павлик, а папа наставительно произнес:

— Мужчины не бывают старыми, а только в самом расцвете сил.

— Бывают, — упорствовал Павлик. Он всё больше надувался: видимо, начинал соображать, что баловства и вкусняшек — всего того, что связано с Дорой и что казалось таким естественным, — в его жизни больше не будет. Марина с беспокойством за ним наблюдала — кажется, сейчас заревет. Он же сколько помнит себя, столько помнит Дору. Да уж, благоразумно та поступила, перевалив на отца свое сообщение. Но все-таки, как же так внезапно?!

— А почему она должна от нас уйти? Они что, не в Белогорске будут жить? Или этот Герман Степанович не желает, чтобы она у нас работала? Но Дора ведь не просто работала — она член семьи! А сама она что, согласна с этим? Она не может, что ли, ему возражать?

— Потом-потом! Мы обо всем еще поговорим. Сейчас я убегаю. Не волнуйтесь ни о чем, мы что-нибудь придумаем и грамотно всё разрулим! Ну, возьмем на себя какие-то необременительные домашние обязанности, подумаешь. Не стоит возводить быт в культ. Я и раньше продукты закупал, с голоду не умрем. А вам пора привыкать к самостоятельности, а то Дора совсем вас занячила! — И Пал Пальч спасся бегством.

Как нам на это реагировать?

ТАК вот что означали все эти модные пиджаки и новые платья Доры! Марина, сидя на уроке, машинально рисовала на последней странице тетради тот шикарный сарафан. Он был, оказывается, для Германа Степановича. Удлинила подол, превратила его в шлейф, добавила пышные рукава, потом голову, на голове изобразила фату. Вот так, теперь порядок.

А не связаны ли оба события? Может, это после того как папа перестал скрывать свой роман, Дора приняла предложение садовника? Может, она не желает оставаться в Странном Доме, если в нем появится новая хозяйка? Ведь именно так она и поступила, стоило возникнуть Сумасшедшей Еве, и как сложно тогда было ее вернуть. Неожиданная мысль о некоей новой хозяйке оказалась так неприятна, что Марина поспешила ее на время отогнать и сосредоточиться на счастье, которого она должна желать отцу и Доре.

Однако никакого счастья не ощущалось — только обида на то, что оба готовы дружно повернуться к ним с Павликом спиной и любить кого-то другого. Марина понимала, что это неприлично, что братику было бы еще простительно, а она уже взрослая — но ничего не могла поделать. Обнаружился факт: она относится к своим взрослым, папе и Доре, чисто потребительски — они должны ее любить и о ней заботиться. В этом их предназначение. То, что оба могут хотеть еще какой-то личной жизни и имеют на это право, не укладывалось в голове.

Ну ладно папа — ему тридцать семь, а выглядит он моложе и считается практически юношей. Но Дора, которой за сорок! Какой смысл выходить замуж в конце жизни, на пороге пенсии?! Когда-то именно Дора объясняла ей, что такое месячные, и растолковывала — плюс к медицинским атласам доктора Лончинского, — как устроены мужчины и как с ними себя правильно вести. Но то, что к ней

самой это может иметь отношение, казалось нереальным. Дора могла иметь отношение только к кухне и плите.

Марина представила кухню, в которой нет Доры — получался абсурд, как ирреальные пространства Пиранези, как комната, в которой не было мамы, а был чулан. Оставалось только острое чувство одиночества, только вчерашний детский вырвавшийся вопрос «а я?» — и было неважно, что она уже взрослая.

Взгляд скользнул по портретам русских писателей и плакатам, висящим на стенах класса. *«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий... ты один мне поддержка и опора...»* Конечно, он один! Только он один и остался. Они ссорятся, а он всё равно появляется! Они давно расстались, но он не исчезает из ее жизни! *«Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?»*

Марина шла на урок к репетитору, подбирая кленовые листья и думая, звонить или не звонить. Ведь один раз уже позвонила, а потом не пришла, заявив «не получилось». И это — после подвига с десятью копейками! Нет, плохая идея. Нет, звонить невозможно. Она просто разнюнилась, надо взять себя в руки, надо держаться самой, а не тыкаться в поисках поддержки и опоры.

Юрий Георгиевич опять то и дело выбегал с урока, пояснив:

— Старая проблема! Такие ветры у нас — снова антенну с крыши снесло. Я сейчас!

Марина, покончив с заданием, принялась разрисовывать свои кленовые листья смешными рожами и забавными котами, а потом засовывала их между страницами чужих учебников. Шариковая ручка легко скользила по живой шелковистой поверхности. Рядом с рисунками появлялись надписи «Улыбнись!» и «Удачной контрольной!».

Постепенно охапка листьев перекечевала в стопку учебников. Но один оставался свободен от осеннего посла-

ния. Марина долго смотрела на чистый светло-желтый лист, потом вместо веселых рож разрисовала его такими же кленовыми листиками, приписала «*Осень вечно права*» — и вложила в «Алгебру» Ника.

Юрий Георгиевич вернулся умиротворенным.

— Вызвали мастера? — поинтересовалась Марина.

— Да, мастер уже за работой, — бодро отвечал репетитор, — приступаем к нашим уравнениям.

Уходя, Марина запнулась в прихожей о какие-то большие связки бумаг, а на крыльце еле успела отскочить — сверху кто-то спрыгнул чуть ли не на голову.

— Здорово, двоечника, — приветствовал ее в темноте знакомый голос.

— Привет! Ты заниматься пришел? Я тебя подожду, очень нужно поговорить, — радостно выпалила Марина, одновременно думая, как стремительно подействовала кленовая почта — он ведь даже не успел ее получить.

— Ждать не надо. Я уже отзанимался. Теперь макулатура на очереди.

«Ну вот», — упало сердце, однако Ник продолжил:

— Если хочешь, пошли со мной, и по пути поговорим.

Связками, о которые она споткнулась в дверях, были «Белогорские вести» — местная газета. Ник каждую неделю разносил ее по почтовым ящикам, еще с самого начала их знакомства — это был его твердый заработок, на кино, «Забавушку» и всё прочее.

Марина знала, что у Берестовых выдача карманных денег не принята — причем не из-за скупости Елены, а из-за непонятных принципов Ника, который принимал деньги в подарок только по большим праздникам вроде дня рождения или Нового года. Что-то наподобие Лодочника...

Они часто бегали по подъездам вместе, Марина даже помнила дверные коды в разных домах.

Ник заглянул в комнату репетитора:

— Ну что, работает?

— Да, да, всё великолепно, — слышался веселый

голос Юрия Георгиевича. — Все программы! Я проверил! Спасибо, Николай!

— Так это ты — мастер с крыши? — догадалась Марина. — И здесь подрабатываешь?

— Здесь — спонсорская помощь, могу себе позволить, — важно произнес Ник, подхватывая свои связки. — А у тебя что случилось?

— Вообще-то — то же, что и у тебя. А ты ничего не замечал прямо у себя под носом?

— Говоришь загадками.

И Марина наконец озвучила:

— У наших родителей — роман. Причем всё серьезно.

Ник приостановился. Вгляделся Марине в лицо, пытается понять, не шутка ли это. Потом задумался. И двинулся дальше как ни в чем не бывало.

— Тебе что, нечего сказать? — изумилась Марина.

— Нечего, — признал Ник. — Я от мамы, честно говоря, не ожидал. Конечно, она всегда вызывала стабильный мужской интерес. Но мне казалось, что ее саму интересует исключительно работа...

— ...и любимый сын? — помогла Марина. — Вот и мне казалось то же самое. А выяснилось, что они тоже люди и хотят любви.

Подходя к многоэтажке, Ник предложил:

— Поговори в домофон своим приличным голосом. Мне в этом подъезде последнее время не открывают — боятся постороннего. Хотя, когда был мелким, открывали без проблем. А код сменился. Можно, правда, дернуть дверь посильней.

— Сначала я попробую... — Марина ткнула в первую попавшуюся цифру: — Откройте, пожалуйста, это местная газета!

Домофон запищал, железная дверь отворилась, Ник обрадовался:

— О, так мы быстро всё раскидаем! Не устала? Еще один большой дом и твоя улица.

— Я помню. Но ты как-то подозрительно спокоен! Ты ведь не думаешь, что я прикалываюсь? Я сама сначала не была уверена, но всё так быстро выяснилось, и так просто. Папа мобильник оставляет где попало, и там куча входящих от твоей мамы. И исходящих — ей — от него. И она у него записана, извини, как «Леночка». Ты же в курсе, что у них в школе начинался роман, но так ничем и не кончился? Может, оба не забывали об этом?

Ник молча, внимательно смотрел на Марину, та смутилась:

— Ну так как, по-твоему, нам реагировать?

— По-моему — надо пожелать им счастья, — весело сказал Ник. Вечер уже сгустился, свет фонарей был жидким, и Марина не могла разобрать, действительно ли ему весело. — А что нам еще остается? Давай понаблюдаем за событиями. Вот твой дом и вот твоя газета. Куда теперь — в «Забавушку» или к Доре на пироги?

— Дорины пироги накрылись медным тазом, — голос у Марины дрогнул. — Я что, не сказала? Так много всего... Она от нас уходит. У нее теперь вместо нас настоящая семья будет. Она мужа себе нашла.

Давайте пировать

В ШЕСТЬ вечера уже стояла кромешная тьма, и верилось, что изо всех щелей выползает нечистая сила. Из окон Странного Дома выглядывали оранжевые тыквы и отпугивали ее своими пылающими глазами.

Ник подумал, что у Марины сейчас может быть вечеринка, как обычно на Хэллоуин. Когда он позвонил и дверь распахнулась, гостиная действительно оказалась полна народу. И все страшно обрадовались. Он еле успел сбросить рюкзак у порога.

— Ник пришел! Ура! — завопил Павлик и кинулся ему

на шею.

Пятнистый дог залаял и сделал то же самое.

— О, «пароход», наконец-то! — Пал Палыч подбегал с распахнутыми объятьями.

— Николай! Радость-то какая! — и Дора с чувством расцеловала его в обе щеки.

Еще один персонаж с седыми усами спешил вслед за всеми с рукопожатием. Ник узнал одного из маминых сотрудников — значит, это и есть тот тип, который позарился на Дору и ее пироги. Было похоже на то, что Ник появился вовремя и спас всех от какой-то неловкой паузы.

— До чего же ты вовремя, — так и заявил Пал Палыч. — Герман Степаныч и Дора отправляются в свадебное путешествие, заглянули попрощаться — мы как раз желали им доброго пути. Да и я убегаю. А теперь можно наших спокойно оставить — веселитесь, празднуйте! Пока-пока!

— Пока, — согласился Ник. — Желаю счастья, — сказал он «молодым» солидным взрослым голосом. Захлопнув дверь, прибавил: — Скатертью дорога, — и предложил оставшимся: — Давайте пировать!

— Ура! Пировать! — и Павлик с Рольдом все-таки повалили его на ковер.

Из-под кучи-малы Ник наконец-то увидел Марину. Она ставила на стол его кружку с Наполеоном и улыбалась ему из-под широкополой шляпы. На ней было несколько длинных разномастных юбок, надетых одна поверх другой, а вместо шали на плечах — остатки сетчатой авоськи.

— Ведьма? — удостоверился Ник. — А можешь что-нибудь наколдовать?

— Она каждый день одно и то же колдует, — пожаловался Павлик. — Всё сосиски да сосиски.

— Но сегодня — особенный день, — зловеще проговорила Марина. — Вот вам оторванные пальцы — лопайте на здоровье! Чтоб вы отравились.

Оторванные и окровавленные пальцы были разложены на блюде в два ряда, и их размели на ура за минуту,

несмотря на ворчание Павлика, что это все-таки сосиски с кетчупом и миндальными орешками вместо ногтей. Ник его не поддержал:

— Мне бы так колдовали. За такие ужины я бы продал свою бабушку в рабство.

— Нет у тебя никакой бабушки! — заливался Павлик.

Рольд требовал свою долю.

— А Герман Степаныч вампирское блюдо не оценил, — поделилась Марина. — Даже из вежливости не притронулся! Мой вид напугал его еще больше. Он бы сразу сбежал из этого сумасшедшего... Странного Дома, если бы Дора не держала его за руку.

— А это что — так надо по сценарию? — принялся Ник. — Или горим?

Марина с неподдельным криком кинулась на кухню. Дверь хлопнула, повалили клубы дыма.

— Ничего, витражи не боятся ни влаги, ни высоких температур! — кричал Ник, распахивая обе створки окна. — Их можно будет использовать в новом доме, который мы построим на месте сгоревшего!

Марина, открывая духовку, отвечала:

— А на кухне и нет никаких витражей! Сейчас проветрится — и сам увидишь. Не бойтесь, это не пожар — это пирог!

— Это — пирог? — не поверил Павлик.

Дым рассеялся. На противне в форме потрескивали угольки.

— Твоя любимая шарлотка, — пояснила сестрица. — Хотела сделать тебе сюрприз. И Дору поразить заодно. И то что они на самолет торопились!

— Сюрприз удался, — угрюмо заявил братец.

Ник что-то говорил по мобильному телефону, называл адрес: Зеленая улица, Странный Дом. Номер на том конце не переспрашивали.

— Будет вам пирог. Вы же не против пиццы? Но привезут только через час, не раньше — у них полно заказов,

сегодня все сидят дома и жрут.

Павлик выразил новое беспокойство:

— А сладкое? Торт забыли купить! Тех конфет, которые Дора подарила, мне одному не хватит!

— Хватит, — урезонила его Марина, Ник усмехнулся:

— Ну, раз у вас больше ничего нет — к соседям, что ли, в гости податься?

— Может, и правда пойти по соседям? — размышляла Марина. — Пятница, вечер. Все сидят дома и жрут. Сладостей наверняка накупили. Давайте, за час успеем!

Она накинула прозрачный плащ прямо поверх ведьминского наряда — на улице было удивительно тепло.

— Я готова, а вам бы придется. Павлик, где твоя привиденская простыня?

Павлик взлетел по лестнице, а спускалось через минуту уже привидение — оно дико выло и хлопало белыми крыльями, вот только из-под савана высовывались кроссовки и джинсы. С прошлого Хэллоуина призрак подросток.

— Из тебя получится классная мумия, — сообщило привидение Нику. — Ловите бумагу, мотайте!

Одного рулона туалетной бумаги не хватило, принесли еще пару. Новенькая мумия пробно прошлась по гостиной — покачиваясь, с вытянутыми руками.

— А Рольда во что бы нарядить? — задумалось привидение. — Я в Сети видел классный костюмчик — собака-паук.

— Рольда наряжать уже некогда. Он будет Собакой Баскервилей, все так и поймут.

Выходя из дома, мумия прихватила ведро, ведьма — метлу, правда, современную, пластиковую, в виде веера.

— С кого начинать и что говорить? — уточнила мумия. — Народ готов вообще воспринимать такие вещи?

— Будем приучать, — решила ведьма. — Вон Петровна копошится, белье снимает — начнем с нее. Можете импровизировать — Ник, это по твоей части.

Петровна, против ожиданий, не испугалась, бросила

тазик и повисла на заборе, чтобы как следует разглядеть пришельцев:

— Маринка, я тебя узнала! Во вырядилась! С праздником? А чё за праздник-то? А, этот, как по телику! Ну и чё дальше?

Мумия выступила вперед и заговорила эпическим голосом:

— Тьма скрыла горизонт. Тучи сгустились над долинами. И для борьбы со злом в кузнях Атлантиды было выковано магическое ведро!

Привидение с жуткими прорезями для глаз и зловещей акульей улыбкой летало вокруг, подвывая. Мумия потрясла ведром. Петровна наконец растерялась.

— Можете откупиться от зла, — проскрежетала ведьма. — Есть сладкое? Шоколад, конфеты?

— Есть! И конфеты, и пряники! Я щас! — Поняв условия игры, Петровна повеселела. Дала совет: — А вы идите к Глебовне, она сегодня «Мишку косолапого» покупала! И «Красной Шапочки» килограмм, я видела!

Кидая в ведро свои дары, она кричала в мобильник соседке:

— Глебовна! Ряженые идут! Отворяй! Конфет им подавай шоколадных!

— Что-то негусто, — посетовал призрак, заглядывая в магическое ведро и обнаруживая там три мини-пряника. — Во жматьё. А где конфеты?

Но дальше пошло веселее. Соседи охотно слушали про тьму, скрывшую горизонт, и не жалели сладостей. Некоторые откупались от зла деньгами. Живые артисты вносили приятное разнообразие, отрывая от телевизоров. Компания прогулялась и в сторону дач, навестив Юрия Георгиевича, и в противоположный конец Зеленой улицы, до дома Мдивани. Тетя Нателла обрадовалась:

— Вот спасибо, что зашли! Мои, как всегда, в ресторане играют, а я одна тут сижу — скучища! Вы разве не зайдете? Как жаль! А сфотографироваться с вами можно? Вы такие

потрясающие!

Ведро она наполнила доверху, взгромоздив наверх коробку с кусками торта.

— Надо было сразу сюда, — приговаривал призрак, вытаскивая что-то на ходу и шурша оберткой под саваном, — и можно было больше ни на кого время не тратить! Я возьму еще шоколадку — для подкрепления сил?

Напоследок заглянули к Варе — та обитала теперь бок о бок со Станным Домом, в резном деревянном тереме. Ее новый муж оказался соседом Медведевых. Эти молодожены уже где-то провели медовый месяц, только что вернулись, нашествию обрадовались и тоже попытались затащить к себе в гости. Но мумия, взглянув на часы, прошипела ведьме:

— Пицца на подходе.

— Ну так хоть сфоткаться, — взмолилась Варя. — Красота ведь невозможная! — А после фотосессии, заглянув в кухонные шкафы и холодильник, всплеснула руками: — Ой, а у нас шаром покати! Мы только что с дороги. Простите, пожалуйста! Вить, вот оконфузились! Детям нечего дать. Ты не прихватил леденцов в самолете?

Ведьма вытащила из магического ведра пачку печенья и шоколадку:

— Это вам к чаю. Чтоб до утра дожить. Берите, не стесняйтесь. С праздничком!

— Ну мы даем, — смеялась Варя, — демонов обобрали! А мы ни во что такое не превратимся, если это съедим?

— Мы исправимся, — поклялся ее муж. — Честно! Приходите завтра! Непременно вас ждем!

— За фото в другой раз будем брать по отдельному тарифу, — постановило практичное привидение. — Пойдем скорее.

Напротив стоял настоящий жуткий дом — темная безлюдная изба, владелица которой в начале лета скончалась при таинственных обстоятельствах. С тех пор там никто не жил, и при взгляде в ту сторону хотелось незаметно про-

шмыгнуть мимо.

Проехала милицейская машина, из нее высунулся майор Фольц, осмотрел живописную компанию, хохотнул и предложил подвезти. А разносчик пиццы, уже звонивший у калитки, ничуть не удивился.

— Я сегодня весь день всякую нечисть обслуживаю, — устало проговорил он. — Только все дома сидят, а не по улице шляются.

Мумия картинно рванула на груди свои бинты, чтобы добраться до кармана с деньгами.

Я тебе еще ракушки принесу

И НАЧАЛСЯ настоящий пир. Половина ведра осталась еще и на завтра.

— У нас отличная команда, — заявил Павлик, сбросивший привиденскую простыню. — Ну и пусть мы брошенные дети, зато мы вместе собрались! — И достал из-под диванных подушек книгу: — Сейчас выберу самое страшное.

— Ужастики смотреть не будем, — шепнула Нику Марина. — В прошлом году он от них плохо спал. Я в маминой коробке откопала английские готические рассказы.

— «Церковное привидение», «Фенстантонская ведьма», «Тринадцать за столом», «Дом с призраками», — заглянул Ник в содержание сборника. — Жесть. На кучу Хэллоуинов хватит.

— Классные истории, картинок только нет, — критически отметил Павлик. — Во взрослых книжках не рисуют ни фига.

— Сейчас исправим, — пообещала Марина.

Она сбегала за бумагой и карандашами и, пока Ник читал, делала иллюстрации. Павлик остался доволен, и кладбищенские кресты, развевающиеся саваны, злове-

щие рожи главных героев — все рисунки вставили между соответствующих страниц.

Марина тоже была довольна: год назад они здесь говорили о готовом мире и его переустройстве, и вот мечты воплотились — сделан лабиринт, воздвигнут дом на дереве, и папа с Дорой пытаются улучшить свои миры, и книжка, состоящая только из букв, обрела картинки. И главное — Ник здесь, рядом!

— А сколько время? — спохватилась она. — Ого, первый час. Тебе, наверно, пора?

— Ты меня выставляешь? — удивился Ник.

— Я просто понимаю, что праздник подходит к концу.

Счастливые сны заканчивались, и сказка тоже кончается.

— А я никуда не собираюсь. Я буду здесь жить.

Три удивленных лица, включая собачье, внимательно смотрели на него, словно не поняли шутки и ждали объяснения. И Ник объяснил:

— Наши родители вот-вот сойдутся и заживут под одной крышей одной семьей. В таком случае я стану вашим сводным братом. Есть возражения?

Павлик несколько секунд соображал, а потом в полном восторге, как в начале вечера, повалил Ника на ковер. Рольд помогал.

— Ты правда? Ты никуда не уйдешь? Ты с нами останешься?!

— Если вы оба не против, — серьезно отвечал Ник, выбираясь из-под них и глядя на Марину. — Маринка, ты согласна?

Взгляд Марины случайно остановился на бумажной иконке с «русской троицей» — Иисус, Богородица и Николай Угодник, которую Дора засунула в книжный шкаф. Всё это время она безотчетно твердила про себя: «Господи, пусть это будет не шутка. Господи, пусть он останется. Пусть он будет кем угодно, кем захочет. Только бы мы были вместе!»

— Еще как, — ответила она.

— Ну вот и прекрасно, — подытожил Ник. Голос его раздавался уже из прихожей: — Сейчас возьму рюкзак. Я, в общем, уже с вещами. Ну так где будут мои апартаменты? Здесь, с Рольдом, на диване? Или наверху? Я там, кстати, витражи еще не видел.

— Пошли, погляди в моей комнате, — тянул его за рукав Павлик. — И оставайся у меня, если хочешь! У меня много места!

— Ну, если ты один боишься — после всех этих жутких историй...

— Ничего я не боюсь.

Ника поводили по второму этажу, и младший брат показательно улегся спать, убеждая всех, что ничего не боится. На очереди была новая комната для гостей.

— Мне подходит, — решил Ник, бросая рюкзак на пол. — Море — супер.

— А что, если и Елене Николаевне здесь понравится? — предположила Марина. — Она же к нам еще не заходила. Они на нейтральной территории пока тусуются.

— Есть основания полагать, что мама разместится в комнате твоего папы, — рассмеялся Ник. — Люди, в общем, так делают. А даже если ей здесь и понравится — ничего не знаю, я первый занял. Прикинь, они могут нам с тобой общего братика или сестричку родить — прикольно, да? Люди и так делают.

Марина подавленно молчала, не зная, что сказать — братик или сестричка ей и в голову не приходили. Ник приоткрылся:

— Ты чего? Ты не в восторге от всего этого, да? Тебе не светит, что мама здесь появится и начнет распоряжаться? — догадался он.

Марина была ни жива ни мертва, не зная что и как лучше соврать. Когда она представляла себе Елену в Странном Доме, то он сразу же превращался в Холодный Дом — это не зависело от того, плохая она или хорошая, она про-

сто замораживала всё вокруг себя. Это было существо иной природы — Снегурочка, Снежная Королева... Но Ник уже и сам догадался! Сейчас он обидится, развернется и уйдет!

— Она правда не такая, как вы — ну, ты и Пал Палыч. Но, может, она ничего не испортит? Может, дадим им шанс? Пусть попробуют? В конце концов, пускай живут здесь, а мы можем свалить к нам или хоть в дом на дереве! Но я замечал, что тебе у нас не особо нравится, так что решил сам сюда вселиться. Без официальных приглашений. Павлик прав, брошенные дети должны собраться вместе и зажить в свое удовольствие. Нечего вешать нос. Вот увидишь — всё получится!

Больше всего Марине хотелось крепко-крепко его обнять, но она могла только неподвижно стоять и улыбаться. Она же не Павлик и не Рольд. Раз у них теперь другой статус, это неуместно. Если только происходящее все-таки не сон, не сказка, не хохма. Но Ник стоял перед ней и никуда не исчезал. И еще — они не ссорились. Они не говорили друг другу никакой ерунды. Он не выпендривался, она не раздражалась.

— Может, тебе это больше подойдет? Мне кажется, ты всегда чего-то такого и хотела, — так же серьезно продолжал Ник — уже не о папе с мамой. — Вот увидишь, всё получится! И на настоящее море поедем наконец! Давай их на Новый год раскрутим?

Оба засмеялись, Ник поскреб морской витраж, потом раскрыл окно и свесился наружу.

— Мне кажется, или лабиринт как-то расширился?

— Ага, работает! Все попадаются! Я еще летом по углам и в концах дорожек расставила зеркала, и пространство зрительно увеличилось. Надо будет только на зиму их убрать.

— А стеклянный шар в центре кокнули, что ли?

— Да это всё Павлик, а валит на Рольда! Зато есть повод придумать что-нибудь новое к следующей весне. Идеи принимаются!

— Здорово как всё видно, это Пал Палыч фонариков столько наставил?

— Да, они тоже летние, тоже на зиму придется убирать...

И тут Марина его увидела. И не поверила глазам. Но тот самый камешек-смайлик, переживший и зиму под сугробами, и весну с дождями, и лето, и все перекопки, теперь лежал на краю цветника под ярким светом фонаря — и улыбался. Не иначе как вылез посмотреть на бывшего хозяина. Который, со своим редкостным зрением, тоже отлично его видит. Точнее, видит участь, постигшую его подарки.

— Я тебе еще ракушки принесу, — пообещал Ник. — Ну, по краям клумбы выкладывать. Муми-мама, что ли, так делала?

Где ты шляешься и где берешь деньги?

— ДЕВЧОНКИ, а как у вас дома — всё наладилось?

Марина подошла на перемене к двойняшкам. То, что их мать повторно вышла замуж за мужчину, у которого двое сыновей-близнецов, новостью давно уже не было, но заинтересовало ее только сейчас. Сестры хором ответили:

— Да нормально, — а потом по очереди уточнили:

— Да как-то сразу наладилось.

— И само собой.

— Отчим — нормальный мужик, — изложила Инесса. — И потом, он и мама всегда на работе, мы их и не видим.

— Мальчишки тоже нормальные, — дополнила Ванесса. — Правда, в одних трусах теперь по дому не ходишь...

— ...но это единственное неудобство. У нас две ванн, М и Ж, мы не пересекаемся. Ну и комната у них тоже своя. Они нам не мешают.

— Вы что же, совсем не общаетесь? — удивилась Мари-

на.

— Почему? Фильмаки иногда вместе смотрим...

— ...и куда-нибудь ездим вместе с родителями.

— Я знаю, что вас заколебали советами пережениться и посмотреть, какое потомство получится, — вспомнила Марина шуточки одноклассников на эту тему. — А сами вы как насчет этого?

— Никак, — это прозвучало опять хором, а по отдельности:

— У них свои романы, у нас свои. Рафаэль и Рудольф — конечно, пройденный этап, но это не значит, что мы имеем виды на наших близнецов. Но мы к ним правда хорошо относимся...

— ...и они к нам. Всегда можем договориться по дому подежурить друг за друга. И с уроками они нам помогают...

— ...они же старше и всё уже проходили. Но мы не флиртуем, честно.

— Они нам правда как братья.

Марина и сама не знала, что хочет услышать. Просто спонтанно задала вопрос.

В Странном Доме тоже всё наладилось сразу и само собой — нет, совсем не так: каждый день теперь был как праздник. Остаток осенних каникул они провели втроем и так же весело, Марина даже не сразу вспомнила, что каникулы у них не совпадают, а значит, Ник просто забил на учебу. Но ведь пара дней — не критично!

Теперь они встречались после школы, вместе шли домой, вместе придумывали какой-нибудь обед, а потом опять вместе делали уроки. Ник располагался посередине Марининой комнаты прямо на полу, разложив вокруг себя тетрадки и учебники. Дог тащился за ним, растягивался рядом на ковре и погружался в священный сон, который Ник называл «научным». Появлялся и Павлик, и новоявленный старший брат непедагогично решал его задачки и вставлял пропущенные буквы в упражнениях по русскому.

Появление нового члена семьи Пал Палыч приветствовал. И сейчас, приехав с работы, осведомился:

— Как «пароход», домой не отчалил? Мы его не доконали своей безалаберностью или плохой кормежкой? — И, услышав, что не отчалил, восхитился: — Я это ценю! Ведь это он хочет нас поддержать! Может, Лене так легче будет сделать собственный шаг, за ним следом!

Марина подумала, что папа похож на именинника — в день рождения обычно впадаешь в такой же идиотизм, когда кажется, что все вокруг тебя любят и думают только о тебе, стараясь всячески угодить и порадовать. А еще — что это ее Ник хочет поддержать. Но подумала молча. А вот «плохой кормежки» пропустить мимо ушей не смогла:

— Как это — плохая! Чипсы есть, орешки! Кофе я варю не хуже тебя! Яичницу с кукурузой выучила! Даже Павлик съел!

Дора как-то пыталась научить Марину вести хозяйство и притащила древнюю книгу времен своего детства, под названием «Девочки, книга для вас», напичканную рецептами, выкройками и всевозможными полезными советами. Марина с удовольствием ее читала — про девочку Капу, которая смешно училась стряпать, истории о кулинарных традициях разных стран, о том, как появились в России картошка. Рецепты она с таким же удовольствием пропускала.

Теперь пропущенная часть оказалась кстати. Марина уже попробовала сварить по этим рецептам гречневую кашу и картошку — и на этот раз ничего не сожгла. А яичница с кукурузой ей и самой понравилась.

Пал Палыч поспешил отречься от своих неосторожных слов, а Марина завершила:

— И пиццу мы каждый день заказываем! У них штук тридцать самых разных, мы решили все перепробовать. Так что прекрасная у нас кормежка, не хуже, чем у Доры.

Пал Палыч заглянул в буклет, валявшийся рядом с коробками из-под пиццы. Внутри обнаружил чек.

— А почему заказ сделан на Берестова?

— Потому что Ник заказывает, — пожалала плечами Марина. Странный папа — цепляется к какой-то ерунде, как будто поговорить больше не о чем. И ведь не унимается:

— А платит кто?

— Тоже он. Какая разница.

Пал Палыч вмиг стал необыкновенно серьезным. От восторженности не осталось следа.

— Огромная. Мы тут что же, выходит, на Ленины деньги питаемся?! В какое положение вы меня ставите? Я недостаточно даю тебе на расходы, что ты не можешь сама их вести?

— Не парься, — успокоила Марина, — не питаемся мы на Ленины деньги. Ник у нее их никогда не берет.

— А где он их берет?

— У него всегда были независимые доходы. Ты же знаешь, он газеты разносит.

Тут испарились последние остатки папиного благодушия.

— Какие газеты?! Марина, ты умеешь считать?! Пусть репетитор повторит с тобой таблицу умножения! Газетных копеек хватило бы ровно на два пирога, а вы тут каждый день пиры закатываете! Я вижу десятков этих коробок!

— Не парься, — повторила Марина. — Раз он сам заказывает и сам платит, не буду же я его останавливать. Подумай: если ты не хочешь, чтобы мы ели на Ленины деньги, почему он должен хотеть есть на твои? Вы еще не съехались и не объединили наши хозяйства, — добавила она, невольно вспоминая рассудительный тон Ника.

Пал Палыч остыл и, видимо, с рассуждениями согласился.

— А пицца — это вкусно и удобно, — завершила Марина. — Я в состоянии раз в день что-нибудь приготовить, но не могу же я всё время жить в режиме подвига. Вот Ник это понимает!

— Ладно-ладно, — скороговоркой согласился Пал Палыч. — Собственная гордость, личный вклад и всё такое. Я побегал уже! А все-таки ты выясни источники его доходов!

— Сам выясни, — предложила Марина.

— Но мне неудобно. Как я могу требовать у него отчета! А тебе самой что, неинтересно?

— Нет.

— А где он, кстати?

— Ушел по делам.

— И по каким, тоже неинтересно? — с иронией спрашивал Пал Палыч уже из прихожей.

— Сам расскажет, если захочет.

— Конечно, расскажет. Он же теперь наш брат, — заступился и Павлик, который только что вернулся с улицы, устраивал свой скейтборд на ночлег и услышал часть разговора.

— Ну да, ну да, — промычал Пал Палыч еще ироничней, дождался, когда сын убежит в комнату, и добавил: — До чего же ты его довела, если он на это согласился!

— Я не доводила. Он сам предложил. Это я согласилась, — объяснила Марина сдержанно.

— В таком случае, что он задумал? — насторожился Пал Палыч.

— Ничего.

— Ничего не понимаю, — донеслось уже с улицы. — К чему эти игры?

Самое забавное, что буквально то же самое выдала и Жанна: «Это вы ролевые игры решили попробовать?». Тем не менее, побывав в Странном Доме на каникулах, она осталась очень довольна. Наверное, впервые за всю историю их знакомства они с Ником не подкалывали и не шпыняли друг друга, даже когда играли в «Монополию» и в «фараона» или выбирали фильм. Ник выглядел гостеприимным хозяином настолько органично, что Жанна, прощаясь с подругой, признала: «Прогресс налицо. Вы

отличная пара! Наконец-то собственную дурость переросли». И не захотела слушать объяснений про слияние семейств: «Да ладно лапшу-то мне на уши вешать! Какое вам дело до предков? Оттого что они женятся, никакой вы родней не становитесь. Кто на это смотрит вообще!»

Варя тоже фыркнула: «Ну Николка юморист! Ну намудрил! Да вы — Ромео и Джульетта, никто ж не слепой. Только без ядов и кинжалов обойдитесь, пожалуйста!» Марина с Ником сидели у соседней — те «исправлялись» после Хэллоуина, и Марине казалось, что и они, и хозяева выглядят как-то похоже. В самом деле, как две пары. «Ты это с себя переносишь», — защищалась она, Варя торжествовала: «А вот и нет! Вот приспичило самим себя обманывать! Да вы только друг на друга и смотрите!»

И Марина обнаружила, что смотрит на Ника. Тот сидел в противоположном углу комнаты и разговаривал с Варинным мужем. Виктор Бояринов был своеобразной личностью: одновременно занимался бизнесом, местной политикой, поиском незахороненных останков советских солдат, каким-то экстремальным спортом, философией, да еще книжку писал — о древних язычниках, Марина забыла их название. Они с Варей и ездили в те доисторические места, для книжки. Так что Виктору с Ником нашлось о чем поговорить.

«Я тоже вначале думал, что не смогу зачищать костяки, — доносилось до Марины. — А оказалось — очень даже». — «Плюс отличная медитация о смысле жизни — кто был этот человек? Что делал, о чем думал, как умер...»

Ник говорил с Виктором, а смотрел на нее. И молодые то и дело обменивались взглядами и улыбками.

Однако Марину это наблюдение не смутило. Целый мир вокруг мог думать и говорить о них что угодно. Ей было всё равно, каким там стандартам они соответствуют или не соответствуют. И где пропадает Ник, тоже не волновало, как бы папа ни иронизировал. Она могла спокойно валяться на диване рядом с Рольдом и читать роман.

Марина понятия не имела, откуда берется это абсолютное доверие. Оттого, что они решили отказаться от тех ролей, которые так неудачно примерили, и связанные с ними ревность и подозрительность ушли сами собой? Или «братские» отношения в самом деле им больше подходят?

В книжке оставались две последние главы. Перечитала фразу: «Он не заслужил света, он заслужил покой». Они тоже заслужили! Ведь почти весь этот ужасный год только и хотелось, что вернуть время, когда всё было хорошо! И если невероятным образом удалось создать его заново, то какая разница, как это называется и как это называют все остальные!

Ник попытался прокрасться в комнату на своих кошачьих мягких лапах, но с догом этот номер не проходил. Он поплелся в прихожую еще до того, как щелкнул замок.

— Где ты шляешься и где берешь деньги? — Марина подняла от книжки голову. — Это сурового отца интересует, но сам он боится спросить.

— Ну, от тебя никаких секретов, — просиял Ник. — Я граблю людей на дорогах!

А ты куда?

— А ЧТО ты тут делаешь?

Марина почти вылетела из дома, но в дверях развернулась на полном ходу.

Пал Палыч один в гостиной грустил над чашкой кофе.

— Что я делаю у себя дома? — ответил он вопросом на вопрос, и прозвучало это озадаченно.

— Ты же по воскресеньям с Леной куда-нибудь, — пояснила Марина. — Мы успели привыкнуть.

Папа странный такой — не сияющий.

— У Лены сегодня дела.

— Ну и что, — не поняла Марина. — Это повод для печали?

— Знаешь, — произнес Пал Палыч задумчиво, — я вдруг осознал, что никто больше не будет любить меня ради меня самого. В лучшем случае я буду вписываться в планы — ну или не вписываться.

Но сочувствия он не встретил. Что еще за глупости, прямо как Рафаэль! Меня не понимают, мой джаз не слушают.

— А может, этого и не нужно? Как будто у тебя своих планов нет. Знаешь, если тебе нужна Душечка, то ты отлично знал, что это не про Лену.

Пал Палыч поспешно покивал.

— А ты куда? С Николаем?

— Нет, мы на курсы по субботам ездим, — Марина подпрыгивала, глядя на часы. — Он вечером появится, я тоже. Извини, надо бежать, у меня электричка!

Показалось

— АРСЕНИЙ, мой одноклассник. Николай, мой брат.

Марине ничего не оставалось, как их познакомить. Она улизнула с занятий пораньше, но золотой мальчик тянулся за ней, как нитка за иголкой, предлагая кино и пиццу, и в итоге оказался у входа в торговый центр. Где Ник уже стоял и дожидался.

— Правда, что ли? А чего непохожи совсем? — осведомился Арсений, пожимая руку новому знакомому.

— А это потому, что я похож на маму, — приветливо объяснил ему Ник.

— ...а я — на папу, — подхватила Марина, прикидывая, что они отвечают, как двойняшки, на два голоса, и так непринужденно, словно занимались этим всю жизнь.

— Зато вы с Маринкой друг на друга похожи, — заметил

Ник, разглядывая Арсения. — Ты бы запросто мог за брата сойти.

Марина посмотрела на отражение в зеркальной стене торгового центра — и правда, два одинаковых «кленовых листика».

— Не, это неинтересно. Я бы лучше стал ее бойфрендом, — доверительно сообщил Арсюша. — Только твоя сестра целоваться не любит. Сразу: домой пора, электричка приехала.

— А ты женись, — всё так же приветливо улыбаясь, предложил Ник, — всё будет.

— Ну так родки мне квартиру подарят, — размышлял Пальчиков, — когда я в универ поступлю. Да я поступлю, и они уж купили. Чего не зажечь-то?

— Мотивация — супер, — отдал должное Ник семье нотариусов, — чтоб стараться там, с занятий не сбегать. А хата где, в центре?

— Обижает. Конечно. Чего по помойкам-то лазить.

— Годится, — подвел итог Ник.

Теперь Арсений поинтересовался:

— А ты где учишься?

— На его долю выпало научную династию продолжать, — подала голос Марина. — Один из наших дедушек — знаменитый академик Берестов, пришлось поступать туда, где он преподавал...

— ...ну да, все парятся, а я на факультете дверь пинком открываю, — подпел Ник. — А юридическое образование, может, как второе высшее возьму, чтобы папу не обижать.

— Я б тоже так не отказался, — уважительно протянул золотой мальчик в ответ на первую половину сообщения, а на вторую: — А мне, блин, хоть бы одно осилить...

«И почему мне кажется, что мы оба прикалываемся над бедным Арсюшей, — мелькнуло в голове у Марины, — хотя почти сплошную правду вроде говорим».

— Ну что, друг, пока, — еще раз протянул руку Ник. — Вон родители за нами подъехали.

Напротив на стоянке остановился ярко-красный «опель» Пал Палыча, сам он сидел за рулем, рядом с ним — Елена. Арсений взгляделся:

— А вы и правда: один — на маму, другой — на папу. Надо ж, как бывает. А я думал, это прикол.

— Поехали в гости, — пригласил Ник. — Дом посмотришь.

— В другой раз, — пообещал Арсюша. Когда «опель» отъехал, достал смартфон, пощелкал: — Есть такой академик. В Википедии. Не наврала. В Белогорске как раз жил. Где ж подвох? Видать, показалось.

Ура, у нас гости

— А ВАШ приятель не с нами? Может, его подвезти? — спрашивал Пал Палыч. Настроение у него опять было приподнятым. Видимо, выставка по ландшафтному дизайну, на которую они ездили с Еленой, оказалась интересной.

— Он к нам в другой раз, — отвечал Ник и повернулся к Марине: — Ну как, ловко я его сосватал?

— Ловко. Выглядит вполне одураченным.

Оба наконец расхохотались, и Марина пресекла расспросы любопытного папы:

— Елена Николаевна, что новенького на ВВЦ?

— Да вам неинтересно, наверное — были только презентации и семинары в павильоне. На улице смотреть ведь уже нечего...

Однако Елена все-таки начала рассказывать, достала гору рекламы, журналы. Марина присмотрела для своего лабиринта шпалерную беседку и большие керамические вазы вдоль дорожек — и вот уже показался Белогорск. В просвете между деревьями издали блеснуло круглое цветное окошко.

— Мы ведь к нам? — уточнил Пал Палыч на повороте.

Елена начала возражать, что таких планов не было, но Марина и Ник дружно заговорили:

— Так и отлично, что нет никаких планов! Значит, поужинаем у нас!

— Я пиццу уже заказал, пока вы картинки смотрели. Даже две, чтоб всем хватило. Уже везут.

— Пускай это будет экспромт, — вторил Пал Палыч.

Перевес сил был очевиден, трое против одного — и Елена смирилась.

Ник и Марина переглянулись понимающе: «Надо же когда-нибудь!» — «Давно пора».

Павлик, как всегда, вихрем обрушился с лестницы:

— У нас гости? Ура! — и застыл перед красивой дамой.

Дог чинно подошел к Елене и ткнулся носом в ладонь — она отдернула руку. Тогда он неторопливо сходил за своим мячиком и подал его гостье. Та держала слюнявый мячик двумя пальцами, не зная, что делать с ним, с большой собакой и маленьким мальчиком.

Марина выручила:

— Хотите руки помыть?

Тем временем Ник ставил на стол две огромные коробки с пиццей, Пал Палыч деятельно варил кофе — умопомрачительный аромат наполнил и кухню, и комнату. Павлику объяснили, кто именно к ним пришел, и он исполнился готовности вести себя образцово — настолько, что даже тихо сполз под стол с куском в руке.

Елена тревожно глянула на Пал Палыча — тот жевал как ни в чем не бывало. Ник весело предложил:

— Мам, расслабься. Можешь тоже залезть под стол, там уютно.

Однако Марина видела, что расслабиться Елена не может. Хотя у других гостей это обычно быстро получалось. Марина незаметно следила, как она обводит взглядом комнату, и видела, что папа тоже незаметно следит.

Вот Елена смотрит на ту самую вазу, которую они обычно прячут — брови шевельнулись (Пал Палыч заерзал).

Увидела огромный горшок — брови подпрыгнули (Пал Палыч тоже). Заметила в книжном шкафу бюстик неизвестного писателя — Павлик, уже вернувшийся на свое место, пояснил:

— Это наш НЛО — неопознанный литературный объект. Никто не знает, кто он такой. Он для орехов.

— Бальмонт — для орехов?

— А это Бальмонт?

Пал Палыч обрадовался больше всех:

— Так вот он кто оказался! Пять лет безымянным прожил! Видно было, что хотел сказать, но не мог!

Все засмеялись, зашумели. Коробки из-под пиццы смахнули и достали еще одну — с «Монополией».

— А я не знаю правил, — растерялась Елена.

— Да тут всё просто, — убеждал Павлик. — Вам понравится! Мы один раз так играли, что пропустили Новый год! Слышим — куранты бьют, подскочили, а потом подумали: ну и пускай бьют, а мы доиграем!

— Может, вы хотите дом посмотреть? — опять пришла на помощь Марина.

И Елена сбежала из-за стола. Увидев ирисы на витражах, оживилась:

— Как красиво. Похоже на мозаики в особняке Рябушинского, на Малой Никитской.

Она ходила по комнатам, как по музею, вежливо кивала и совсем не была похожа на женщину, которая собирается здесь жить. А впрочем, почему Елена не должна выглядеть так, как выглядит, тут же одернула себя Марина. Как ей еще себя вести — как мачехе из «Золушки»? Упереть руки в боки, по-хозяйски всё осматривать, или уж сразу начать передвигать мебель на свой вкус?

— А вот моя комната, — Ник гостеприимно распахнул дверь. — Ну как, тебе нравится? Смотри на витражи — море! Круто, да?

Марина заметила, что губы у Елены запрыгали, как будто она сейчас заплачет, ничего не поняла, но быстро пред-

ложила:

— Из окна сейчас не очень видно — мы фонарики убрали, но лабиринт немного можно разглядеть. Герман Степанович очень помог, сама бы я не справилась.

— И я помогал, — ввернул Ник, — и Павлик с Пал Палычем, все трудились, зацени!

— Ну, это мы так, на пять минут заскочили, — словно оправдываясь, проговорил Пал Палыч, когда Елена заторопилась домой и он собрался ее провожать. — Первый блин, так сказать. Слушайте, дети, завтра воскресенье — может, что-нибудь вместе организуем?

Но Ник и Марина в один голос ответили:

— Нет, у меня дела.

Да я всё знаю

КАКИЕ дела у Ника по воскресеньям, интересно было давно, что бы там Марина ни говорила Пал Палычу. Но про разбой на большой дороге он уже отвечал, в другой раз пообещал рассказать позже, когда будет что рассказывать. Настаивать было рискованно — можно нарваться на тот же вопрос, где она сама проводит воскресенье.

Однако Марине уже хотелось, чтобы Ник спросил, а она ответила. Не слишком ли они теперь старательно уважают свободу друг друга? Может, это уже крайность? Вроде того, что Инесса с Ванессой сидят в своей комнате, а вторая пара близнецов — в своей. У них это, конечно, «нормальные» отношения, но у нее же с Ником совсем другие. По крайней мере, сидеть в разных комнатах они могли бы только в случае холеры или чумы. И то вряд ли.

Ник, как всегда, валялся на ковре и усовершенствовал свою карту. Марина оторвалась от компьютера:

— Хочешь поучаствовать в моем проекте? Подсунуть тебе опрос?

— Подсовывай.

— Тема — типичные особенности поколения Y. В двух словах, чтобы было понятно. — И скороговоркой изложила: — Есть теория поколений — зная, какими были предыдущие, можно предсказать, каким будет следующее. Ценности у человека формируются в первые двенадцать лет жизни. Например, если ты растешь в эпоху процветания, то осваиваешь технологии успеха, а если во время кризиса — способы выживания. За весь XX век и начало XXI сменилось шесть поколений. Сначала идут старики, которым за восемьдесят. Это поколение «победителей», они оптимисты и верят в светлое завтра. Потом — «молчаливое» поколение, их детство пришлось на репрессии, войну и разруху. Они до сих пор боятся голода и сажают картошку. Дальше — «идеалисты», которые выросли в супердержаве, победившей фашизм и покорившей космос. Они любят работать в команде, активны и любознательны...

— А это история или обществознание?

— Это для курсов. Но можно будет и к школьной истории приткнуть, Макакусу понравится. Слушай дальше. Мы добрались до родителей. Они — поколение X. Их детство прошло на фоне холодной войны, «железного занавеса» и дефицита. «Иксы» самостоятельны, всегда готовы к переменам и рассчитывают только на себя. Их главные ценности — время и свобода выбора.

— Похоже. Мамин портрет. А что про нас?

— Теперь про нас. Мы — «игреки». Может показаться странным, но по этой теории цикл начинается снова, и мы соответствуем «победителям». На наше детство пришлось распад СССР и теракты, но еще и расцвет цифровых технологий. «Игреки» предпочитают работу в команде, прекрасно ориентируются в социальных сетях, любят комфорт, моду и спорт. Если интересно про Павлика, то поколение Z только формируется, но предполагают, что оно окажется похоже на «молчаливых», что это будут идеалисты-творцы. Короче, ты в курсе. Теперь бери опрос и ставь плюсы

и минусы. Я в классе и в группе всех уже напрягла.

Ник пробежался по вопросам:

— «Интересуются исключительно днем сегодняшним, не строят планов на далекую перспективу, считая это совершенно неинтересным. Им нужно всё и сразу» — разумеется. Плюс. «Не признают систему жесткой иерархии и не желают в ней работать» — правильно, еще чего. «Очень важны сотрудничество, обратная связь, общение на равных» — ну да. «Часто выступают против установленных правил» — а на кой они, эти правила... «Хотят получать от работы удовольствие, настоящий драйв, а не только зарабатывать» — еще один плюс. «Завышенная самооценка, страх их не мотивирует» — ха, попробуйте напугайте. Лови, готово. А Арсения ты тоже напрягла?

— Конечно.

— Конечно? Он тебе нравится?

— Немного нравится, — ответила Марина и мысленно продолжила: «Но люблю я только тебя. Ну вот — самой себе сказала». — Ты, может, подумал, что он сноб, но он просто непосредственный.

— А мне как раз показалось — посредственный, — моментально откликнулся Ник, и его интонация напомнила об историческом противостоянии с Рафаэлем, Артуром и Рудиком.

— Да нет же, Арсюша общительный, компанейский, группу нашу сплотил, а то были — кто в лес, кто по дрова.

— Ну, я же говорил — вы похожи! То есть вот этой чертой, и еще внешностью, — тут же поправился Ник, но Марина махнула рукой:

— Да ладно, всё правильно. Я посредственность. Ничего из себя не представляю, яркие дарования отсутствуют, учиться пошла, куда папа сказал.

— Это неправда. — Ник, который разговаривал, не отрываясь от карты, карту теперь отложил. — Ты — самый яркий человек, которого я знаю. Заметь, я говорю не «девчонка», а «человек».

— А я в себе ощущаю абсолютную пустоту. Особенно на курсах. У нас там есть те, кто реально хочет идти в эту профессию. — Марина обобщила под «теми» нелюдимого Игоря, который продолжал демонстрировать чудеса трудолюбия.

— Пустота нужна, чтобы возникло что-то новое, — заметил Ник. — Если место не освободить, оно и не появится.

С улицы донесся шум, в котором смешались лязг техники и незнакомые голоса. Марина выглянула в окно.

— У Бояриновых деревья сажают. Варя говорила, что газон — как раз та пустота, которую нужно заполнить. Елена Николаевна ей обещала сад.

— Что, прямо сейчас?

— Так тепло, сирень распускается. В самый раз сажать. Земля еще мягкая. Такой ноябрь чудесный!

— Не простудись на пленэре, — предупредил Ник.

Марина резко повернулась к нему, он подмигнул:

— Да я всё знаю! Я вообще-то продолжал тебя контролировать. Весь этот год. Мне было важно, где ты, как ты и чем занимаешься. Ну и про студию тоже знаю. Но тебе надо, чтобы это была тайна, я и притворялся.

— Уже не надо. Дело было так: мне дали флайер у метро, и я подумала, что это судьба. Решила попробовать.

— Я и в твои рисунки нос совал, когда тебя не было. Мне понравилось!

— Не может быть. Натюрморты унылые?!

— Не, где три больших дерева, а вокруг домики и человечки. Подари, я на стенку повешу.

— А, тот самый, — засмеялась Марина, торжественно вручила шедевр, созданный на старом причале, и объяснила: — Это только от папы секрет. А то подумает, что я хотела заняться чем-то серьезным — и тут же начала тратить время на пустяки. Хочешь со мной в воскресенье в Сокольники? Мы пойдем на пленэр, если не похолодает.

— Не могу, — покачал головой Ник. — Я бы правда

хотел! Но у меня обязательства. Все воскресенья заняты. Я дело одно раскручиваю.

— А я думала, ты на свой «пленэр» ходишь. Открываешь новые земли, потом будешь показывать.

— Я и показываю, — он произнес это не сразу. — Только пусть это тоже будет секрет — и от папы, и от мамы. Экстремальный туризм привлекает кучу народа — я даже не подозревал. Ниша эта не занята, по крайней мере, в наших местах. Клиентура прибавляется в геометрической прогрессии — по цепочке, друг от друга узнают. Платят прилично. Жаль, световой день убыл по самое некуда — но пока мои маршруты проходимы. Зимнее выживание, кстати, тоже интересует, есть заявки.

— Это опасно? — вырвалось у Марины.

— Да как всегда. Ты же со мной ходила.

С ним даже Павлик ходил. Поход, в который он недавно отправлялся якобы с классом, был на самом деле не с классом. Марина случайно об этом услышала, когда Павлик болтал с Ником, но тоже притворилась, что ничего не знает. Конечно, ее задело, что и братик, и отец как ни в чем не бывало продолжали общаться с ее молодым человеком, когда она сама с ним не общалась. Так, что папа даже ребенка с ним отпустил! Ведь было это еще до того, как Ник притопал и заявил: «Я буду здесь жить». Но она тут же вспомнила, что Ник сначала познакомился с Павликом, а потом уже с ней. И вообще, братик — не приложение к своей сестре, а самостоятельная личность. Из пока что загадочного поколения Z.

— Круто, — сказала наконец Марина. — Но ведь это были только твои маршруты. Ты говорил, что в такие места толпами не ходят.

— А я толпы и не вожу. Двое-трое максимум. Не волнуйся, я кое-что для души оставляю. — И добавил: — Понимаешь теперь, почему я тебя с собой не зову? Это работа.

— Да пребудет с тобой Сила, — пожелала Марина.

— Банзай. Тебе тоже — легкой кисточки, или как там у вас положено.

— Спасибо, мне пригодится. У меня ведь поздний старт. Я потеряла кучу времени. И понимаю, что может ничего не получиться. Вот ты всегда знал, чего хочешь, и двигался в правильном направлении. А я тычусь наугад.

— Так это ж квест, — восхитился Ник. — Пипец как круто. Тоже так хочу!

И Марина видела, что восхищение неподдельное, и он готов прямо сейчас бежать за чем-нибудь новым.

Это другая вселенная

— Ой, кто бы это мог быть? — удивилась Варя звонку, оторвалась от разложенных перед ней листов с рисунками и по пути к дверям продолжала говорить: — Да знаю я эти студии: вы научитесь рисовать за один день, активизируете творческую часть мозга, и всё такое. Почему бы вместо любительской забегаловки не выбрать что-нибудь приличное? Есть же арт-школы, свободные мастерские. Должен быть качественный подход, неважно — подготовка это к художественному вузу или просто арт-терапия. Тебе сейчас нужна техника ведения рисунка, композиционные схемы элементарные — и руку набить, и глаз... А вообще, я не понимаю, Маринка, на что тебе далась юриспруденция и почему бы ее не забыть, как страшный сон... В Суриковском, кажется, с января идет набор... погоди, сейчас я спроважу по-быстрому, кто бы это ни был!

— Привет, Варь. Я без звонка, просто заскочила по дороге — глянуть на твой будущий сад, проверить нашу работу, — донесся из прихожей голос Елены — и Марина поняла, что может уходить. Две подружки сейчас захотят поболтать, попить чаю.

— Почему будущий? Он уже настоящий! Да ты проходи,

сейчас я чайник поставлю! Какие еще звонки, ты же практически моя соседка. Так здорово! Каждый день теперь видеться сможем! Прямо как с Мариной, она сейчас как раз...

Так и есть, надо сваливать. О приличной арт-школе можно потом по телефону договорить. Но Елена перебила Варю:

— Вряд ли мы станем соседками.

Марина застыла. Варя не поняла.

А Елена говорила торопливо и взволнованно, будто сама себя убеждала:

— Да нет, Варь, Павлик замечательный, и я к нему замечательно отношусь, мы не ссорились. Но более близкие отношения — это тяжело для меня. Это просто не для меня! Вот я была у них в прошлые выходные... Это другая вселенная! Замечательная, но не моя! Я поняла, почему Николу туда всегда так тянуло. Это та атмосфера, которую я не могла для него создать. Не дала ему ни брата, ни сестры, ни собаки... Понимаешь, они все любят друг друга, веселятся, дурачатся. Ваза ужасная — Павлик потом объяснял, что это какая-то игра... А я смотрю на себя — и вижу, что меня туда занесло по ошибке!

— Ничего не понимаю. Что не так-то? — изумлялась Варя. — Они и тебя готовы полюбить — да что с тобой, Ленка? Чего ты накручиваешь?

— А я не готова. Я поняла, что не готова к тому, чтобы перевернуть свою жизнь.

— Да это просто предсвадебный мандраж! Он у всех бывает. У меня три раза был! Ты за эти годы привыкла жить без любви, сцепив зубы, тянуть бизнес, тянуть Николку — не жить, а выживать. Любви испугалась, вот насмешила!

— Никола из дома ушел, когда я начала встречаться с Павликом. Взял рюкзак и ушел.

— Так куда ушел-то? Туда же, куда ты сама собралась! Опредил на шаг, можно сказать.

Марина готова была выскочить с заверениями, что Ник ждет не дождется, когда их семьи наконец соединятся окончательно, но Елена сказала:

— Не так всё просто. Он же мальчик-наоборот. То, что ты воспринимаешь как его одобрение, на самом деле — эпатаж и вызов. Я семнадцать лет его знаю. У него всегда было обостренное чувство собственности. Всех мужчин, которые пытались ко мне приближаться больше, чем на рабочую дистанцию, он воспринимал как врагов. И старался вернуть меня себе любыми способами.

Марина опять замерла. Про обостренное чувство собственности она тоже хорошо знала. А вдруг Елена права? Но Варя горячо запротестовала:

— Когда это было! Он давно уже взрослый и сознательный! И к Павлику прекрасно относится и никакой ему не враг! И вообще, тебе не приходило в голову, что Никола просто смылся к любимой девушке при первом удобном случае? Они, правда, до сих пор выдерживают какие-то непостижимые для меня платонические отношения, но суть не в этом. А в том, что мамочкина сиська ему давно уже не нужна! Извини, но не стоит преувеличивать собственную значимость! Лучше подумай, сколько ты значишь для Павлика, прежде чем испортить жизнь и ему, и себе!

— Уже подумала. А ты кого-нибудь роди — и через семнадцать лет вернемся к вопросу о мамочкиной сиське.

Они там, кажется, прощались, обнимались и заверяли друг друга в вечной дружбе и полном понимании, а Марина могла думать только о том, знает ли папа. Сказала она ему уже или решила сначала с подружкой поговорить. И может быть, Варя еще сможет ее остановить?!

Но Варя вернулась недовольная.

— А ты чего так далеко от двери? Могла бы подойти да послушать, чтобы мне всю эту муть не пересказывать! Тебя ведь напрямую касается!

— Отсюда слышно. Вот и всё. Без яда и кинжалов.

Пауза — значит, пауза

— А ВСЁ горшок проклятый, — Пал Палыч кивнул на ни в чем не повинный горшок.

Марина молча обняла отца.

— Я этого и опасался, — продолжал он, — ну, что то, что всем остальным у нас нравится, ее может только отпугнуть!

Марина заглянула ему в лицо:

— Это мы виноваты, да? Ну, затащили ее тогда в гости? Поторопились?

— Нет, это я сам поторопился. И она сказала, что мы должны взять паузу.

— А что это значит? — допытывалась Марина. Ей всё казалось, что у взрослых пустяковая размолвка, или что она чего-то недопоняла, или они друг друга не так поняли. — Пап, а вы об одном и том же вообще говорили? Ты ей сделал нормальное предложение, как в кино?

— Это значит, что мы возвращаемся на исходные позиции. Как будто ничего и не было. Да, я делал предложение. Как в кино. Говорю же — поторопился. — Пал Палыч держался мужественно, но завершил упавшим голосом: — Я не тот человек, который ей нужен.

«Сама она — Прекрасная Дама, — с возмущением подумала Марина, — самой ей нужны сплошные подвиги, чтобы собой любоваться! Чтобы все вокруг нее плясали, а она выпендривалась: все не такие, одна я — такая!» А вслух сказала:

— Ничего подобного. Если бы ты был не такой, она бы просто разорвала отношения — или вообще их не начала. Елена же не гламурная кокетка. Она разве сказала, что всё кончено? Ты это сам додумал. Она сказала — пауза. Значит, пауза! А еще она сказала, что ты — замечательный, и что она к тебе относится замечательно. Варе сказала! Я своими ушами подслушивала!

Папа взглянул с такой надеждой, что захотелось разрыдаться. Марина быстро отвернулась:

— А горшок я к себе в лабиринт укачу! Я в журнале видела — керамика в цветнике. Мы прямо сейчас укатим, вместе с... с Павликом.

Короче, я не прощаюсь

НИК катил горшок и взглядывал исподлобья:

— Это ведь не мы им всё испортили?

— Это они нам всё испортили. — Марина с вымученной улыбкой пояснила: — На море опять не поедем.

— Какое уж тут море. А вообще я маму уговорю уехать куда-нибудь на каникулы. Не передумает, так хоть успокоится.

— Значит, у нас и Нового года не будет?! Опять?!

— Ну, и ты Пал Палыча увези. Только в другое место. Куда поставить? Сюда, в центр?

— Давай сюда.

Марина понимала, почему у Ника виноватый вид. Она сама чувствовала себя так же. Ведь в самом начале, только узнав, что какая-то женщина собирается присвоить папу, она восприняла это как вторжение. И Ник тоже! Наверное, та первая волна их враждебности была такой мощной, что не могла не повлиять, вот всё ничем и закончилось. А потом еще тот неудачный «невзначай», который они устроили! Елена была не готова и просто сбежала — и из Странного Дома, и вообще...

— Ну, я пошел? — Ник подхватил с крыльца свой рюкзак и попытался пошутить: — Вот видишь, и брата из меня не получилось.

— Получилось, — прошептала Марина, всё ниже и ниже опуская голову. — Ты был самым лучшим братом.

— У тебя есть настоящий, — утешил Ник. — Ты давай

не горюй. У них же пауза, а не конец света. А нам никакая пауза не нужна. Я просто не думаю, что было бы удачным решением мелькать сейчас у Пал Пальгча перед глазами. Да и маму надо поддержать. Короче, я не прощаюсь. Заряди мобильник, будь на связи.

Улыбнитесь, пожалуйста

У НЕКОТОРЫХ на фото еще маячили новогодние елки. Кто-то нацепил маску Анонимуса, кто-то скорчил рожу, у кого-то вместо головы были задранные ноги в полосатых носках. Но в большинстве своем с экрана смотрели нормальные человеческие лица.

Марина разглядывала страничку Ника «ВКонтакте», словно археолог с кисточкой: что за люди, чем занимаются, о чем думают? Какое место занимают в его жизни? Одноклассников и вообще белогорцев она узнавала, а остальные, практически всё поголовье — наверное, знакомые по университету, походам и экспедициям. Автоматом он их добавил в друзья, или они и в реале ими являются?

Множество девчоночьих лиц подтверждало слова Жанны о том, что принцесс навалом. А вдруг она смотрит сейчас на них так же, как когда-то Ник — на Артура, Рафаэля и Рудика? С такой же смешной сердитостью? Неужели то, что с ним творилось в девятом классе, у нее начинается в одиннадцатом? Да с какой стати?! Марина резко вышла из социальной сети.

Всю зиму они ловили любые моменты для встреч. Ни в Странный Дом, ни в «зефир» по молчаливому уговору не заходили. Марина смеялась: «Мы бездомные!» Ник возразил: «А кино и кафехи разве прикрыли?»

И они смотрели все фильмы подряд, включая неинтересные, навещали Варю и Лодочника, пересекались то в бассейне, то у репетитора, а в «Забавушке» и «Трех пес-

карях» просто жили, занимая после школы «свои» столики и располагаясь там с учебниками и ноутбуками. Марина и сейчас сидела в кондитерской, пользуясь бесплатным вай-фаем и дожидаясь Ника — он должен был появиться после своих нестандартных каникул, в гимназии начинался новый триместр.

— Привет! — Рафаэль помахал от входа. — Чего хочешь — эклеры, наполеон?

А с Рафаэлем они практически не видятся — он перешел на домашнее обучение и пропадает в Москве, появляясь только на зачетах и контрольных.

— Щедро, — оценила Марина тарелку, где были и эклеры, и наполеон, и корзиночки, и «картошка». — Клад откопал или «Грэмми» получил?

— Просто зарплату, — ответил приятель с плохо скрываемой важностью. — Отец наконец-то начал отстегивать за выступления. Я этим, кстати, тебе обязан. Помнишь, в электричке вместе ехали? Так я потом рассказал, что оказался в глупой ситуации — совсем без денег, девушку не смог выручить. А всё мама — боится, что деньги меня испортят, или их вдруг отнимут, или еще чего-то там она боится. Отец схватился за голову — и начал делиться. Дошло, что я уже не маленький. Так что спасибо, что забыла тогда кошелек.

А Ника всё не было. Наконец он примчался, запыхавшийся и голодный. Объяснил:

— Я с курсов по вождению. Мы с мамой вместе записались. Она всё боялась водить, потому что на дорогах полно машин — вот если бы одна она, тогда другое дело. Но теперь не отвертится! За одной партой сидим.

Марина подумала, что тоже могла бы пойти в автошколу. Если бы ей предложили. Но спросила не об этом:

— А откуда у нее время взялось? Никогда же не было. Я папу так совсем не вижу — на работе пропадает, впал в обычный трудовоголизм.

— Да кризис же, Маринка, телевизор смотришь? Народ

начинает экономить не на колбасе, а на всяких излишествах. Типа садового дизайна. У нее теперь навалом времени, никогда весной столько не было. Это единственный плюс, а весь бизнес в минус ушел. Клиентов единицы остались. Людей сокращать пришлось, в том числе водителя. Но ничего, прорвемся! Мой бизнес оживает, народ зашевелился после зимы!

Ник был настроен весело, по-боевому. А Марино настроение уходило в минус, следом за экономикой. Если народ зашевелился — прощай, воскресенья.

— А ты не забыл, что поступать еще надо?

— Я не сказал, что ли? Я ж поступил! Курсы кончились, типа экзамены прошли — меня зачислили по результатам. Еле дождался. И надоело же мотаться туда!

Значит, и субботы можно вычеркивать. Коммерческие походы займут оба выходных.

— Ты хоть в школу-то заглядывай, — посоветовала Марина.

— Да сдалась она мне! Я ведь уже поступил.

Марина напомнила:

— Аттестат, результаты ЕГЭ.

— Вот черт, и правда. Ну на кой, скажи, эти условности, формальности? Ходить еще куда-то! Такая погода пропадает!

Погода и правда была чудесная. После двух недель двадцатиградусных морозов, которые вдруг ударили в конце марта, установилось настоящее тепло, снег незаметно исчез, и с улицы уходить не хотелось. В кондитерской, так выручавшей зимой, было душно, несмотря на распахнутые двери, и Ник с Мариной отправились бродить по парку.

Она думала, теперь так и будет! А будут, оказывается, вождение с мамой и походы за деньгами! Всё то время, которое они могли бы проводить вместе, уйдет на что-то другое! «А я?» — расстроилась Марина, как когда-то из-за папы и Доры.

Она изо всех сил сохраняла жизнерадостный вид, как

вдруг ее окликнули:

— Девушка, а почему вы такая строгая? Вы умеете улыбаться? Улыбнитесь, пожалуйста!

Они проходили мимо магазинчика Грачевых, на крылечке которого, за маленьким столиком, сидел несуразный дядька с ножницами в руках. Что там еще придумала мама Артура? Тоже раскручивает затухающий бизнес?

— А почему моя девушка должна вам улыбаться? — удивился и Ник.

— Ради искусства! Одну секундочку, задержитесь. Буквально одну!

Дядька взмахнул своими огромными ножницами и начал быстро-быстро что-то ими кромсать. Ник и Марина остановились. На их глазах из черной бумаги появлялся... Маринин профиль — такой узнаваемый, такой похожий, что Ник засмеялся:

— Вот это фокус!

Следом за первым возник еще один, теперь уже его силуэт. Марина была поражена. На самом деле за секунды, без подготовки, почти не глядя! Без всякого рисунка! Ножницы вместо карандаша! Какой необыкновенный дар! Как он это делает? Где научился?

— Один могу подарить, — галантно предложил творец, — а второй оставлю для рекламы, если не возражаете.

У Ника запиликал мобильник, Марина сказала, что не возражает, и выбрала один силуэт.

— Слушай, я в эти выхи на страйкбол еду! Позвонили сейчас с подтверждением! — Глаза у Ника горели, он шагал вприпрыжку, почти бежал. — Ну, это типа пейнтбола, а пейнтбол — это вроде «Контрстрайка», только не на компьютере, а на самом деле. На пейнтбол я тоже ездил, на каникулах — круто! — Тут он наконец заметил, что Марина молчит. — А ты чего кислая? Хочешь, тоже поехали!

— Стрелять шариками с краской? Не хочу. Дальше

не провожай. Будем считать, что это финиш. — И почти побежала в сторону дома.

Теперь стало понятно, почему прошлой осенью не напрягало, где он пропадает, что делает, и в голову не приходило рассматривать его френдов в социальных сетях. Она полностью ему доверяла, потому что была уверена в том, что он или думает о ней, или торопится к ней — где бы ни был и чем бы ни занимался. А теперь он где угодно, только не здесь! К чему тогда превращать их встречи в условности-формальности, вроде хождения в школу? О ней и ее делах он ни одного вопроса не задал!

Ник ее легко догнал:

— Какой еще финиш? А где твой силуэт? Ты забрала у дядьки? — Марина протянула черную фигурку, он не понял: — Это я, что ли?

— А кто еще? Любуйся на себя, любимого.

Искусство отпускать

— МОНТЕККИ и Капулетти что, на порог вас не пускают? Или вы боитесь ранить их чувства? Слишком уж вы с ними церемонитесь! Просто не представляю, как это — всё время на глазах у посторонних. Хоть ко мне почаще заходите, — посочувствовала Варя, сама нуждавшаяся в сочувствии — она приболела, была упакована в плед и, лежа на диване, уплетала черешню, принесенную Мариной.

Жанна выразила ту же мысль более радикально: «Не умеешь ты развивать отношения. Какой интерес, если можно только любоваться на тебя, как на картину? Ну, может, он еще будет заглядывать время от времени — проверять, dorosла ты или нет до взрослых отношений».

Но Варя завершила неожиданно:

— А вообще у нас мало кто владеет искусством отпуск-

кать. У нас уж если влюбятся, так готовы задушить своей любовью. И сидеть друг у дружки на голове, не давая вздохнуть и заняться своими делами.

«Мой возлюбленный на работе и не может круглосуточно меня увеселять», — вспомнила Марина Варины же слова и спросила:

— А где Бояринов? Почему он тебя не лечит?

— Потому что он не доктор, — фыркнула Варя. — Он на конференцию полетел — для книжки надо. Очень мне нужно, чтобы он тут на меня любовался, сине-зеленую такую! Говорю же — надо учиться друг друга отпускать. Иначе любая любовь задохнется. Я его отпустила к хетянам.

— А с этими древними, в отличие от живых, как раз ничего бы не случилось.

Варя протянула тарелку Марине:

— Сама-то попробуй хоть ягодку. Ой, да пришел-увидел-победил — разогнал конкурентов — застолбил свое место и побежал по делам — это типичный вариант мужского поведения. В ответ можно надуться, устроить истерику или попробовать заставить ревновать. Это классические способы. А еще есть секретный: болтать с подружками и угощаться вкусняшками. По-моему, это гораздо комфортней. Спасибо, накормила до отвала! Первая черешня в этом году.

— Варь, тебе, может, нужно купить что-нибудь или сделать? Ты скажи.

— Выполнить всю работу по дому и перебрать четыре мешка чечевицы, — смеялась Варя. — Спасибо, этим одна фея займется, домработница из Витиной семьи. Прекрасный человек, и по-настоящему ему предана. Я, кстати, Павлику ее порекомендовала — если она возьмется хотя бы обеды готовить, то будет вам счастье.

Про домработницу было уже неинтересно. Марина высмотрела на полке среди книжек Бальмонта. Сначала разглядела портрет, сравнив его с бюстиком из Странного

Дома, потом раскрыла томик посередине. НЛО, так долго простоявший безмянным в их гостиной и безропотно служивший щелкунчиком, писал:

*Кто не любил, не выполнил закон,
Которым в мире движутся созвездья,
Которым так прекрасен небосклон.*

*Он в каждом часе слышит мертвый звон.
Ему никак не избежать возмездья.
Кто любит, счастлив. Пусть хоть распят он.*

— ...А ты дуй готовиться к ЕГЭ, — напутствовала Варя, — тебе нельзя сейчас время разбазаривать.

Разбор полета

МАРИНА отправилась домой самым нерациональным способом. Вместо того чтобы пройти несколько шагов от одной калитки до другой, она сделала крюк через вечерний город, вдоль всей Зеленой улицы, мимо парка и площади с фонтаном. Кондитерская была уже закрыта, а окна «Трех пескарей» еще горели, и виднелись рыбы в аквариумах. Марина остановилась взглянуть на свою любимую мурену, пятнистую, похожую на Рольда — та медленно выплывала из затонувшего корабля.

И вдруг увидела Ника. Он сидел за их столиком, в пустом уже кафе, над разложенной картой. Но ничего в ней не чертил и не подписывал, просто молча сидел, с сосредоточенно-незнакомым лицом. Без того привычного выражения, которое автоматически появляется на людях.

Марина стояла, как под гипнозом. И понимала, что она счастлива. И может бесконечно так стоять. Одновременно

проступал вопрос: это он, ее «победитель», всё тот же самый? Наверное, все-таки тот же. Только очень серьезный, повзрослевший.

Марина вошла в кафе незаметно и вполне могла бы, по его же манере, застигнуть Ника врасплох. Но она тихо села напротив и, когда он очнулся, получила невероятную, незаготовленную улыбку.

— Я думала, ты в воскресенье приходишь домой, валишься мешком и спишь двое суток.

— Бывает. А иногда сразу сажусь всё обдумать.

— Что — всё?

— Ну, все этапы похода. Само путешествие — самый простой этап. А есть еще два, до и после. Подготовка и разбор полета. И самый важный — последний. Надо понять, как использовать то, чему в этот раз научился. Если не поймать эти мысли вовремя, они могут уйти.

— Изменения местности? Ты обновляешь карту?

— И это тоже. Смотри, что паводок в этом году натворил. Плотину же прорвало, затопило всё по самое некуда. Видишь, черный камень куда укатился.

Это был один из самых популярных туристических объектов — огромный, величиной с автомобиль, камень ледникового происхождения. Легенда гласила, что он исполняет желания тех, кто на него заберется. Казалось, эту глыбу может сдвинуть с места разве что еще один тающий ледник — однако кончик карандаша указывал на новое расположение, довольно далеко от озера.

— А еще — я же отвечаю не только за свою безопасность. — И Марина опять увидела непривычно серьезное лицо. — Знаешь, ведь это взрослые мужики, и надо суметь себя поставить, чтобы сразу было понятно, кто главный. А это совсем не то что одним собой управлять.

— Получается?

— Да, — ответил Ник после паузы. — А то есть те, кто путает экстремальный поход и пикник. А для некоторых это алкогольный пикник. Таких я научился вычислять уже

на этапе переговоров. Еще есть проблемы с правильной экипировкой. А с физподготовкой — совсем беда. Клиент — дохляк. То, что я рассчитывал под себя, они не выдерживают. Маршрут ведь разбивается на две половины — туда и обратно. Достижение цели — только часть пути, надо еще и вернуться. Если забираешься на гору, надо держать в голове, что придется слезать.

Марина вспомнила электричку, которая чудесным образом подошла к лесной станции как раз тогда, когда у нее заканчивались силы. Значит, он уже и в те времена это просчитывал?

— В общем, делаю перерасчеты, как фокусировать энергию, как распределять точки пополнения сил. Всё менять приходится.

Марина хотела спросить, а сохранился ли — раз всё так сложно — тот драйв, который ему нужен, но тут возник официант:

— Спокойной ночи, господа постоянные клиенты, закрываемся!

— И вам сладких снов, — пожелал Ник. Уже на улице спросил: — А ты на время ЕГЭ на арт-школу забила?

— Не знаю, на время или насовсем. Я ведь не смогла подготовиться к художественному вузу. И времени не хватило, и с чувством цвета проблемы.

— Да ну? — не поверил Ник. — Цвета... цветы — это же так близко. И как раз твоё, по-моему. А вообще — у тебя же запущен процесс. Пока ты двигаешься к цели, нельзя сказать, что терпишь неудачу. Ты по-прежнему в пути. Главное — продолжать двигаться.

— Но поступать реально только на юрфак. А Варя считает, что надо его бросать и не гоняться за двумя зайцами. И что она сама всю жизнь старалась быть послушной девочкой, но счастья это не приносит.

— А ты — послушная девочка?

Марина вспомнила прочувствованную речь Пал Палыча: «Личная жизнь может пробуксовывать, семья может

не сложиться — но твое дело никогда тебя не подведет и не предаст! А у нас с тобой — обалденная профессия!»

— Папа очень пафосно относится к своей работе.

— Важно, как ты относишься.

— Я... попробую погнаться за зайцами.

— Вот это подход, — восхитился Ник. — Зайцев должно быть много! Я тоже прорабатываю альтернативный вариант — походы на моторках, разливом надо пользоваться. Моторки есть, связи Лодочника пригодились!

А вот эти горящие глаза хорошо знакомы. Марина поняла, что с драйвом всё в порядке.

— Слушай, а чего тебе дома не думалось? — вспомнила она убежавшую мысль. — Ты ведь не знал, что я приду в «Три пескаря»? Мы же не встречаемся по воскресеньям.

— Не знал, — согласился Ник. И Марина сама догадалась, что их столик — это точка пополнения энергии, прежде чем он продолжил: — Да так просто. Там думается хорошо. Точные мысли приходят.

Студентка

СНАЧАЛА Марина долго ходила вокруг, задрав голову и разглядывая синие ирисы под крышей. Потом зашла в сам особняк на Малой Никитской. Вход был бесплатный, требовалось только надеть бесформенные кожаные «лапти» и отметить в тетрадке. Фамилия и род занятий. И она написала «студентка», хотя ею еще не была. Но ведь школотой она себя уже не ощущает! И школьная форма сгорела на специально разведенном костре.

Потом Марина зачарованно бродила по комнатам, рассматривая лестницу-«волну» и люстру-«медузу», морских коньков на дверных ручках, роскошный витраж с соснами в прихожей, книжные шкафы, похожие на дома. Потертые кожаные кресла и диваны показались знакомыми...

— Наверное, учитеесь живописи? Или дизайну? — полюбопытствовала старушка-смотрительница.

И Марина снова наврала — кивнула, а та, довольная, что ее догадка подтвердилась, пояснила:

— К нам постоянно приходят художники, которых интересуется московский модерн.

Он сбежал

— КАКАЯ ты красивая! Как жаль, что он тебя не увидит.

И в лице, и в голосе Елены было искренне восхищение, но Марина обошлась без дежурного «спасибо», она встретила:

— А что случилось?

Воображение нарисовало не меньше десяти несчастных случаев одновременно. Но мама Ника озвучила другой вариант.

— Он сбежал. Он давным-давно мне заявил, что не пойдет на выпускной! Что ему не нужен ни костюм, ни бал. Я, честно говоря, не принимала всерьез. Думала, ну пусть без костюма, но это же раз в жизни бывает — пусть как угодно придет. Деньги, разумеется, сдала на мероприятие — а он не пошел. Улизнул с рюкзаком. Мы даже поссорились. Ты не подумай, он меня не подсылал! Я сама. Просто представила, что вдруг он тебе вообще ничего не сказал, и ты рассердишься, бросишь его, а он потом опять наделает глупостей...

Марина слушала, понимала, что Елена не врет, не притворяется — она, кажется, вообще этого не умеет, и раздумывала над услышанным. «Рог изобилия» был полон народу — выпускников и их родителей. Школы опять решили объединиться и отпраздновать с размахом общегородской выпускной. Марина, в белом воздушном платье, со струящимися локонами до пояса, то и дело выслушивала

комплименты и уверения в том, что она похожа на невесту.

Только жених сбежал. Ник действительно ничего не сказал и перед началом выпускного не позвонил. Марина ждала, что он вот-вот появится. Да, она готовилась, она предвкушала, что он ее увидит — и ахнет. Но, кажется, ее увидит целый мир, кроме него. А он тем временем увидит целый мир — и, наверное, тоже ахнет. Ведь не мог не понимать, как важно для нее это «мероприятие» — и храбро смылся без объяснений! Артур и Рафаэль уже интересовались, куда он пропал.

— Не думаю, чтобы он хотел этим что-то продемонстрировать! Ты очень много для него значишь, — волновалась Елена. — У него в комнате твой рисунок висит, с деревьями и человечками... Яичницу с кукурузой всё время просит готовить — и говорит, что у тебя она не такая была... Это просто натура такая! Для него эти путешествия важнее всего. Не знаю, в кого он такой бродяга. Уж точно не в отца — тот был кабинетным карьеристом, который женился на дочке академика. Я — так вообще домашний вариант. Садово-домашний. Может, в деда? Мама говорила, что он в молодости только «в поле» и работал. Я этого не застала, я у них поздно родилась...

— Елена Николаевна, вы не переживайте, — посоветовала Марина. — Ну, не пошел — и не пошел. Он никогда не любил светские выходы. А меня потом увидит на экране — здесь видео снимают.

Елена не успокаивалась и продолжала путано что-то объяснять:

— Ты не поверишь, но мы с ним практически не видимся! Последние месяцы встречались только в автошколе! Он выдумал себе такой жесткий график, спартанский, изуверский, в который не вписывается ничего человеческого... А еще этот договор о трех вопросах! Я могу задать ему только три вопроса в день! И если я спросила «Ты поел?» или «Как учеба?», это уже засчитывается! А сверх лимита он не отвечает! Даже когда он жил у вас тогда, осенью, мы

больше общались — он забежал поговорить!

Марину три вопроса потрясли, но она тут же мстительно подумала: «Вот и нечего было папу бросать! Сама тогда сбежала — и всё испортила!»

Потом до нее дошло, что Елена ведет себя так, как должна бы она, Марина. Это она обиделась! «А я не обиделась?» — но проверять было некогда, надо было утешать:

— Елена Николаевна, вы всё преувеличили. Но ведь это для нас бал — событие, а для Николы — ненужная формальность. Он не понимает, что родители хотят полюбоваться на своих детей. И как вообще кому-то может быть важно то, что для него — пустая трата времени. У него другая система ценностей. Он к своему бизнесу относится так же серьезно, как вы к своему!

— К бизнесу? — озадачилась Елена, и Марина, поняв, что проговорилась, поспешила переключиться:

— Но это же всё равно его выпускной! И вы можете праздновать вместе с другими родителями. Оставайтесь, вам ни к чему сейчас одной дома сидеть! Пожалуйста, не уходите! И за мероприятие заплачено.

— Но я не одета, я прямо с работы, — проговорила Елена растерянно.

Марина поняла, что победила:

— Какая разница. Вы сами сказали, что костюм — это неважно. К тому же мы сейчас поедем кататься на теплоходе по озеру... — Она оглянулась на папу, который увлеченно беседовал со своим Гошкой, не сводя с них глаз и вытянув шею. — Вам не будет скучно, там есть ваши бывшие одноклассники! И папа, который никогда нас не бросит!

Новая жизнь уже началась

НА РУКАХ у Марины сидел толстощекий младенец в кружевах.

Ник воззрился на него с изумлением:

— Это кто?

— Это мой Стёпка.

— А... откуда он взялся?

— Как откуда? Его, пока ты бегал по походам, аист принес. Доре и Герману Степанычу.

— А-а, — сообразил Ник. — А почему он «твой»?

— Потому что, — торжественно объявила Марина, — Дора попросила меня стать его крестной матерью.

Ник поразился:

— Какая ты мать! Ты еще маленькая.

— Сам ты маленький, если тебя в крестные не приглашают, — важно отвечала Марина. — И я прекрасно с ним справляюсь. Смотри, как он спокойно у меня сидит! Хочешь поддержать?

Ник попятился.

— Еще чего, не надо мне такого счастья.

— Неужели испугался? Ты же отвечаешь за безопасность взрослых людей, а это безобидная крошка.

— Конечно, безобидная! Еще как заорет. Сама отвечай за его безопасность.

— Откуда ты знаешь, что он заорет?

— Знаю. Мы с Варей приехали. Она мою маму выбрала крестной. Ее мелкий Витька только и делает, что орет.

Июльское солнце заливало старинную усадьбу и Благовещенский храм с колокольней. Марина перекатила коляску в липовую аллею, в тень.

— Ловко они шифровались до последнего, правда? Ну, и Дора, и Варя. То ли стеснялись обе, то ли сглазить боялись. Я и не догадывалась! Варя — вообще толстушка, а Дору я не видела, они далеко живут. И вдруг раз — и два малыша!

— Сам удивляюсь, как от таких старых людей мог получиться такой новенький человечек. — Ник разглядывал Степку с разных сторон. — Так вот в чем соль! Дора, наверно, подумала, что пусть хоть крестная будет молодая, чтоб

хоть кто-нибудь дожил до того, как он вырастет.

— Только ты им не говори эти глупости, — посоветовала Марина. — Я раньше тоже думала, что Дора — пожилая женщина. А оказалось, сейчас многие рожают после сорока, потому что карьеру делают, деньги копят...

Усадьба стояла на высоком берегу озера. Отсюда были видны все его зеленые берега, весь Белогорск, и при взгляде на эту панораму перехватывало дыхание. Это был не просто летний солнечный мир. Этот мир находился в измерении счастья и сам светился счастьем. Он не был ямой с земляными червями. Рожать в него потомство отважились многие. Вокруг лопотали и носились детишки всех возрастов, родители привели их в музей или в церковь.

С улюлюканьем налетел Павлик и повис у Ника на плечах. Тот удивился:

— Ну ты и вымахал! На голову уже запрыгиваешь.

А Степка расплакался. Марина кинулась на поиски соски и укорила братика:

— Зачем ты его напугал?

— Да я ж не его хотел! — И заплясал перед младенцем, корча невероятные рожи. Степка удивился и затих. Павлик возгордился: — Учитесь, как надо! Да сунь ты его, Маринка, в коляску, пускай дрыхнет. Они говорят, что еще не пора. — И сообщил Нику: — Мне папа квадроцикл обещал!

— Зашибись. А я себе уже купил — шевроле «блейзер II», — похвастался и Ник. — Зеленый металл. Ну-ка покачай коляску, а мы на парковку сбегаем, я покажу. Пошли, Марин. Не волнуйся, он справится, у него талант.

— Лучше мне покажи, — взмолился Павлик. — Эй, вы куда? Я с этим не останусь!

Ник напомнил:

— А кто обещал с нашими детьми сидеть?

— Так это не ваш, — протестовал Павлик. — Это Дорин! Он не считается!

— Считается. Никто тебя за язык не тянул.

Марина разглядывала внедорожник, а Ник — Марину.

— Слушай, а где твои волосы? Они куда делись? Ты, что ли, постриглась?

— А ты, что ли, заметил? Неужели Степка так меня затмил?

Ник не верил:

— Правда постриглась?! Я думал, прическа такая... Это мне за выпускной?

— А ты не слишком о себе возомнил? Я просто придумала наконец, как постричься. Если больше нравится прежний вариант — он на фотках.

Ник насупился.

— Да видел я и фотки, и фильм. Ты и сейчас в том же платье. Красивое.

— Это Жанкино. — Огорчение Ника было неподдельным, и Марина смягчилась: — Раскрою тебе страшную тайну! Я деньги, которые папа дал на выпускное платье, припрятала для арт-школы. Решила продолжать. Раньше третила те, что копила на планшет, но всё уже закончилось. В общем, Жанка выручила. А Дора и папа вдруг захотели, чтобы я опять надела это платье — и опять пришлось договариваться! Артур туда-сюда ездил.

Она внимательно наблюдала, как Ник борется с желанием задать вопрос, как пытается проигнорировать Артура, не выдерживает — и все-таки спрашивает:

— А мне ты не могла позвонить?

— Тебе — бесполезно, абонент всегда вне зоны связи.

— Как тебе может подойти одежда Жанки, — неожиданно усомнился Ник. — Она же — статуя Свободы. И когда это она воздушные платья носила...

— Она похудела на восемь кило. А этот стиль выбрала как раз потому, что еще его не пробовала. — И Марина, достав телефон, показала фотографию подружки в том же наряде. — Думаешь, мне интересно тебя разыгрывать? Пошли уже, классная у тебя тачка. Наверно, для походов в самый раз.

— Ну да. Хотя теперь походы все ближние — народ

индустриальный туризм зауважал. На «Зону» больше хотят, тот самый полигон...

«Куда мы с тобой так и не сходили», — завершила про себя Марина, а Ник уселся на пушку, украшающую вход в усадьбу, и уходить не торопился.

— Слушай, мне твою школу проплатить несложно, деньги есть.

— Лучше отдай свой газетный «бизнес». Тебе давно не надо, а мне бы пригодилось.

— Это — нет, — категорично отказал Ник. — У меня не хочешь брать — так у отца возьми. Или, как все художники, картины продавай — а по подъездам ты таскаться не должна.

Марина заметила, что Павлик машет им обеими руками. Но Ник не трогался с места.

— Новая прическа — это типа новая жизнь? Студенческая? Давай отметим, на машинке покатаемся. Я теперь повольнее буду.

— Сегодня крестины — и у нас, и у вас.

— Ну, завтра. Половина лета впереди.

— Не совсем.

И Марина, не дожидаясь, двинулась к храму, с высокого крыльца которого ей улыбались папа и Павлик, Дора и Степка, Герман Степанович с кучей родственников, Варя с кучей друзей, Елена Николаевна... Ник спрыгнул с пушки и пошагал рядом.

— Я завтра уезжаю. На море. Новая жизнь уже началась. Если ты хотел построить общие планы, то надо было раньше. Мы с Жанкой едем в молодежный лагерь.

Скажи, что я сгорела

ПУСТАЯ пластиковая банка из-под разливного вина, два стакана и персик составились в отличный натюрморт. Но Жанна его разрушила — ухватила фрукт и отправила в рот.

— Так ты куда? На море или в горы? — проговорила она жующим голосом.

Вариантов, как провести день, имелось аж два: можно было с утра отправиться в горы, а после обеда — на пляж, или наоборот.

— Все горные маршруты прошли. Плавать надоело. Никуда не хочу.

— Что-то быстро тебе надоело, — проворчала Жанна, намазываясь солнцезащитным кремом. — А мне нравится.

— И мне тут нравилось, пока все не поделились на парочки и не разбредись.

— Так за этим же и приехали, — хрюкнула подруга. — Артурчик, например, — мой удобный домашний тапок, но нельзя ж не попробовать что-нибудь новенькое. Ты-то когда, наконец, соберешься? Вон ребята ждут на коняшках кататься. Спрашивали уже.

— Скажи, что я сгорела и никуда не иду.

— Да ладно, — не поверила Жанна. — Не одна же ты в лагере будешь сидеть.

— Посижу, порисую.

Подруга окинула Маринин рисунок и ее саму скептическим взглядом. Поставила диагноз:

— Это ПМС. Тебе надо красного вина больше пить. В литрбол не играешь — так хоть по стакану перед едой для здоровья. Вместо того чтобы их рисовать.

— Жанка! — заорали под окном, Жанна подпрыгнула, одним движением завернулась в пламенно-алое парео и протараторила уже в дверях:

— Не ищи меня вечером. Я, может, в другом месте

поужинаю. А, тебе не понять — у нас разный гормональный статус.

Марина дождалась, когда лагерь опустеет, погуляла между деревянными домиками на ножках, побродила по волейбольной площадке, выбрала скамейку под можжевельником. Хоть один день будет не похож на все остальные, на марафон «горы-море-дискотека».

Пейзаж получился такой же унылый, как перед этим — натюрморт. Подходящий материал для вечернего костра. И, поскольку бумага была уже испорчена, Марина, как когда-то на старом белогорском причале, принялась насесть ее человечками в смешных колпачках. Они карабкались в гору и съезжали с нее на спинах и животах, плясали, ходили на голове, держались за руки, целовались, вытянув губы трубочкой. В углу осталось место для моря, и она отправила туда одного дуралея с удочкой, и еще одного — плыть под парусом.

В мобильнике запиликала знакомая мелодия. Папа клялся не названивать. Неужели не выдержал?

— Ты там как, отдыхать не устала?

Это не папа.

— Немного. Занятие не из легких. А ты как? И где?

— Подними голову.

Напротив, ухватившись за ограду, повисла фигура с рюкзаком — та самая, узнаваемая с любого ракурса, при любом освещении.

Мы отправимся туда, где хорошая вода

МАРИНУ перенесло туда в секунду, словно бадминтонный волан Она приложила руку к забору из сетки, ладонь Ника встретила ее с другой стороны, оба засмеялись: как в зоопарке!

— Покажи картинку, — как ни в чем не бывало попро-

сил Ник — и присвистнул, глядя на человечков: — Ага, вот чем вы тут занимаетесь!

— Мы еще тут «Гарри Поттера» смотрели на украинском языке. А ты зачем приехал — разогнать конкурентов, застолбить место и двинуть дальше по делам?

— Ну, если мне здесь не рады, могу сразу по делам. Восточный Крым хорош. Я его больше люблю. Южный слишком пафосный. — И действительно двинулся с места.

— Мне он тоже понравился.

— Из-за решетки?

Они медленно шли вдоль забора, не убирая с него ладошей. Их сопровождала маленькая желтая собачка с черной любопытной мордочкой.

— А почему ты только карандашом рисуешь? Так задали?

— А он всегда со мной, не то что чемодан с красками. Да и с цветом всё те же проблемы...

Марина не договорила. Склон горы, поросший соснами, был расцвечен солнечными пятнами, словно шкурка олененка. Синие домики выныривали и подмигивали среди деревьев. Пожарный щит, красный и гордый, ликовал посередине. Мир был красивым и ярким, с ним всё было в порядке, он предлагал на выбор все свои цвета. Синие глаза Ника казались светлее на загорелом лице, а на кончиках выгоревших ресниц порхали золотые искры. Он тоже был красивым и ярким! А забор закончился.

— Тут, кроме решетки, еще море есть, — сообщила Марина, стоя в воротах. — Я его видела и с горы, и с шезлонга, и с «банана», и изнутри, в подводной маске...

— ...а я еще нет. Ну так показывай! А человечков давай сюда, ты мне их даришь.

Рисунок исчез в рюкзаке, и они понеслись под гору, привычно сравнивая, кто больше загорел. Желтая собачка с черной мордочкой с восторгом припустила следом.

В маленькой бухте воцарился Великий Пляж со своими законами. Одетые люди здесь выглядели странно, почти

неприлично. По морю зигзагами носились скутеры и «бананы». Полосатый парашют тащил отважного человека над самой кромкой воды. У причала стоял прогулочный кораблик.

— Мы отправимся туда, где хорошая вода! — надрывался один мегафон, другой ему вторил:

— Мы совершим увлекательную поездку на самом добром, самом позитивном теплоходе в Коктебель, в Судак к Генуэзской крепости, на Царский пляж в бухту Новый Свет!

Парус белел уже не на бокале, а на самом деле, и не был одиноким — на волнах качалось множество парусов. А берег был усыпан тысячами, миллионами камешков всевозможных форм, цветов и размеров.

Ник и Марина переглянулись: мы это сделали! О море можно больше не *мечтать*. Они оказались посреди своей мечты, а детали должны были уточняться попутно и сами собой.

Марина смотрела то налево, то направо — на горы, окружающие бухту. Ближние были четкими и зелеными, за ними шли размыто-голубые, а дальние, призрачные, почти просвечивали.

— Куда угодно, в любую сторону, — подтвердил Ник. — Ты выбираешь. Тут, наверно, всё уже облазила?

— Да, кроме тех, дальних, волшебных...

— Тогда бежим на позитивный теплоход!

— А он не отчаливает?

В последний момент они запрыгнули на палубу, а потом уже задумались, куда плыть.

— Можно сойти в Коктебеле, — предложил Ник. — Там в Доме Поэта много всяких картин, акварелей — тебе, наверно, интересно будет.

— А крепость ты уже видел? — спросила Марина, прикидывая, куда бы он направился, если бы был сам по себе.

— Генуэзскую? Да она, поди, такая же, как в Феодосии или Балаклаве.

— А вдруг не такая. Плыдем туда, где мы оба не были.

На набережной в Судаке крутилась маленькая желтая собачка с черной мордочкой.

— Она что, с нами приплыла? — удивилась Марина.

— Просто похожа. Наверно, местный сорт, вроде белых персиков.

Полдня они лазили по крепости, стоящей над морем на отвесной скале, потом плавали и разглядывали ее снизу, потом ели пиццу в кафе с парусом вместо потолка, а потом пошли бродить по городу, по бесконечной главной улице, которая тянулась вдоль моря. То и дело встречались платаны и акации, такие же, как в белогорском парке, и с ними хотелось здороваться, как с земляками.

В книжном магазинчике Марина купила себе цветные карандаши. Там же висело объявление, запрещающее вход с «дикими детьми», которые кидаются на книжные полки и карабкаются с нижних на верхние.

— Нет, это не про нашего Павлика, — переглянулись Марина и Ник. — Он так не делал никогда. Он вообще ангел. Так же, как и Рольд.

Заметив поворот на улицу Гагарина, Ник припомнил:

— Здесь где-то есть музей Серебряного века. Мама говорила. Дом Герцык, кажется.

— Может, сфоткаем для нее? — предложила Марина.

Но никто из встречных про музей не знал, все пожимали плечами. Наконец кто-то изрек:

— Так нет никакого музея. Это просто дом. А в нем — поварское училище.

Найти загадочный объект захотелось еще больше.

— Мы у цели, — удовлетворенно повторял Ник, щелкая с разных сторон спокойный двухэтажный дом, где сто лет назад собирались поэты, художники и философы. И оттого, что никто вокруг не знал и особо не хотел об этом знать, оттого, что туда не продавали билеты и внутри не было ничего, кроме пустых классов, дом ничуть не проигрывал. Стоял себе мирно и держался с завидным достоинством.

А путешественники пошагали дальше. Улица спустилась к морю и привела их снова на набережную, только с противоположного конца. Маленькая крепость маячила на горизонте. И повторился долгий путь вдоль моря, теперь уже в обратную сторону — с разноцветным мороженым, свежевыжатым апельсиновым соком и вареной кукурузой, которые подворачивались вовремя, и с чудесными парками, откуда не хотелось уходить.

Марина это понимала каждый раз, когда Ник спрашивал, не устала ли она, и куда им двигаться дальше. И видела, что они оба не хотят, чтобы этот день заканчивался. И наступивший вечер еще не означал никакого конца! Марина отправила Жанне эсмэску: «Меня не ищи, ужинаю в другом месте», и они устремились к светящемуся фонтану.

Ник заметил аттракцион в виде шара, летающего на резинках между двумя башнями. Люди, сидящие в нем, так вопили, что ему немедленно захотелось туда залезть.

— Давай-давай, — подбодрила Марина, — от лишней еды избавишься. А я отсюда полюбуюсь.

— Нет уж, — он крепко ухватил ее за руку, — держись за меня, еще потеряешься.

— Женские бои в грязи! — выкрикали над самым ухом. — Молодые люди, вам скидка! Девушка, вы сможете принять участие! Потом будет возможность помыться!

— А может, попробовать? — приостановилась Марина, но Ник ее отвлек:

— Гляди, картины!

Они выбрались из парка развлечений. На вечерней набережной было не протолкнуться, хотя некоторые умудрялись рассекать на роликах и великах. Местные живописцы выставили пейзажи с луной и лунной дорожкой и узнаваемые виды набережной и крепости. Толпа обступила еще одного художника, наблюдая, как тот рисует карикатуру с совсем не смешного дядьки — да так ловко, что портрет становится похожим, а дядька — смешным.

Гуляющих и сувенирных ларьков поубавилось, музыка затихала. Приближался черный зубчатый силуэт крепости.

— Иду по острым ножам, — призналась Марина. — Прямо как Русалочка.

— Сейчас машинку поймаем, — откликнулся Ник.

— Я о твоей уже вспоминала...

— А я ее дома оставил. Хотелось налегке. А хочешь, комнату найдем? Зачем тебе вообще возвращаться за этот унылый забор? А утром...

— Что утром?

— А утром — еще куда-нибудь рванем, где мы оба не были. Таких мест еще много!

— Думаю, не очень, — живо отозвалась Марина. — Я помню всё, что ты рассказывал Павлику в парке, еще до того как мы с тобой познакомились. По-моему, ты в Крыму был везде и видел всё.

— Ну и что? С тобой же вместе — еще лучше, чем в первый раз.

— Погоди, — заподозрила Марина, — так ты и здесь тоже был? А зачем сказал, что не был?

Ник засмеялся:

— Ты ж сама выбирала! А на самом деле в Коктебель хотела, да? Вот завтра туда и поедem. Я зато на улице Гагарина, в этом не-музее не был, честно!

Они медленно поднимались по лабиринту узких улочек. И с удивлением замечали и на простецких домиках, и на особняках, и на мини-гостиницах, выглядящих как мини-крепости, объявления «Мест нет». Машины тут вообще не ездили — Ник и Марина оказались на окраине, где жизнь уже затихла.

— Обалдеть, — прокомментировал Ник. — Высокий сезон, всё занято. Надо было нам заботиться о своей судьбе в парке еще, когда ближе к центру были. Я балбес. Но не всё потеряно. Выше в гору есть дома отдыха. Там можно и такси вызвать, и комнату найти.

— Выше? В гору?!

Марина ползла, и то с трудом. И какая же черная эта южная ночь, на этой улочке без фонарей! Яркий свет бил снизу — от дома, стоящего буквально у них под ногами. Марина, остановившись, рассматривала крышу, садик, беседку, увитую виноградом. Из-под калитки выскочила маленькая желтая собачка с черной мордочкой.

— Опять ты, — удивился Ник. — Может, ты нас в гости пригласишь?

— Чего-чего? — раздался человеческий — точнее, женский голос.

Марина и Ник дружно рассмеялись.

— Девушка, у вас свободной комнаты нет? — закинул удочку Ник. — Хорошо заплатим! Гривны, доллары, рубли — чего пожелаете.

— Ничего не пожелаю, — и под садовым фонарем оказалась старуха. — Занято всё.

Голос у этой южной, прокопченной на солнце старухи, казалось, должен скрипеть, как дерево, — а он был на удивление молодым.

— А беседка? — спросила Марина. — В беседке можно до утра посидеть, рядом с вашей собачкой?

— В беседке? С собачкой? — засмеялась старуха и заинтересовалась: — А вы кто?

— Туристы. Студенты. Не жулики, можем паспорт показать, — предложили ей несколько вариантов. Ник исправился, назвав ее бабушкой, и пообещал заплатить за беседку, как за комнату.

— Ныкола и Марына, — сама себе сказала старуха, упирая на Ы, и впустила их после долгого осмотра, а своего имени не назвала.

Никакая ты мне не родня

— КУДА нас эта моська завела? — озиралась Марина, устраиваясь на скамейке.

— Не знаю, сегодня ты выбираешь, — напомнил Ник. — Завтра найдем что-нибудь со всеми удобствами.

— Главное удобство — что жары уже нет. А ты заметил, что в этой бухте тоже есть волшебные горы?

— Слева — Коктебель, а справа — Новый Свет, — уточнил Ник. — И когда мы там окажемся, волшебные горы превратятся в обыкновенные, а волшебные тоже появятся, только уже другие. Хочешь, так вдоль них и поплывем? — И начал перечислять, что они увидят по пути с востока на запад.

— А морская болезнь не привяжется?

— Можно и по суше. — И Ник тут же начал прикидывать маршрут через Центральный и Горный Крым.

— В церковь Ныколы Угодника заедьте, в Малореченском, — раздался из открытого окна голос старухи. — Ныкола, это твой святой.

— А, церковь-маяк — знаю, я там был, — отозвался Ник, Марина прошептала:

— А бабка-то не спит.

— Еще бы, ей же интересно. Ну, заснет когда-нибудь. — И продолжал намечать маршрут, а старуха из окна — его корректировать. Спать она не собиралась.

А Марина начинала задремывать, облокотившись о деревянный столик, врытый посередине беседки. «Мы так говорим, как будто опять мечтаем, — проплыло в голове. — Но ведь мы уже в самой мечте. Или внутри нее тоже можно мечтать?» Эти мысли разбудили, как толчок, она приподняла голову и, снова шепотом, заметила:

— А она не только подслушивает, она и подглядывает.

— Ну как же, вдруг беседку унесем. Такая красивая беседка. Тебе же она так понравилась, — проговорил Ник

с иронией, относящейся то ли к бабке, то ли к Марине.

— Я у себя в лабиринте похожую сделала, тоже с диким виноградом. Он прокрался к нам от соседей и лезет теперь отовсюду. Только моя беседка маленькая, с плетеным креслом внутри. Для меня одной. Я раньше любила на причале сидеть или в парке на нашей лавочке. А этим летом мне понравился домашний вариант.

— А я его и не видел. То есть, мы совсем этим летом не виделись... Маринка, я сам знаю, что завис на походных делах, но я уже развис! Ты же видишь, что я здесь, а не там, — горячился Ник, как будто на него нападали. — Думаешь, мне одно бабло нужно? Определенный азарт был, но я этот этап уже проехал — понял, сколько можно срубить с экстрима, свои главные хотелки исполнил. Сейчас золотая пора, а я всех клиентов продинамил и свалил сюда.

— Так что, не стоит хобби превращать в обязательку? Вся прелесть рано или поздно исчезает? — спросила Марина без всякого интереса и к экстриму, и к оправданиям. Суматошный день ее сморил.

— Превращать стоит, просто повторяемость пошла. Я в этой локации прошел все уровни сложности, и не по одному разу. Я там себе больше неинтересен! Это дело стало хорошо освоенным и слишком удобным. А чтобы двигаться дальше, надо выходить за пределы своей зоны комфорта.

Сон мгновенно исчез. Марина выпрямилась. Недаром всё казалось слишком сказочным!

— Нашел куда?

Разговорившийся Ник примолк, Марина настойчиво повторила:

— Где выход? Ты ехал — куда? Эх ты, Ныкола. Как будто на лбу не написано. Восточный Крым хорош? Какие у тебя тут дела? Куда бы ты подался, если бы я не уехала с тобой на край света, а послала тебя еще дальше? Ну, если бы ты увидел, например, что я не одна? И что мне тоже уже

не нужен удобный домашний тапок?

— На ВКАЭ, — не сразу ответил нахмурившийся Ник. — На раскопки. Восточно-Крымская археологическая экспедиция.

— Ага, угадала! — торжествовала Марина. — И давно?

— Да она пятьдесят лет существует уже, с переменным успехом.

— Нет, давно ты туда записался? Или тоже собирался сделать им сюрприз?

— Ну, записался. Что я, не могу захотеть отдохнуть? Я год мотался по лесам, а сейчас взял отпуск, — недовольно говорил Ник, глядя в сторону.

Марине не верилось, до чего же быстро она проходит этот квест. Кто подсел на экспедиционную романтику, никогда с нее не слезет — конечно, забив на утомивший бизнес, он должен был рвануть на какое-нибудь этакое мероприятие. Не на пляж ведь с шезлонгом.

Разобидеться на то, что Ник приехал сюда не исключительно ради нее, тоже было тупиковым ходом, и она его сразу отбросила. Ей что, как Елене Прекрасной, нужно, чтобы вокруг нее плясали? А он, собственно, что делает? Можно упиться тщеславием и заняться более интересными вещами.

Они вместе четвертый год — она на самом деле знает его как облупленного? Или это только кажется? Сегодня она выбирает. Захочет — и завтра они поплывут за волшебные горы. А получится у нее понять, что для него сейчас важнее?

— Чего столько говорить об экспедиции, в которую я уже не поехал, — разорвался Ник. — Мы всё уже решили, маршрут придумали! Мы три года вместе, и все три года собирались! И мои запасные варианты тебя не касаются, забудь о них!

— А что ты им наврешь — заболел?

— Нет, правду скажу — влюбился. Там народу много, обойдутся без меня.

— А ты без них? Сможешь потом постучаться к тем, кого продинамил? — Ответа не было, Марина предположила: — Да там, поди, ничего интересного не осталось? За пятьдесят лет всё выкопали.

— Как же, всё! — у Ника тут же прорезался голос. — Да там всё только начинается! Маловато не будет!

И Марина полчаса слушала о месячном жаловании английской армии, которое — в золотых монетах — покоится где-то у Балаклавы, о Мангупе и пещерном городе, Херсонесе и Чуфут-кале. И старуха в окне, и вообще всё на свете было забыто. Очень похоже на дядю Алика, который тоже никогда не мог остановиться. Ее простодушный «победитель» с горящими глазами выкладывал достаточно, чтобы принять решение.

Они задремали ненадолго, но тут разорались петухи и резко посвежело, и стало ясно, что уже утро. Петухи не унимались. Ник открыл один глаз:

— На пляж? Узнаем, когда первый позитивный теплоход?

— На дорогу. Дождемся автобуса или тачку поймаем. Я поеду в свой лагерь, а ты — в свой.

— А... наше путешествие?

— Будем считать, что мы его отложили.

Последовала мрачная пауза.

— Почему?

— Я всё еще выбираю? Я дарю тебе эти раскопки вместе со всеми пиастрами.

— Щедро. — Ник окончательно проснулся, понял, что это не капризы, чтобы он поуговаривал, не знал, что еще сказать, и вдруг придумал — и сам обрадовался: — А поехали со мной! Там люди всегда нужны!

— Ты представляешь меня с лопатой?

— Нет, — он опять приуныл. — Разве что в твоём саду. — И снова придумал: — Тогда я к тебе в выходные приеду! И поплывем! За два дня ого-го сколько можно успеть. Мы откладываем — но только до выходных!

Появилась старая хозяйка:

— Ныкола, Марына, уже собрались? А то оставайтесь. Скидку сделаю. Вы мне понравились: спокойные. Сразу б сказали, что вы родня.

Ник расплатился. Марина, уходя, холодно оглянулась:

— Вы ошиблись, бабушка.

Поднявшись на шоссе, она остановилась, проговорила совсем уж ледяным голосом:

— Запомни: никакая ты мне не родня, — и, обхватив Ника за голову, поцеловала его в губы.

— Запомнил, — выдохнул Ник и уже громче спросил: — Ты в Москве в общаге жить собралась? Забей. Снимем жилье на двоих. Работать буду только на пиццу. Без фанатизма, вот увидишь.

Классно всё получилось

ГОСТИ разбрелись — одни по комнатам, другие по лабиринту, кто-то залез в дом на дереве, кто-то — в беседку. Самые голодные топтались у мангала, ожидая первых порций шашлыка. Марина решила накрыть на стол все-таки в саду, а не в гостиной: дождь идти передумал, и витражи разбрасывали по дорожкам разноцветных солнечных зайцев.

— Классно тут у вас, в Белогорске, — жужжал над ухом Арсений, расставляя банки с пивом, шипучкой и энергетиками. — Я даже не ожидал. Теперь понятно, почему вы в Москву не перебираетесь. Усадебная жизнь круче!

— Спасибо, Арсюша, пчелка ты моя трудовая, — воздала ему должное Марина — группа, собравшись в Странном Доме на выходные, предоставила хозяйке возможность самой носиться и всё устраивать. Народ приехал утром и теперь расслаблялся после беготни по Благовещенской усадьбе — главной достопримечательности города.

Так и не став ее бойфрендом, золотой мальчик должен бы был испариться. Но, к удивлению Марины, этого не произошло. Арсюша начал клеить других девчонок, но и ей продолжал уделять внимание. По крайней мере, никак не меньше, чем остальным — а он постоянно всех тормозил, затевал посиделки и вылазки, не давая их компании рассыпаться. И когда почти все, кто когда-то впервые собрался в «Макдоналдсе», оказались в одной группе, то это уже была готовая команда.

Марина наблюдала, как Пальчиков болтает то с одним, то с другим, не давая никому скучать и получая от этого видимое удовольствие. Похоже, общение — это его воздух. В другой среде он просто не выживет. Ему нужны друзья. На что... на кого это похоже? Неужели и она так же выглядит со стороны... раньше выглядела?

Раньше? А теперь они с Арсюшей чем занимаются? Удивляют, увеселяют, угощают...

— Какие здесь есть еще фишки, кроме усадьбы? — спрашивал Пальчиков и, поскольку Марина задумалась, откликнулся Игорь:

— Да до фига.

Мрачный Игорь тоже попал в их группу и при более близком рассмотрении оказался вполне себе нормальным. Марине он сказал примерно то же самое: «А я думал, ты киса гламурная. Ошибся немного». Мало того — пришел на сегодняшнее сборище, да еще согласился следить за костром.

— Есть высоченная гора с каменной бабой доисторической. Есть камень желаний — туда толпами валят. Есть развалины секретного полигона, — перечислял Игорь, — но за забор не пробраться. Хотя, говорят, один сталкер водит туда.

— Крутяк, — восхитился Арсюша и выкрикнул: — Народ, а вы куда б пошли? Я бы начал с полигона. Гора никуда не денется, а вот развалины возьмут и совсем развалят. А как со сталкером связаться?

Игорь пожал плечами.

— Я знаю как. — Марина помедлила и достала мобильник.

С того невероятного дня в Сугдее, Суроже, Судаке они больше не виделись. В выходные налетела гроза, и продолжение путешествия не состоялось. Потом Марина с Жанной уехали домой. Наступил учебный год, но Ник, видимо, глубоко закопался и не вернулся к началу сентября. А эсэмэски «Здесь круто», «Нашли пряжку с орлом» и «Летал на парашуте», прямо сказать, мало вдохновляли. И если там, на море, само собой разумелось, что уж теперь они никогда не расстанутся, то дома жизнь вошла в будничную колею, время шло, и всё более туманными казались те планы... или мечты... как призрачные волшебные горы.

И Марина набрала номер Ника скорее для галочки, чтобы услышать ставшее привычным «абонент не абонент».

— Привет, ты где? Дома? — раздалось в трубке так внезапно, что она вздрогнула. — Я сейчас подъеду!

— Погоди, я же только спросить, — растерялась Марина, но голос, громкий и радостный, перебил:

— Сейчас буду! Я вернулся! Я уже здесь!

Вскоре зеленый шевроле затормозил у калитки. Ник выскочил — и тоже затормозил на полном ходу. Какое-то время молча переводил изумленный взгляд с одного гостя на другого, с крыльца на дерево, со скамейки на мангал. Разные лица выглядывали и из дверей, и из окон.

— Это моя группа, — промолвила Марина. — Решили собраться на природе, пока погода хорошая.

— Вот это да! — Ник наконец справился с ситуацией и от души расхохотался. — Прямо как на твоих картинках! Отовсюду свисают гирляндами. Только без колпачков.

А к нему спешил золотой мальчик:

— Да это ж Маринкин брат! Привет, Николай. Давай шашлык с нами.

— Здорово, Арсений, — еще больше развеселился

Ник. — Что, приехал дом посмотреть? Ну и как тебе?

— Да супер, — разулыбался и Арсюша. — Не понял только, какая твоя комната, — и хитренько прищурился.

Ник перебил Марину, собирающуюся что-то сказать.

— Видишь ли, друг, — произнес он серьезно, — у нас в семье драма. Родители решили расстаться. Так что я теперь в другом месте живу.

— Имуущество поделили — и вас тоже? — сообразил Пальчиков. — Сочувствую, — но голос был всё таким же радостным. — А вот я бы не прочь от сеструхи избавиться! Но, может, ваши обратно еще сойдутся?

— Всякое бывает, — согласился Ник.

— Погоди, так это ты — сталкер? — догадался наконец Арсюша. — Маринка обещала...

— ...сталкером угостить? — подсказал Ник. — Всегда пожалуйста. Куда пойдём?

Вокруг него собрались те, кто заинтересовался походом. Девчонки рассматривали Ника — и тоже начинали интересоваться.

Марина отступила и ушла за дом. Она брела по лабиринту сосредоточенно, без всяких мыслей. Узкие дорожки, окруженные бархатцами, то и дело заворачивали в тупик. Это озадачивало так, словно не она сама устраивала эти ловушки. Топать обратно приходилось медленно, шаг за шагом. Это начало надоедать. Может, с лабиринтом пора покончить и сделать обычный газон? Она решила сократить путь и перешагнуть на соседнюю линию — но низкорослые бархатцы незаметно перешли в стену кустарника выше колена. Легко ее перемахнув, Ник оказался рядом.

— Всё, порядок, договорились, — доложил он. — Они там жрут уже, ты чего к ним не идешь?

Марина хотела спросить, давно ли он вернулся, и был ли уже на учебе, и заселился ли в общагу. Или какие у него — у них — планы? Или планы складываются спонтанно, и сейчас сложилось то, что сложилось?

— Ты не сердись, меня, кажется, опять занесло с этим

раскопом, — повинулся Ник. Покосился на компанию: — Я что — безнадежно опоздал?

— Нет, это ты извини, что я тебя выдернула, глупо получилось, — поспешно заговорила Марина, не отвечая на вопрос.

— Нормально получилось, — преувеличенно возразил Ник. — Твоим друзьям надо — я сделаю. Всегда обращай-тесь. И пусть никто не уйдет обиженный!

Он направился к выходу, помахал Арсюше, отказался от угощения — и уже открывал калитку. Он просто выходит за калитку или он УХОДИТ? Как она это допускает? Или это происходит само собой? Сердце колотилось и выскакивало. Марина спокойно и вежливо шла следом.

— Знаешь, а наши-то, может, и правда небезнадежны. Пал Палыча у мамы видел — он ей с документами на фирму помогает. Сидят, беседуют, — поведал Ник.

— Ни во что не поверю, пока не сходят под венец или в ЗАГС, — отрезала Марина. — Больше они меня не проведут.

— Меня тоже. А может, это мы тогда поторопились? Может, им надо больше времени?

Вопрос повис. Марина пожала плечами.

— Нормально всё, Маринка, не парься, — уверил ее Ник, садясь машину. — Главное, у тебя всё отлично. Новая компания — зашибись! Я их всех и раньше видел, на твоей страничке. Это хорошо, что в Странном Доме весело. Вы с Пал Палычем это умеете. Ты же девчонка, тебе надо, чтобы на тебя все глядели...

Опять «девчонка», а не «человек», отметила Марина, а Ник неожиданно с обидой завершил:

— Рольд, старина, совсем меня забыл. Даже не подошел! Только хвостом помахал.

— Да он же давно не встает, — изумилась Марина. — Совсем стал старый и слабый. С крыльца на минуту спустится, а потом весь день лежит. Это ты к нему не подошел.

— Классно всё получилось, правда? — Арсений любо-

вался пирующими друзьями.

— Классно всё получилось, — повторила Марина.

Арсюша видит удавшийся уикенд — их общее произведение искусства. А перед Ником, разумеется, предстала новая свита. Дубль два. Взамен Рафаэлю-Артуру-Рудольфу. Естественно, он решил, что и ее занесло. И что они поспешили. Какие там общие планы, когда столько вокруг всего! У кого — пиастры, у кого — упоительная студенческая жизнь.

Но это же не так! Или так? Но у нее уже были друзья, ставшие настоящим наркотиком. И она еле выжила после ломки. Она что, опять собирается на это подсаживаться?!

— С Николой на завтра на восемь утра договорились, — теревил ее Арсений. — Давай мы оба будильники поставим, без нас все проспят.

— Ты пойдешь, а я останусь, — постановила Марина. — Не все ведь захотели. Нельзя полгруппы бросить тут или домой спровадить раньше времени.

Ночной полет

— НУ ЧТО, проводила, прибралась? — позвонила на следующий вечер Жанна. — Как прошло?

— Лучше не бывает. Все решили переехать в Белогорск.

— А голос чего похоронный? — мгновенно услышала подруга. — Выкладывай давай. — И, выслушав, заявила без церемоний: — Ты не права. С самого начала, с Крыма еще. Не фиг было благородно его отпускать! Надо было брать за шиворот и ехать за эти ваши чертовы волшебные горы! Ему нужны всякие подвиги, типа писем счастья на столбах, вот и еще бы совершил.

— Это был бы не подвиг, а жертва, — возразила Марина, — мне жертвы не нужны.

— Ты всё о себе или о нем. А думать надо не как лучше

для вас, а как лучше для вашей любви.

— Вот это да, Жанка, ты знаешь такие слова! — изумилась Марина.

Жанна отфутболила:

— Еще и не такие знаю. — И растолковала: — Я про Японию читала, что влюбленная пара сажает цветок, и он становится символом их любви. Его надо поливать и лелеять. Он напоминает, что любовь — это отдельное существо, которое нуждается в заботе. И прежде чем что-нибудь сделать, надо подумать: а хорошо ли это будет для нашей любви? А ты — ни фи́га не лелеешь, хотя только цветами и занимаешься! Чего молчишь? Тебе надо, чтобы я изображала хорошую подругу и говорила, какой он козел? А я говорю, что ты дура.

— А что они сажают? Японцы? Хризантему?

— Чего? — не поняла Жанна. — Ну, у тебя совсем там крыша поехала. Ладно: он тоже козел.

Завершив разговор, Марина продолжала глядеть на телефон. Где сейчас его застигнет ее звонок? Свалился мешком и спит после похода? Еще не вылез из душа? Делает разбор полета, ловит мысли? Размечает карту? Может, о ней думает, в порядке исключения?

— Маринка, привет! — голос был на удивление свежий и бодрый. — А я как раз о тебе думал, представляешь? Сам хотел звонить. Тут такая красотища! Как где? В аэропорту! Я улетаю ночным рейсом! Меньше часа до посадки. Стою перед стеклянной стеной, смотрю на самолеты... Куда? Скажу, когда вернусь! Рано пока говорить. Понимаешь, дело одно раскрываю...

И Марина поняла, что не прошла квест. Тогда ей это только показалось. Именно потому, что она знает Николу как облупленного, надо было догадаться, что археолето — всего лишь отпуск, небольшая передышка. А не сам скачок из зоны комфорта куда-то еще. А скачок — это то, что сейчас. И это она безнадежно опоздала. Он уже не здесь. Он на седьмом небе.

— А наши планы в силе, — захлебывалась трубка, — ты только дай знать, когда. Короче, я не прощаюсь! Заряди мобильник, будь на связи!

О чем с ним говорить?

В КОНДИТЕРСКОЙ витал аромат счастья, нежный, но такой ощутимый, что им можно было наестся — словно всеми пирожными сразу. И счастье здесь обитало всегда, в любую погоду, в самые мрачные осенние вечера. Марина расположилась в дальнем углу на высоком барном стуле: отсюда, как с вышки, можно было наблюдать за всей «Забавушкой». Уже прошли хэллоуинские вечеринки, тыквенный декор скоро заменится новогодним, а посетители и в промежутке между праздниками гуськом бегут за эклерами и десертами, за праздником души и живота.

Ароматом Марина уже насытилась, и можно было приступить к воздушному пирожному и «Унесенным призраками». Этот мульт она увидела по телевизору случайно — раньше вообще не обращала внимания на анимацию, в том числе японскую, — и волшебный мир ее не выпустил. Она начала смотреть одну сказку за другой — «Мой сосед Тоторо», «Ведьмина служба доставки», «Небесный замок Лапуту», «Навсикая из Долины Ветров». А тот, первый фильм скачала на ноутбук, чтобы пересмотреть со вкусом — то есть с пирожным, чем сейчас и занялась.

— Ну что ж, Никола, мне будет очень тебя не хватать.

Марина подняла голову. И не глядя поставила фильм на паузу.

Мелодичный голос принадлежал высокой тридцатилетней брюнетке в яркой вязаной куртке с белыми оленями и белым меховым капюшоном. Она стояла сбоку в дверях — но всё равно была в центре, поскольку на нее невозможно было не обратить внимание. Так же как на ее

голос — негромкий, но музыкальный, долетающий до дальнего угла всеми своими оттенками.

Ник смотрелся ей под пару — такой же заметный, со своим тропическим загаром среди бледнолицых. Марина подумала об этом прежде, чем узнала Ирину, редактора «Белогорских вестей». Она видела ее много раз, забегая вместе с Ником за газетами. Причем видела и блондинкой, и рыжей, и баклажаном, и в полосочку. А теперь она черногровая особа. Взять тушь, выплеснуть на бумагу кляксу, слегка подправить — и будет портрет.

Вместо того чтобы нажать на паузу, Марина отключила звук, всё это время герои анимэ продолжали молча бегать и убежали далеко вперед. Когда она перемотала их обратно и снова подняла взгляд, Ник беседовал уже с другой женщиной.

Ей было слегка за двадцать, и Марина ее не знала. Они переместились за столик напротив, который раньше Ник и Марина считали «своим», и незнакомка села так, что ее можно было подробно рассматривать: длинные русалочьи волосы, прозрачное лицо, тонкие серебряные кольца на тонких пальцах, белая шубка на плечах. Неуловимая, нестандартная внешность. Простой карандаш, легкие штрихи. Марина так давно уже не рисовала. А голос неслышный, и собеседник убавил звук — немое кино. Оторваться от которого невозможно.

Главная информация считывалась сразу — до чего же естественно он смотрится со взрослыми женщинами. Он и сам взрослый. Вырос он уже давно, а повзрослел стремительно. По крайней мере, на пикнике с ее группой он таким еще не был. Такую уверенность в себе невозможно изобразить — только реально наработать.

Пожалуй, Жанна права: какой интерес глядеть на нее, как на картину, если вокруг полно красивых женщин, которые умеют развивать отношения, и вообще всё умеют. А ее и Ника, с их детским романом, жизнь давно уже разводит в разные стороны. С *этим* Ником она даже не знала бы,

о чем говорить. О чем с ним говорят все эти женщины? Марина бросила взгляд на экран, где застыл ее мульт: всё испорчено. Можно не досматривать, посмаковать и получить удовольствие уже не удалось. Дома надо было смотреть, никто бы не помешал...

Русалка поднялась, Ник тоже встал — и увидел Марину. И вспыхнула такая улыбка, что немое кино обесмыслилось. Он сиял, как воскресным вечером в «Трех пескарях», как в Судаче на автобусной остановке! И золотые искры опять порхали на кончиках ресниц. Проводил свою даму до дверей — с головой, повернутой в Маринину сторону, — и подбежал вприпрыжку. Это был прежний, хорошо знакомый Никола.

— А, ты на высоком уровне! — и запрыгнул на соседний стул. — А почему не за нашим столиком?

— Он был занят.

— У меня сегодня куча деловых встреч, — как ни в чем не бывало подтвердил Ник, просматривая меню. — А тут такие перемены — «Волшебного кольца» уже нет, а есть какая-то «Лесная сказка». Будем пробовать?

— Я все их новинки уже перепробовала, но за компанию могу повторить. А больше ты никаких перемен не заметил?

— Опять постриглась, что ли?! — Ник всмотрелся: — Нет, наоборот, отросли волосы. Совсем другое дело. А что тогда?

— Погляди по сторонам, — терпеливо предложила Марина. — Сориентируйся на местности, ты же сталкер.

Ник крутанулся на стуле:

— Обалдеть! Как я сразу... Это же они! Только цветные.

По стенам кондитерской висели картины с человечками в колпачках. Здесь были и три дерева на острове, и гора — только большие и разноцветные. Был фрагмент парка, где человечки населяли раскидистый клен, взбирались на огромную по сравнению с ними скамейку и копошились в опавших листьях. Был уголок самой «Забавушки»,

где одни человечки карабкались по ножке стола, а другие уже сновали между тарелок с пирожными. Кто-то повис на соломинке, торчащей из бокала с лимонадом. Ник не торопясь переходил от картины к картине, а вернувшись, заявил:

— Музеи мира подерутся за мои эскизы! А я не продам.

— А я — продала, представляешь? — Марина, убедившись, что ее труды произвели впечатление, повеселела. — Теперь есть чем дальше за учебу платить!

— Так, значит, и Пал Палыч видел? Всё уже рассекречно?

— Конечно. «Забавушку» не спрячешь под кровать. Он был ошарашен, но решил, что это сюрприз, чтобы его осчастливить. И на самом деле счастлив и всех сюда стогняет — смотреть и восхищаться. Я и сама сижу, смотрю — на что народ обращает внимание, к каким картинкам специально подходит. Это надо сейчас отследить, пока они не примелькались.

— Разбор полетов? А с цветом-то ты все-таки разобралась!

— Да, его южное солнышко высветило. А еще вот это, — Марина повернула к Нику экран с застывшим кадром.

— И ты на анимэ подседа? То-то я замечаю, что раньше народ был толкинутый, а сейчас все стали анимэшники...

— Это не просто анимэ, это Миядзаки, классика жанра. Я его насмотрелась и обзавидовалась: вот как надо с цветом работать! И тоже потянуло создать свой мир — такой, где захотелось бы жить.

— Так он уже был, только нераскрашенный.

— Но я-то этого не понимала! Человечки были просто так, для собственного удовольствия. Я даже когда первая картинка продалась, не поняла... Ну, ты тогда сказал: продавай картины, как все художники. А какой я художник, и что мне продавать? Но я попробовала — подошла к дядьке, который тут у музея торгует своими пейзажами. Попросила, чтобы он несколько моих рядом поставил, а деньги,

если что, взял бы себе. Я ведь и не надеялась, что покупатели налетят! Просто хотела понаблюдать, как будут смотреть на мои рисунки. Никто и не налетел. А там затесался один натюрморт с кувшином — приличный такой, в школе за него хвалили. Я потом дома прилепнула туда человечка для прикола. И вдруг какие-то люди проходят мимо всего приличного и серьезного, а дурачка в колпачке — раз, и купили! Я потом незаметно бежала за ними и всё их разглядывала: какие они красивые, какие замечательные!

— А с «Забавушкой» как получилось?

— Тоже случайно. Они на самом деле Варя сделали заказ, а у нее ни с того ни с сего началась аллергия. На эти ее засушенные растения. Она была в панике! Потом разобрались — ну, ты, наверно, в курсе? Мама говорила?

Ник замялся:

— Да мы с ней редко видимся...

— Варя ждет очередного ребенка, — объявила Марина.

— Опять?! Куда им столько, — фыркнул Ник. — Так это у ребятенка аллергия на искусство?

— Да, потом должно пройти, но сейчас-то ей не легче. И вот она в тоске, что не может работать, и в ужасе — что сказать кондитерам. А я пришла к ней посидеть с маленьким Витькой и унылых школьных работ с собой набрала. Заселяю их человечками, развлекаюсь. И тут заявляется кондитер. Варя что-то плетет, а он на мои рисунки смотрит: вау, то что надо! А дальше ты видел.

— Выходит, ты у Варьки заказ перебила, — отметил Ник с удовольствием, как будто сам выиграл в какую-нибудь «Монополию».

— Что ты, это называется «выручила», — смутилась Марина.

— А чего смущаться? Сама говорила, что мы — поколение «победителей». И ты победила. А год назад в это же время прятала от всех свои картинки.

— Но ведь «Забавушка» — просто случайность.

— Когда движешься в правильном направлении,

выстраивается правильная цепь случайностей. И надо тебе после этого право какое-то тухлое изучать? — неожиданно спросил Ник.

Марина пожала плечами.

— Я всегда думала, что не люблю математику, а потом поняла, что это я не любила Рахиль. Потому что когда начала заниматься с Юрием Георгиевичем, то математика стала сначала терпимой, потом симпатичной...

— Это гарантия, что ты полюбишь бизнес-право? А может, чтобы папу осчастливить, достаточно того, отчего ты сама счастлива?

На настенных часах просвистел паровозик — с тем самым Ником, с которым Марина только что не знала, о чем можно говорить, они болтали без остановки уже второй час. А он продолжал забрасывать вопросами:

— Или студенческая жизнь того стоит? Как там группа? Как Арсений поживает? Как его квартира в центре? Собираетесь у него?

— А она не в центре, а в Выхино, — рассмеялась Марина. — Арсюша — знатный тролль. Мы с тобой его разыгрывали, а он нас — проверял, снобы мы или не снобы. Конечно, собираемся. Хэллоуин у него отмечали.

— А господин чиновник как? — спрашивал Ник. — Джазовый меломан? С которым ты в Новый Иерусалим ездила, хотя не любишь ни раскопки, ни лопаты?

Значит, и он ее заметил тем летом! Точнее, не мог не увидеть, как и она его.

— Слышал, он в мэры выдвигается.

— Пусть победит сначала, тогда будет, о чем говорить, — отвечала Марина с напускной рассудительностью. Это что же — она отчитывается? По всем пунктам? И точно, прозвучал следующий пункт:

— А Игорь как? Он ведь в Белогорске живет? Или с вами в общежитии?

Почему теперь это не бесит, а кажется забавным?

— И там, и там, — излагала Марина, изо всех сил сохра-

няя серьезность. — Вначале он казался монстром, а на самом деле Игорь как Игорь. Только с ним особо не общаешься, он на работе пропадает, вроде тебя.

Ник долго смотрел на пузырьки, взбегающие в стакане с шипучкой. Наконец признал:

— Маринка, меня опять занесло. Ты, наверно, меня отовсюду уже вычеркнула. Обещал без фанатизма, а сам...

— Ты на учебе хоть бываешь? — поинтересовалась она.

— Ну да, я ж там дверь ногой открываю, забыла? Мое имя там правда звучит. Встречают, как будто я первый космонавт... Маринка, какая учеба! Время дорого. Приходится отсекать все лишние направления: видишь, с Ириной наконец распрощался. — И выложил: — Я теперь в турфирме работаю. Сопровождаю группы за границу, отвечаю за трансфер. С подачи Лизы Логиновой — ты сейчас видела ее, в белой шубке? Я с ней в начале лета познакомился, когда всем городом пропавших детей искали, лес прочесывали, помнишь? Она управляющая загородным отелем. Последнее время своих клиентов мне подкидывала. Ее муж тоже моими маршрутами увлекся, он охотник и бывший вояка... В общем, Лиза раньше в этой «Скатертью дороге» работала и меня с ними свела, их интересовал экстрим как направление. А там я раз кого-то заменил, другой — и пошло. Английский неплохо знаю, загранпаспорт есть, таможня-билеты-отели, посадки-пересадки — всё знакомо. В общем, я летаю! Маринка, это супер! Я знаешь где за это время побывал!

Марина снова видела горящие глаза и следующие полчаса слушала о полетах и разных странах. И понимала, что это действительно супер. И еще — что она сама только что выглядела точно так же. И так же не могла — и не хотела бы — остановиться.

— Летай, — заключила она. — Я тебя не вычеркиваю. А мама знает?

— Конечно, нет. Думает, малость подрабатываю. Как там классика зовут? Я себе его тоже скачаю.

Больше трех вопросов

ПО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМУ переезду двигался зеленый шевроле. Взгляд сразу выделил его из потока машин. Когда же он забибикал и остановился, Марина сорвалась с места и полетела. А подлетая, резко затормозила — и постаралась сделать разочарованное лицо любезным.

Но Елена, сидевшая за рулем, уже извинялась:

— Я просто хотела подвезти... Такая метель... Я давно уже на этой машине, Никола редко ездит...

— Спасибо, — Марина забралась внутрь и захлопнула дверцу. — Я — с удовольствием. Как тепло! А в электричке совсем не топят.

Это и правда было удовольствием — сидеть в машинке Ника, на которой они катались считанные разы.

— С экзамена? — расспрашивала Елена. — Сдала? А что было? Римское право — как звучит! Очень сложный предмет? А сколько их всего в сессии? А как Никола сдает, не знаешь? Может, он уже звонил сегодня...

«Это уже больше трех вопросов», — мысленно запротестовала Марина, а вслух ответила:

— Нет пока.

— А ты не знаешь его расписание?

«Знаю. Испания, Таиланд, Доминикана».

В этот момент мобильник в сумке запел высоким мальчишеским голосом:

*След мой волною смоем,
А я на берег с утра приду опять!*

— Какая хорошая, забытая песня! — восхитилась Елена.

— Забытая? — удивилась Марина, так поспешно отклоняя звонок, что из сумки полетели бумажки и ручки. — У нас в лагере на пляже она всё время звучала.

— Это из моего детства... Марин, а ты не замечала, что

Николе учеба не особенно интересна? Он как будто заблудился между биологией, историей, географией... А эти его подработки — как думаешь, не слишком его отвлекают?

«Всё знает? — стухнула Марина. — Или догадывается?»
Мобильник опять залился:

*Море, ты слышишь, море!
Твоим матросом хочу я стать!*

— Спамеры замучили... Мой номер слили в какую-то базу... — бормотала Марина, отключая звук, а потом принялась убеждать, что в их группе тоже все работают, кроме нее — папиной дочки.

Так оно и было. Игорь давно перестал выглядеть белой вороной. Даже Арсюша числился в родительской фирме и похвалялся: «Работаю языком — конверты заклеиваю! А еще бумажки ксерю и персонал приучаю к себе — будущему боссу». Однако народ появлялся и на учебе, хоть и не фанател от нее, и на вечеринках. Всем удавалось находить баланс между обязателькой и более приятными вещами, как ей самой — между двумя учебами. И только ее «победитель» категорически отказывался заниматься тем, что ему неинтересно — то есть впустую тратить время. А он, мятежный, просит бури.

Марина заерзала — что за радость вешать лапшу наивной Николиной маме. Но не может же она его заложить! Мобильник в сумке уже не пел, но упорно жужжал и подпрыгивал.

— Вы меня что, домой везете? Да остановитесь, где вам удобно!

— Что ты, такая пурга. Ты извини, что столько вопросов... Но я ничего о нем толком не знаю! Никола всегда был скрытным и подчеркнуто самостоятельным. Во времена, когда я его пичкала стишками, его любимый был «про коня»:

*Лишь бы мне поставить ногу в стремя!
Живо распрощаюсь с вами всеми:
На коня — и поминай как звали!
Чтоб за шапку — звезды задевали!*

«А еще — про летчика. Под ним ночные бары, чужие города, казармы, кочегары, вокзалы, поезда...»

— Павлика в свое время то и дело заносило, — неожиданно сказала Елена. — А Марине удавалось его сбалансировать. Думаю, если бы не она, он не стал бы тем, чем стал. Тебе известно, что он поступал в «Щуку», в театральное?

— Папа? — поразилась Марина. — Нет, неизвестно. Он почему-то никогда не рассказывал.

Но Елена размышляла уже о другом:

— Вся эта общежитская жизнь... Беспорядочность, бессистемность... Может, конечно, это предубеждение, я домосед... Знаешь, мы с Павликом думали летом, не снять ли вам с Николой квартиру в Москве, вместо всех этих общаг. Но постеснялись предложить...

«Мы и сами думали. Так теперь его переезд ко мне уже не стал бы трагедией?»

— Елена Николаевна, было бы ровно то же самое, — заявила Марина, выбираясь из машины. — У меня себя-то балансировать не всегда выходит. Спасибо, что подвезли. Не хотите к нам зайти? — И то ли предположила, то ли пообещала: — Он вам сейчас позвонит.

Елена подняла с сиденья вылетевший листок, кинулась было догонять — но Марина уже скрылась за калиткой. Лист был расчерчен на квадраты, заголовок гласил: «ДЕКАБРЬ», дальше по числам расписано: «1 — купить много мандаринов... 3 — послушать любимые новогодние песни... 7 — купить безделушку... 12 — покататься на льду... 16 — посмотреть новогодний фильм... 17 — почувствовать волшебную атмосферу... 18 — украсить дом... 22 — купить еще мандаринов... 24 — слепить снеговика, если будет снег... 25 — купить конфет и не съесть НИ ОДНОЙ... 27 — позвонить/

написать старым друзьям... 28 — подвести итоги года...»

Почти все квадраты были зачеркнуты, от некоторых шли стрелки в будущее. Елена рассмеялась и пересмотрела календарь: а ей самой чего бы хотелось — мандаринов, конфет, безделушку?

А Марина отчитывала Ника по телефону:

— Может, надо было ответить прямо при ней? И трубку передать? Рассказал бы сам о своих достижениях! А ты сдаешь вообще сессию? Ну, фиг с ними, с лекциями — но на экзамены-то можно приехать? Ведь если ты приедешь, тебе поставят — надо только дать им шанс.

— Да не парься ты, — смеялась трубка, — ну не вписывается у меня никак эта сессия!

— Завалишь сессию — в армию загремишь.

— Я, типа, должен напугаться? Пойду посмотрю, что там у них за армия. Маринка, это ж круто — с автоматом бесплатно побегаю, не то что в пейнтбол за деньги. А может, мне прям сейчас постричься под ноль? Пойдешь со мной лысым в кино?

— Пойду, — хладнокровно отвечала Марина. — Я тоже под ноль постригусь. Прямо сейчас. Ты меня знаешь.

— Да я пошутил, — тут же отступил Ник. — Ладно, может, дам им шанс.

Голоса друзей

— А ПИРОГИ-ТО — ничего, — сделал открытие Рудик, сидевший рядом с Рольдом, и попытался угостить дога начинкой.

— Кексикки вкуснее, — глубокомысленно заметил Артур, в одной руке державший кекс — а другой пролистывал всё, что находил на Маринином письменном столе: книжки, журналы, учебники, вампирскую сумеречную трилогию.

Рафаэль, утонув в кресле, рассеянно клевал орешки.

Жанна, на этот раз с ног до головы джинсовая, по-ковбойски восседала на подоконнике. Подытожила:

— Эта ваша новая старушка не хуже Доры. И то что не в харчевню пошли, а сюда!

— Да мы как будто и не уходили.

Все дружно согласились. Компания расположилась в Странном Доме, как всегда, все на своих привычных местах — и не давал о себе знать ни долгий перерыв, ни то, что они стали студентами и перестали быть детьми. Или не перестали? Жанне предложили сделать вскрытие курицы гриль, и она охотно этим занялась, услаждая слух друзей рассказами об анатомичке. На голову Артура сбросили все фрукты по очереди, чтобы дать ему возможность открыть что-нибудь гениальное. Рудик показал новые приемы борьбы — на Рафаэле. Рафаэль притащил свои новые записи, но слушать было невозможно, потому что он глушил музыку рассказами о том, как она исполнялась.

— А это ты елку забыла убрать? — Рудик смотрел на разросшееся японское деревце, ветви которого были уставлены и увешаны безделушками и украшениями.

Жанна заметила куриного бога, подаренного Ником, когда они учились в восьмом классе, и безошибочно определила:

— Нет, это сборная модель бойфренда. Подтверждает, что он был, напоминает о событиях, с ним связанных.

Артур отвлекся от книжек, Рафаэль — от орешков, и Жанне пришлось пояснить:

— Бывают праздничные папы, которые изредка приезжают к своим деткам с подарками, а у Маринки — такой же праздничный молодой человек. Раз в полгода появляется с каким-нибудь папуасским презентом — и у них это называется личной жизнью.

— Раз в полгода? — буквально понял Рудольф.

— Ну да, Никола зимний и Никола летний, — потешалась Жанка.

— А чего так? Вы ж оба в Москве.

— А с вами мы часто встречаемся? — защищалась Марина.

— А чего он не с нами сейчас? — поддел Рафаэль. — Уж так рвался когда-то...

— Может, вам пора друг друга отпустить? — предположил Артур.

— Я никого не держу, — только успевала отбиваться Марина. — Что вы так разволновались? Меня вот ничего не напрягает!

— На твоей страничке не проставлен статус «в отношениях», — напирала Жанна. — Это значит, ты свободна?

— Да ничего эта страничка не значит. Я на нее сто лет не захожу. А наши отношения — с самого начала неформат.

— Ну, может, увидите когда-нибудь, — утешила подруга. — Поедешь с папой отдыхать, и вдруг — о, счастье! — Берестов окажется сопровождающим вашей группы!

Рафаэль тем временем со вкусом рассказывал анекдот:

— Верблюд плетется по пустыне, дохнет от жары. Вдруг видит: ослик круги нарезает. Спрашивает: «Чего это ты делаешь?» Ослик: «Да вот, бегу трусцой, встречный ветерок овеивает — так приятно, прохладно становится». Верблюд взревел и понесся по пустыне. К вечеру вернулся — и рухнул. Ослик: «Спасите, помогите! Верблюд замерз!»

У Артура была своя история:

— Идет Берестов мимо нашего магазина. Видит в витрине Маринкин силуэт. Черный, бумажный, художник один вырезал. Продай, говорит. Я ему: пять кусков. Прикалываюсь. А он картинно достает пятитысячную бумажку, демонстрируя, что она у него не одна. Весь в своих дешевых эффектах!

— Так ты меня продал, — смеялась Марина, — или даром отдал?

Но скоро перестала отвечать, позволив друзьям свободно высказываться, язвить и зубоскалить — и те отводили душу, едва ли не первый раз с той поры, когда Ник без

спросу вломился в их жизнь и «всё испортил», а пришлось сдерживаться и соблюдать политкорректность. Это была хорошо знакомая ревность к нему, или любовь к ней. Это были голоса друзей, которые можно слушать, как музыку, не вникая в слова.

Вдруг стал понятен давний сон с мрачным лабиринтом, похожим на пространства Пиранези, где она металась, слыша их далекие голоса. Тогда был виден только поверхностный смысл, который сам бросался в глаза, как черная надпись на соседнем заборе: «Жизнь — тлен». А ведь главное — в том, что голоса друзей *были слышны*. Они всегда были с ней. Они не исчезали. И когда она их слышала, то должна была понимать, что они рядом, на соседних уровнях, проходят свой собственный квест. Когда-то они делали это вместе; возможно, когда-нибудь их пути пересекутся или снова совпадут.

И Ник сейчас летит — на своем уровне, по своему маршруту. Ну да, верблюд замерз, и со стандартами они не совпадают. Она и себе не может объяснить устойчивое ощущение, что он у нее есть, несмотря ни на что. Как же другим это понять?

— На самом деле это просто, — все-таки попыталась Марина и заговорила завывающим голосом: — Однажды мы вместе выпили волшебный напиток, и теперь ничто не разлучит нас до самой смерти!

— Да фиг поверю, — запротестовала Жанна, — как же, тебя напоишь!

Артур захохотал:

— Балда, да это сказка! Как ее? Тристан и Изольда, нам этот вопрос в седьмом классе на интеллектуальных играх достался!

Жанна от досады чуть не смахнула с подоконника цветок, оказавшийся под локтем.

— Блин, это еще что?

— Хризантема, — ответила Марина.

— *Хризантема?*

— *Хризантема*. Я той осенью ее выкопала и посадила в горшок.

— Ну и что — хризантема? — Артур вопросительно смотрел на Рафаэля. — Мы что-то должны понять?

Мы можем быть рядом

— ПАП, он сегодня и не ел, и не пил. Вчера хотя бы пил! А сегодня совсем...

— Марина вернется — скажешь, что и пил, и ел, — перебил сына Пал Палыч и более строго повторил то же самое. Погладил по голове лежащего Рольда: — Не подводи, старина, у нее же сессия!

Но Марина быстро догадалась. Павлик приподнимал собачьи лапы, те безжизненно падали — и она застала брата за этим занятием. Напустилась:

— Зачем ты заставляешь его играть? Лучше бы свежей воды налил в миску! — Потом присмотрелась: — Нет, он не играет.

Обычно дог притворялся спящим, позволяя маленькому хозяину дергать и лапы, и уши, и хвост. Но всегда ронял свои огромные лапы так, чтобы не задеть ребенка. А сейчас они падали словно тряпичные, сами собой.

— Вы что, ничего не замечаете?! Надо еще раз доктора вызвать!

Ветеринар приезжать отказался:

— И чем я помогу? Только деньги снова потратите. Привозите в клинику, если хотите — тут хоть анализы сделаем и УЗИ, если надо.

— Восемьдесят кило — привозите, — Марина вопросительно смотрела на отца. Тот возразил:

— Какие там восемьдесят. В нем уже половина осталась. Дотащу как-нибудь до машины, а вы с Павликом лапы подержите.

В ветклинике на стенах висели плакаты с улыбающимися, здоровыми собаками и кошками. И даже те медицинские, где собака и кот были в разрезе, выглядели весело. Рольд обычно заходил сюда, как домой, и терпеливо переживал любые медицинские манипуляции или прививки — снисходительно, с пониманием. Теперь этого гиганта, на которого все всегда смотрели с уважением и опаской, переносили, как вещь — со смотрового стола к УЗИ и обратно.

— Ну, можем проколоть витамины, обезболивающее, — развел руками врач, словно оправдываясь.

Огромное тело от уколов даже не вздрогнуло. Пал Пальч снова с трудом поднял Рольда и понес обратно в машину. Притихший Павлик следовал за ним. А Марина задержалась.

— Что еще мы можем сделать? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Может, нужно какое-нибудь лекарство?

— Какое-нибудь лекарство не нужно, — отвечал ветеринар, не поворачиваясь к ней и что-то переставляя на столике. — У него было уже два инсульта. В данном случае болезнь — это не процесс, который можно изменить. Это форма, которую выбирает смерть. — Повернулся: — Ну, день, ну, несколько дней. Но он испытывает боли. Можно это прервать. Это ваш выбор.

Марина напряженно смотрела на доктора, стараясь понять, о чем это он. Потом затрясла головой, круто развернулась и побежала за своими.

Отец и Ник укладывали дога на заднее сиденье. И только когда машина остановилась у Странного Дома и они вылезли из нее вчетвером, Марина рассмотрела:

— А ты откуда взялся? Тебя папа позвал?

— Нет, — отвечал Ник, — меня никто не позвал. Я вас случайно увидел. — И добавил, словно самому себе, с недоумением: — А мог и не увидеть. Меня сегодня здесь вообще не должно было быть.

— Он сказал — страдания... можно прервать, — Марина услышала, что даже шепчет не своим голосом, а Ник тут же откликнулся:

— Еще чего! Вот мы тебя положим, старина, на любимый диван, — приговаривал он, размещая собаку в гостиной, — и станет лучше! Дома сразу станет лучше, так всегда бывает.

— Он открыл глаза! Он смотрит на Ника, — радовался Павлик. — Ему лучше, правда?

— Конечно, правда, — уверенно говорил Ник. Строго взглянул на Марину: — Нечего плакать. Тут никто не умер.

Она быстро вытерла щеки и опять прошептала:

— Я спросила, чем мы можем помочь, а он... ничем...

— Мы можем быть с ним рядом и говорить ему, как мы его любим, — твердо сказал Ник. — Старина, я всегда хотел, чтобы ты был и моей собакой тоже. Помнишь, как мы подружались? Нас Павлик познакомил. Рольд потом меня в ваш двор пускал... даже когда мы с тобой еще знакомы не были, — он взял Марину за руку. — Я жутко гордился — такая собака внушительная!

— Рольд всегда разбирался в людях, — улыбнулась Марина. — Жаль, что вы с Павликом не видели его маленьким. Рольдик, а я помню, как сама была маленькой, а ты — щеночком. И как тебя папа принес! А мама потом купила тебе копыто.

— Точно, — обрадовался Пал Палыч, — говяжьё копыто! Представляете, грянул дефолт, все кругом мечутся, всё подряд разметают, лишь бы сбыть рубли. Телевизоры волокут, барахло какое-то. А Марина заявляется довольная: я песику копыто купила, он теперь диван не будет грызть! Это копыто потом жило у нас до Нового года...

— Нет, Рольд всегда был большим, — Павлик не мог представить щеночка. — Это я был маленьким, и мы играли в коня и наездника.

— Я его к тебе специально приучал, — рассказывал Пал Палыч. — Когда тебя принесли из роддома, растолковал,

что ты наш новый щенок, будешь здесь жить, и он должен тебя любить и уважать. Давал лизнуть пяточку. Он проникся — раз вожака семейной стаи ребенок интересуется, значит, это в самом деле ценно. Потом я из твоей ручки вкусняшки ему начал давать, чтобы у него с тобой были связаны только приятные вещи...

Неподвижного пятнистого дога гладили восемь рук сразу. Все заметно приободрились, так что принесли ужин в гостиную и даже включили телевизор. Рольд, сделав усилие, пополз по длинному дивану к хозяевам. Не открывая глаз.

— Он хочет с нами! — завопил Павлик, обнимая своего друга. — Он хочет, чтоб мы как всегда... Марин, давай какую-нибудь серию про комиссара Рекса! Он про собаку любит смотреть!

— Он хочет, чтобы как всегда, — подтвердил Ник. — Пусть этот Айболит измерит, чего тут больше, страдания или счастья. И что надо прерывать.

Однако больше дог не шевелился и головы не поднимал. Ник распорядился:

— Я здесь на диване с ним останусь. Идите все спать. Я позову, если что.

Он разбудил Марину под утро и, спускаясь по лестнице, шептал:

— Ему фигово. Просыпаюсь — на диване пусто. Смотрю — а он каким-то образом слез и пытается уползти в угол.

Рольд беспомощно распластался на полу, он не смог добраться до угла. Ник лег рядом с ним и положил себе на грудь его голову. Папа и Павлик неслышно подошли и встали рядом. Дог вздрогнул и вытянулся.

Когда Ник поднялся, бережно переложив на ковер тяжелую собачью голову, Марина вопросительно взглянула — и он коротко кивнул:

— Да. Всё.

Никто не хотел верить. Все, как вчера, начали гладить

Рольда, который ничуть не изменился, и был такой же теплый, и словно притворялся спящим, чтобы все желающие могли играть с его лапами и хвостом.

Пал Палыч посмотрел на Ника, тот понял:

— Лучше сразу, прямо сейчас, чтобы мы не увидели, как он изменится. Вы где хотите? Я знаю, что люди относят куда-нибудь в лес. У нас нет кладбища домашних животных.

— Эта тема табуирована, как вообще тема смерти. Питомцы должны быть только живыми и веселыми. Многие вообще на помойку выбрасывают. А в городской черте хоронить запрещено. — Пал Палыч сидел, обхватив голову руками. — Но я не могу выкинуть на помойку члена своей семьи. Или зарыть в овраге, где его размоют дожди или раскопает стая бродячих собак. Павлик ходить учился, держа за его хвост. Он ему был нянькой, присматривал, гулять водил...

— Он тринадцать лет жил с нами, — подала голос Марина. — Папа, ты же сам сказал, что Странный Дом и прилегающая к нему территория — это наш мир, который мы можем устраивать, как считаем нужным. Мы не хотим выбрасывать из него тех, кого любим. Пусть Рольд останется в своем саду.

— Ваш забор — и есть городская черта, — согласился Ник. — Дальше только лес. Пойдемте, выберем хорошее место.

Павлик, изо всех сил старавшийся держаться и не плакать, побежал следом:

— Вот его мячик! Можно будет с ним положить?

— Конечно. И все игрушки, и миски, и коврик, и ошейник с поводком.

Марина превратилась в автомат, который послушно исполнял всё, что нужно, и даже вполне разумно разговаривал. Очнулась она в полутемной гостиной. Напротив сидел папа, обнимающий плачущего Павлика, а ее саму точно так же обнимал Ник. Марина словно выглянула

из надежного укрытия и снова оказалась в мире, в котором царит смерть — и ее обдало ужасом, и она снова спряталась у Ника на плече: «Я никуда не уйду отсюда. Я буду здесь жить». Потом опять пришла в себя:

— Ты здесь? Тебе не надо разве куда-то лететь?

Ник ответил:

— Никуда. Никогда. Я здесь. Я помню, где моя комната. Стукни в стенку, если буду нужен.

Запрещенный прием

НА СЛЕДУЮЩЕЕ утро Пал Палыч нерешительно сказал Нику:

— У Марины сегодня экзамен. Как считаешь, стоит напоминать или лучше не тревожить? Я только посоветоваться... ты и так с нами уже третий день... не знаю, как бы мы всё это без тебя... В принципе, может сдать и потом...

— Всё нормально, — махнул рукой Ник. — И с экзаменом будет нормально. Я ее отвезу.

Подъезжая к университету, он заметил Пальчикова, выскочил:

— Арсений! Слушай, друг, помоги. Маринка никакая. На автопилоте. Сделай так, чтобы она сдала. Шпору, что ли, ей дай какую-нибудь...

— У вас что-то случилось? — догадался Арсюша.

— Это не все поймут. Собака умерла.

— Тот серый, в яблоках, здоровый, как лошадь? — вспомнил Арсений с почтением в голосе.

— Чего тут не понимать? — к ним подходил Игорь. — Собака — это серьезно. У моей девушки — абрикосовый пудель. Не волнуйся, сдаст, мы с ней вместе пойдем.

Марина, которая снова перешла в автоматический режим, отстраненно удивилась — то ли тому, что у мрачного Игоря все-таки есть девушка, то ли тому, что у той

может быть собака. А то, что она действительно сдала, ее не удивило, как и то, что Ник ее дождался и везет домой.

— Что теперь? — спросил Ник, она не поняла, машинально переспросила:

— А что теперь?

— Что бы ты сейчас делала, если бы не... — он не договорил.

Марина пожала плечами.

— Раньше? Ну, купила бы торт, съели бы с Павликом, фильм посмотрели. Отметили бы день красивой зачетки с новой пятеркой. Разве важно, что могло быть раньше?

— Важно, — и Ник повернул к «Забавушке». — Что покупать? То, что еще не пробовали? Или проверенный вариант?

Марина наконец вынырнула из оцепенения.

— Ты реально считаешь, что меня утешит сладкое?

— Почему тебя? А Павлик?

— Я не могу и не хочу сейчас НИЧЕГО, — мрачно произнесла Марина.

— Можешь, — неожиданно возразил Ник. — Павлику сейчас тяжелее, чем тебе. Во-первых, он маленький. Во-вторых, для него весь мир разрушен, потому что собака была в этом мире всегда. Так что покупаем торт, и ты ведешь себя, как обычно. И показываешь ребенку, что мир цел. Это запрещенный прием — но Рольд тоже чтит традиции и соблюдал их до конца.

— Это запрещенный прием — заставлять меня что-то изображать. Не могу и не хочу, — упрямо повторила Марина.

— А Пал Палыч может? — Ник смотрел на нее изучающе. — Ты когда-нибудь думала, почему его друзья в день рождения Павлика бросают все свои дела и едут к нему? Они десять лет это делают, с того дня, когда умерла твоя мама. Потому что день рождения Павлика — это день ее смерти. А Пал Палыч всегда устраивает веселье, чтобы у сына был праздник. Потому что и твоя мама наверняка

хотела этого. Ты когда-нибудь видела, чтобы было иначе? А он может и хочет?

Марина посидела в раздумьях. Потом решительно вышла из машины:

— Берем «Волшебное кольцо». Оно опять появилось. А завтра — что-нибудь новое. Кстати, мы все пиццы собирались перепробовать, но остановились на середине списка. И почему бы не пересмотреть «Властелина колец»?

— А потом — «Звездные войны»!

За следующие три дня они пересмотрели обе эпопеи, а еще «Матрицу» и «Гарри Поттера». Пал Палыч, возвращаясь с работы, присоединялся к их компании. Один раз вместе с ним появилась Елена Николаевна. Приезжала Дора, заскочила даже Варя с новым малышом. В промежутках Ник и Павлик катали друг друга, один — на машине, другой — на новом квадроцикле.

Неожиданно подъехал крытый пикап, из которого выгрузили трех деревянных медведей — большого и двух медвежат.

— Папа их давным-давно заказывал, — вспомнила Марина. — В прошлом году появился резчик по дереву, он делает садовые фигурки. Мы долго в очереди стояли. Знает, она дошла!

— Это типа фамильный герб? — сообразил Ник. — Куда их — в лабиринт?

Марина, которая не заглядывала в сад со дня собачьих похорон, вынуждена была пойти определять место.

— Так красиво, — признала она, когда мишки расположились среди цветов, а они с Ником — в маленькой беседке. — А мне уж начало казаться, что лабиринт надоел. Что пора всё переделать.

— Зачем? — огорчился Ник. — Чтоб стал скучный сад, как у всех?

Она больше не хочет мечтать

РИСУНКИ, развешанные на разноцветных прищепках, заполняли комнату. Дверь приоткрылась, десятки крыльев дружно взмахнули, а на Марину кто-то с гиканьем накинулся сзади и повис на плечах.

— Ага, — торжествовал Павлик. — Сознавайся, думала — Ник!

— Сознаюсь, — согласилась Марина. — А он у нас где? Что-то я его с утра не вижу. Может, домой перебрался?

— Да нет. Вон же у тебя его карта лежит, — указал братик. — А я с шахмат иду. Самого Ваську обыграл сегодня! А это кто?

— Да так, сам собой нарисовался.

Наконец-то закончились и сессия, и семестр в арт-школе. Марина достала скопившиеся за год работы, развесила и смотрела на них, как на чужие. До чего ж они школярские! Только и есть, что карандаш научилась правильно держать. Но кой-какой прогресс заметен. А значит, она по-прежнему в пути. А значит — нельзя сказать, что терпит неудачу. Главное — продолжать двигаться. Сейчас свободная от обязательки голова поймет, в каком направлении.

Серые карандашные рисунки были расцвечены любимыми красными колпачками. Они вылезали почти из всех натюрмортов, разрушая их монотонность и однообразие. Но, кажется, она уже выпустила на волю всех человечков. Марина критично окинула взглядом нарисованные горшки, вазы и кувшины. Нет, некого больше добавить. Как жаль — они столько времени были ей друзьями, такими же реальными, как настоящие. Повяло хорошо знакомой, тревожной пустотой. Которая, по словам Ника, стартовая площадка для чего-то нового.

Одновременно Марина черкала один из учебных листов, для которого не хватило прищепки. Там были шар и конус. И вдруг обозначилась третья фигура. Собачий про-

филь... кругленький животик... Незванный персонаж стоял на задних лапах, а передними упирался в шар, стараясь сдвинуть его с места. Он был серый и пятнистый. Павлик дышал над ухом:

— Такого у тебя еще не было... А как его зовут?

— Не знаю пока.

— Это будет комикс? Или большая картина?

— Тоже не знаю.

С улицы засвистел кто-то из приятелей, и братик убежал. Марина, забыв, что надо подводить итоги года и обдумывать дальнейшее направление, и что подкрадывается опасная пустота, безостановочно заполняла один лист за другим, сдергивая их с прищепок и переворачивая чистой стороной. Конечно, это не был Рольд. У дога не было ни сытого животика, ни такой ехидной физиономии. Новый герой не имел ни капли Рольдова благородства, характер у него был пакостный, он уже успел угодить в несколько передраг. Должно быть, это то, что Варя называет арт-терапией. Как же хорошо, что у нее это есть, как бы оно ни называлось! Вот Ник удивится, когда увидит этот шквал!

Птицы на витражах поменяли оттенок, время по ним определялось без часов — можно и пообедать. А впереди — чудесный день, полный свободы, бумаги и карандашей, и еще одной книжки из маминой коробки, и еще одного фильма вечером! А еще впереди — чудесное лето, и пора придумать, как им распорядиться!

Марина несколько раз подпрыгивала, чтобы позвонить Нику, и каждый раз останавливала себя. У него наверняка дела, он и так безвылазно провел тут неделю, подставляя плечо и нянчась с ними всеми. Но эта неделя принесла не только горе, а еще и ясность: им больше не должны помешать ни папа, ни мама, ни собственные амбиции, ни бесконечные заносы в разные стороны.

До сих пор Марина не понимала, как ее родители, моложе, чем она теперешняя, будучи еще школьниками,

могли определиться с выбором — на целую жизнь! Как вообще можно принимать окончательные решения, когда жизнь только начинается. И вдруг оказалось, что можно. И что это не нависающая глыба, а единственно возможный способ жить. Наверное, как съязвила бы Жанна, она и правда доросла и готова прояснить свой социальный статус.

А сколько было метаний три года назад — переходить или нет в гимназию! Казалось, этот выбор отрежет ее от всей предыдущей жизни, привычной, комфортной, выбросит в неизвестность. И сколько раз потом Марина терзалась: а вдруг, если бы она все-таки решилась тогда, не было бы всех испытаний, не пришлось бы проходить через непонимание, разлуку, одиночество? Но ведь даже разбежавшись в разные стороны, они всё равно вернулись друг к другу — значит, не могли не вернуться! Пусть не прямым путем, а обходным, по мрачным коридорам и лестницам. Значит, глубоко внутри выбор, еще не осознанный, был уже сделан!

Марина обнаружила, что уже в который раз читает одно и то же. Перечитала еще раз: *«„Когда вы любите человека, вам всегда хочется, чтобы он ушел, чтобы о нем помечтать. Ушел подальше, чтобы помечтать подольше. Кстати, я должен идти, до свиданья, спасибо вам“.* — *„Как? Уже?“*»

Она достаточно мечтала! Она больше не хочет мечтать!

Марина схватила мобильник, но он сам подскочил в ее руке и залился летней морской песней.

— И я тебе звоню, — обрадовалась она. — Заказывать на ужин следующую пиццу?

— Маринка, — весело кричала трубка, — а у меня новость! Мы там как, всё еще друзья или кто? Ты только не ругайся!

— Ты где? — насторожилась Марина.

— На вокзале! Тут такое дело — а я в армию ухожу!

— Да, слышала уже, ты лысый. Кино будем дома смотреть.

— Не, я правда лысый! Медкомиссию я давно прошел, а на сегодняшнее число была повестка в войска. Я особо не заморачивался — народ и по несколько раз приходит. Один кекс месяц мотался с рюкзаком туда и обратно, никто его не выбирал. А меня хоп — и сразу выбрали! За меня тут вообще подрались!

— Не сомневаюсь. — Марина чувствовала, как внутри всё медленно мертвеет, а снаружи — выцветает на глазах. Мир терял все свои краски и смыслы. Нет чудесного дня. Нет впереди чудесного лета. Есть что-то чудовищное, с чем еще не приходилось справляться.

— Мама в курсе! Я давно ей запретил бегать со взятками и справками! Ты ее там поддержи, и всех наших тоже! Ну, и сама держись!

Если мама в курсе, это не розыгрыш.

— Маринка, ты что молчишь? Я тебя совсем не слышу! Я не знаю, когда еще получится позвонить! Мобилу наверняка отберут!

Марина испугалась, заторопилась:

— Но как так вышло? Ты завалил эту сессию?

— И эту, и ту! Всё собирался записаться на пересдачу. Ну никак у меня эта учеба не вписывалась! Если честно, я вообще на нее не ходил. В общем, не дал им шанса! Да ты не волнуйся, ты же знаешь — я умею выживать!

То, что ей самой придется выживать посреди пустыни — целого года невиданной пустоты, пока не ощущалось. Перед Мариной вставали последние дни вместе — со слезами и первыми после слез улыбками, с разговорами в лабиринте, с любимыми старыми фильмами. Он знал, что это последние дни! Сидел с повесткой в кармане и виду не подавал! Не хотел ее добить? Но ведь она не понимала, что он еще здесь, что можно быть с ним рядом и говорить ему, как она его любит! А сегодня — это уже другой Никола из другого измерения. Всё, что она хотела сказать тому, вчерашнему, для сегодняшнего неактуально. Не время нюни распускать — это она ему, навер-

ное, должна говорить, чтоб это он держался...

— Но мы тебя даже не проводили!

— Да ладно, Маринка, кому нужны эти банальные проводы! А киномарафон у нас какой был зачетный!

Марина опомнилась. Это у нее — распушенные нюни, а у него — горящие глаза. Которые она так часто видела, что без труда смогла себе представить. То, что для нее — трагедия, для всех — страшилка, для ее «победителя» — очередное приключение и возможность выйти из зоны комфорта. Он не терпит неудачу. Он по-прежнему в пути. Он продолжает движение вполне в своем стиле.

— Короче, я не прощаюсь! Будь на связи! Пиццу съедим через год.

Оглавление

Часть I Миражи счастья в маленьком городе	3
Марш за дверь!	5
Шоколадный еж	6
Странный Дом	8
Ослы дремучие	10
Наших бьют!	14
На продукты уже не хватило	16
Голос нашей истории	20
Наверное, комплекс неполноценности	22
Она шла в середине	25
Они у нас поживут	26
Это твоя сестра	27
Как в кино	29
Подружиться захотела?	31
Да зачем ты ей нужен!	32
Всех пускай выгоняют	35
Птица Феникс пока не работает	37
Почему он в тебя не влюбился?	38
Перстень катился по лестнице	41
Мы тебя любим!	42
Отсюда надо перебираться	45
В колодце	48
Лучше вернись!	49
Девушки всегда чего-нибудь хотят	50
А что подумают ребята?	52
Вы поссорились, да?	55
Майку сменил!	58
Она своих дружков ни на кого не променяет	59
Расшифровка	64
Если хочется — значит, можно	66

Такое бывает?!	68
Ты ничего не понимаешь	72
Я тебя видела в розовом лимузине	75
Майский полет	77
Рецепты для влюбленных	78
Как его зовут?	80
Я хотел бы стать рыбой	87
Оставайся с нами!	91
Загадка снежного человека	94
Не дали фильм посмотреть	96
А я к тебе	101
Подыщи другую школу	102
Мы были беспокойными гостями	106
Вы все здесь?	110
Часть II Квест	113
Тридцать первое августа	115
По местам!	116
Как прошло?	117
А зачем мечтать?	118
Митраша и Настя	120
Это ваш мир	123
Кому кирпич?	130
Просто невезуха	134
Поцелуй за голову Пушкина	137
Новогодние киндер-сюрпризы	140
А я не ссорилась!	147
Любовные письма	149
Пошли они все со своими дискотеками	151
Не уроки же учить	153
Я кончу жизнь ничтожным человеком	156
Самый легкий квест	162
Какие еще гостевые комнаты?	166
День рождения придется отменить!	171
Что-нибудь должно остаться?	174

Три букета	175
Поехали со мной	180
Все ахнут	185
Всё пережито	187
А что со мной не так?	192
«Невзначай» должен быть настоящим	197
Я, может, помешал?	201
Амазонит — камень домохозяек	205
Есть лишний карандаш?	206
У принцесс столько трудностей	209
Выход есть	214
Часть III Выход из зоны комфорта	219
Эффект первого дня	221
Студенты ездят в последнем вагоне	224
Что такое осень	226
Разве это он?!	230
А сейчас я убегаю	233
Как нам на это реагировать?	237
Давайте пировать	241
Я тебе еще ракушки принесу	247
Где ты шляешься и где берешь деньги?	251
А ты куда?	257
Показалось	258
Ура, у нас гости	260
Да я всё знаю	263
Это другая вселенная	268
Пауза — значит, пауза	271
Короче, я не прощаюсь	272
Улыбнитесь, пожалуйста	273
Искусство отпускать	277
Разбор полета	279
Студентка	282
Он сбежал	283
Новая жизнь уже началась	285

Скажи, что я сгорела	290
Мы отправимся туда, где хорошая вода	291
Никакая ты мне не родня	298
Классно всё получилось	302
Ночной полет	307
О чем с ним говорить?	309
Больше трех вопросов	316
Голоса друзей	319
Мы можем быть рядом	323
Запрещенный прием	328
Она больше не хочет мечтать	331

Татьяна Краснова

Марина
серия «Знакомые лица»

Иллюстратор Фёдор Краснов